

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

751a v 620, 5

1959

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

RECEIVED 1976

3р 80
05
р 89

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

А В Г У С Т Ъ.

ВЪ КНИЖНИХЪ
ПРОДАВЦАХЪ
И ВЪ СВОИХЪ
ОТДѢЛАХЪ

№ 3575 ж. ф.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ и ЛИТОГРАФІЯ В. В. КОМАРОВА. ФОНТАНКА, 74.

1887.

Δ
Pslaw 620.5 ($\frac{1887}{8}$)
✓ - ИЮЛ 1887

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 августа 1887 г.

61:2 ✓

ЭТЮДЫ ПО РАЗНЫМЪ ВОПРОСАМЪ ОБЩЕЙ ЗООЛОГИИ.

(Окончаніе).

Читатель видитъ, что теорія Брукса, стремящаяся объяснить собственно прогрессивную наслѣдственность, столь же произвольна, какъ и теорія пангенезиса, но еще болѣе сложна и туманна. Если мы изложили здѣсь вкратцѣ эту трудно-выразимую теорію, то лишь потому, что она представляетъ нѣкоторый интересъ въ томъ отношеніи, что имѣетъ претензію согласовать между собою ученія Ламарка и Дарвина. По духу Дарвинова ученія, большая часть варіацій, производящихъ новые виды, возникаетъ въ видѣ неопредѣленныхъ, не необходимо цѣлесообразныхъ измѣненій организаціи. Тѣ изъ этихъ неопредѣленныхъ измѣненій, которыя оказываются полезными въ борьбѣ за существованіе, уцѣлѣваютъ, какъ бы подбираются и передаются изъ рода въ родъ, постепенно суммируясь, а тѣ изъ видовъ, которые не представляютъ такихъ полезныхъ измѣненій, вымираютъ. Процессъ этотъ называется естественнымъ подборомъ. Ламаркъ, напротивъ, придавалъ первенствующее значеніе опредѣленнымъ и цѣлесообразнымъ измѣненіямъ организаціи, которыя онъ и называетъ приспособленіями. Такъ, напримѣръ, гусь, по его представленію, приобрѣлъ длинную шею потому, что изъ рода въ родъ упражнялся въ вытягиваніи ея, доставая пищу со дна озеръ, рѣчекъ и т. п. Такимъ образомъ, Дарвинъ при-

писываетъ наибольшую роль въ измѣненіи органическихъ формъ борьбѣ за существованіе и подбору, производимому ею среди неопредѣленныхъ варіацій; Ламаркъ же — прямому опредѣленному измѣненію организма подѣ влияніемъ внѣшнихъ условій. Бруксъ, подобно Ламарку, принимаетъ прямое измѣненіе частей тѣла въ смыслѣ подготовки матеріала для будущихъ приспособленій, а самую форму приспособленія приписываетъ дѣйствию естественнаго подбора.

Эти двѣ теоріи, Дарвина и Брукса, могутъ быть названы морфологическими теоріями, такъ какъ онѣ предполагаютъ существованіе особыхъ форменныхъ элементовъ (крупинокъ), на дѣятельности которыхъ и основывается наслѣдственность. Кромѣ нихъ, есть и другія морфологическія теоріи, къ которымъ принадлежитъ, между прочимъ, новѣйшая теорія наслѣдственности Августа Вейсмана. Но прежде, чѣмъ перейти къ ея разсмотрѣнію, скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ о нѣкоторыхъ теоріяхъ, имѣющихъ ф и з і о л о г и ч е с к і й характеръ. Такою является теорія «перигенезиса пластидулъ», высказанная Эрнстомъ Геккелемъ. Пластидулы — это мельчайшія частицы, изъ которыхъ строятся пластыды, т.-е. клѣтки и вообще элементарные организмы. Въ каждомъ индивидѣ, какой бы сложности онъ ни былъ, существуетъ особенная форма молекулярнаго движенія пластидулъ и эта-то форма «жизненной волны», видоизмѣняемая въ теченіи индивидуальной жизни вслѣдствіе разныхъ условій существованія, передается потомству и составляетъ сущность наслѣдственности. Болѣе метафизическимъ характеромъ отличается теорія Геринга, который считаетъ наслѣдственность — памятью матеріи. Всякой формѣ, въ которой проявляется матерія, свойственна память, присущая матеріи, какъ одна изъ ея функцій. Въ силу этой памяти, всякій зародышъ всегда развивается въ опредѣленномъ направленіи и порядкѣ, повторяя все то, что онъ, такъ

сказать, запомнилъ отъ предшествующихъ поколѣній. Сходство наслѣдственности съ памятью, по Герингу, тѣмъ убѣдительнѣе, что, какъ доказано многими фактами, наслѣдственность такъ же усиливается многократнымъ повтореніемъ, какъ память развивается упражненіемъ. Известно, напримѣръ, что тѣмъ дольше развивается посредствомъ искусственнаго подбора какая-нибудь порода животныхъ или растений, тѣмъ легче и легче она получается въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Теорія Геринга, какъ согласится читатель, при всемъ остроуміи ея основной мысли, не болѣе, какъ переводъ описанія процесса наслѣдственности съ біологическаго на метафизическій языкъ. Можно приписывать матеріи въ самыхъ простыхъ ея формахъ и память, и сознаніе, какъ это и дѣлалось, и дѣлается многими (вспомните «клеточныя души» новѣйшихъ нѣмецкихъ натурфилософовъ) — и дѣло отъ этого нисколько не уясняется, потому что ни сущность памяти, ни сущность сознанія намъ не известны. «Жизненная волна» Геккеля едва-ли не такъ же мало понятна, какъ и «память матеріи» Геринга. Обѣ эти теоріи показываютъ только, что дѣло идетъ объ одномъ изъ кардинальныхъ жизненныхъ процессовъ, которыхъ мы видимъ лишь конечныя внѣшнія проявленія и которыхъ внутренняя сущность намъ теперь, а можетъ быть и навсегда, совершенно недоступна. Мы, при всѣхъ теоріяхъ, не имѣемъ о ней никакого понятія, и объясненія, подобныя объясненіямъ Геринга и Геккеля, лишь замѣняютъ понятія словами.

Doch ein Begriff muss bei dem Worte sein,
говорить ученикъ въ Гетевскомъ «Фаустѣ».

Schon gut! Nur muss man sich nicht allzu ängstlich quälen,
Denn eben wo Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein.

Такъ отвѣчаетъ ему Мефистофель, переодѣвшійся въ пла-

тѣ Фауста. Но лучше остаться безъ отвѣта, чѣмъ принять такой отвѣтъ.

Переходимъ къ изложенію новой теоріи наслѣдственности, обнародованной знаменитымъ нѣмецкимъ зоологомъ Вейсманомъ въ 1883 и подробнѣе въ 1885 году, и съ тѣхъ поръ неутомимо развиваемой и защищаемой имъ и его послѣдователями. Эта теорія надѣлала много шума, вызвала возраженія и споры выдающихся ученыхъ, и это, главнымъ образомъ, потому, что она не только стремится объяснить разныя формы наслѣдственности, но и ставить такія положенія, которыя существеннымъ образомъ видоизмѣняютъ теорію естественнаго подбора. Надо замѣтить при этомъ, что Вейсманъ остается убѣжденнымъ дарвинистомъ, признавая всю важность принциповъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, и лишь давая явленіямъ прогрессивной наслѣдственности объясненіе совершенно новое.

Теорія Вейсмана заключается въ слѣдующемъ. У простѣйшихъ животныхъ, какъ извѣстно и какъ мы видѣли выше, явленія наслѣдственности, консервативной и прогрессивной, понятны потому, что тѣло ихъ не раздѣлено на органы, а равняется одной клѣткѣ, и вещество этой клѣтки прямо продолжается въ потомствѣ. Если материнская клѣтка до періода своего размноженія не приобрѣла никакихъ индивидуальныхъ особенностей, то и потомство не имѣетъ при началѣ своей жизни никакихъ особенностей; если же, на примѣръ, какая-нибудь амѣба приобрѣла уплотненіе своей протоплазмы отъ сопротивленія току воды, то это приспособленіе передается продуктамъ ея дѣленія съ самаго начала ихъ жизни. И такъ, у простѣйшихъ существуетъ продолжаемость недѣлимаго (*Continuität des Individuums*), объясняющая намъ явленія наслѣдственности. У многоклѣточныхъ организмовъ (*Metazoa*) такой продолжаемости индивида не существуетъ, а существуетъ, по мнѣнію Вейсмана, такъ называемая про-

должаемость зародышевой плазмы (*Continuitat des Keimplasmas*). Именно, Вейсманъ представляет себѣ дѣло такимъ образомъ. Клѣтки, составляющія тѣло сложнаго организма, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: клѣтки зародышевыя (*Keimzellen*), служащія для продолженія рода, т.-е. половые продукты (яйца и живчики), и клѣтки соматическія (*somatische Zellen*) ¹⁾, составляющія собственно тѣло индивида, — т.-е. всѣ остальные. Всякій многоклѣточный организмъ возникаетъ изъ одной клѣтки-яйца (оплодотвореннаго или неоплодотвореннаго), путемъ ея дробленія на большее число клѣтокъ и путемъ дифференцировки этихъ послѣднихъ. Въ яйцѣ и сѣмечкѣ заключается специфическая зародышевая плазма (*Keimplasma*), которая имѣетъ чрезвычайно сложное молекулярное строеніе и сосредоточена, по всей вѣроятности, въ ядрѣ половой клѣтки. При послѣдовательномъ дѣленіи сегментаціоннаго ядра, которое предшествуетъ дѣленію протоплазмы, часть зародышевой плазмы остается неизмѣнною и примѣшивается къ нѣкоторымъ изъ образующихся клѣтокъ, и эти клѣтки современемъ дадутъ начало половымъ клѣткамъ развивающагося новаго организма. У нѣкоторыхъ двукрылыхъ насѣкомыхъ, замѣчательнымъ образомъ, первыми продуктами дробленія яйца являются такъ называемыя полярныя клѣтки, изъ которыхъ потомъ развиваются половыя железы и которыя содержать, по Вейсману, всю зародышевую плазму. У этихъ насѣкомыхъ, слѣдовательно, процессъ совершается просто, у другихъ же сложныхъ организмовъ онъ затемненъ. За обособленіемъ неизмѣнной части зародышевой плазмы въ будущихъ половыхъ клѣткахъ новаго индивида, всѣ остальные продукты дробленія яйца дадутъ въ результатъ соматическія клѣтки, неспособныя къ воспроизведенію новаго организма. Только у немногихъ организ-

---

¹⁾ По гречески *soma* значить тѣло.

мѡвъ, какъ у мховъ, соматическія клѣтки содержатъ, вѣроятно, нѣкоторое количество неизмѣнной зародышевой плазмы, потому что у нихъ, какъ извѣстно, почти каждая клѣтка тѣла при благопріятныхъ условіяхъ способна выростать въ самостоятельное растеніе. И такъ, слѣдовательно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ только часть зародышевой плазмы оплодотвореннаго или партеногенетическаго яйца остается неизмѣненною и идетъ на образованіе половыхъ клѣтокъ новаго индивида. Въ этихъ половыхъ клѣткахъ, слѣдовательно, продолжается зародышевая плазма предшествующаго поколѣнія. Эта зародышевая плазма растетъ, какъ и весь организмъ, въ слѣдствіе питанія, и при помощи половыхъ продуктовъ продолжается опять въ слѣдующее поколѣніе. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе того, что при развитіи новаго организма часть зародышевой плазмы каждый разъ остается неизмѣненною, существуетъ непрерывная продолжаемость зародышевой плазмы изъ поколѣнія въ поколѣніе и зародышевую плазму можно назвать безсмертною въ томъ же смыслѣ, въ какомъ приписывается безсмертіе одноклѣточнымъ организмамъ. «Можно сравнить зародышевую плазму, говоритъ Вейсманъ,—съ длиннымъ ползучимъ корнемъ. отъ котораго восходятъ въ извѣстныхъ пунктахъ отдѣльныя растенія—индивиды слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній».

Соматическія клѣтки—нѣчто совершенно особое отъ половыхъ, и послѣднія, по Вейсману, никогда не происходятъ отъ первыхъ. Зародышевая плазма не производится вновь въ каждомъ новомъ индивидѣ, а наследуется отъ предъидущаго поколѣнія, а потому ея свойства, т.-е., прежде всего, ея специфическое молекулярное строеніе—не зависятъ отъ индивида, въ которомъ она находится и который составляетъ, такъ сказать, только почву для ея питанія и роста. Между тѣмъ, именно это-то молекулярное строеніе зародышевой плазмы и опредѣляетъ напра-

вление будущаго развитія яйца, и, слѣдовательно, исключительно одна зародышевая плазма является носителемъ всѣхъ наслѣдственныхъ свойствъ.

Но, спросить читатель, если это такъ, если зародышевая плазма есть единственный субстратъ наслѣдственности, если она совершенно независима отъ соматическихъ клѣтокъ, то какимъ же образомъ возможна прогрессивная наслѣдственность? Вѣдь, зародышевая плазма прямо продолжается изъ поколѣнія въ поколѣніе и, при независимости ея, измѣненія соматическихъ клѣтокъ или никогда, или въ громадномъ большинствѣ случаевъ не могутъ отражаться на ея структурѣ. Какъ же передаются тогда по наслѣдству измѣненія тѣла, пріобрѣтенныя въ индивидуальной жизни?

«Никакъ, — отвѣчаетъ Вейсманъ. Пріобрѣтенные характеры вовсе не передаются по наслѣдству, и я не признаю достовѣрнымъ ни одного случая, приводимаго въ доказательство такой передачи». Для поясненія своей мысли онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ ¹⁾.

«Дѣти фортепіаннаго виртуоза, — говоритъ онъ, — не наслѣдуютъ искусства фортепіанной игры. Они должны учиться столь же трудолюбиво, какъ и ихъ отецъ; единственное, что они могутъ наслѣдовать—это музыкальныя способности и гибкость рукъ». Затѣмъ приводятся разные другіе примѣры.

Не будемъ пока критиковать ни этихъ примѣровъ, ни самаго мнѣнія Вейсмана о непередаваемости пріобрѣтенныхъ характеровъ по наслѣдству. Прежде всего, насъ долженъ заинтересовать вопросъ: какимъ же образомъ согласовать такіе взгляды съ твердымъ убѣжденіемъ въ измѣняемости видовъ, съ убѣжденіемъ, которое Вейсманъ всегда проводилъ и защищалъ, и котораго онъ держится и до

¹⁾ Нѣкоторые сюда же относящіеся примѣры были приведены въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Богатства», въ статьѣ «О прогрессѣ въ царствѣ животныхъ».

сихъ поръ? Вѣдь, если пріобрѣтенныя особенности не передаются потомству, то какъ же можетъ существовать прогрессивная наслѣдственность, которая именно и обуславливаетъ собою измѣняемость видовъ?

Чтобы объяснить явленія прогрессивной наслѣдственности и возможность появленія варіацій, ведущихъ къ измѣненію видовъ, Вейсманъ выдвигаетъ новую теорію и разыскиваетъ ее въ отдѣльной брошюрѣ (1886). Пріобрѣтенныя особенности, говоритъ онъ, не могутъ передаваться по наслѣдству, а потому должны существовать другой источникъ измѣняемости видовъ и источникъ этотъ для всѣхъ многокѣлочныхъ организмовъ заключается въ половомъ размноженіи.

«Можно, пожалуй, подумать,—говоритъ Вейсманъ,—что различныя внѣшнія вліянія могутъ обнаруживать свое дѣйствіе не только на готовый или развивающійся индивидъ, но уже на половую кѣтку... и вызывать различныя небольшія измѣненія въ молекулярномъ строеніи зародышей плазмы,... а черезъ это передаваться по наслѣдству. Не отрицая вполнѣ существованія такихъ измѣняющихъ вліяній, я думаю, однако, что они не принимаютъ никакого участія въ произведеніи индивидуальных наслѣдственныхъ характеровъ. Зародышевая плазма, конечно, имѣетъ весьма сложное строеніе, но притомъ строеніе весьма устойчивое, которое не измѣняется при своемъ питаніи и ростѣ. Вспомнимъ набальзамированныхъ животныхъ древнихъ египтянъ: муміи эти достигаютъ до 4000 лѣтъ древности, а сходство ихъ съ нынѣшними животными показываетъ, что ихъ зародышевая плазма въ теченіи этихъ 4000 лѣтъ не измѣнила своей структуры... Слѣдовательно, измѣняемость должна имѣть другой источникъ, и я вижу его въ половомъ размноженіи... Последнее состоитъ, какъ извѣстно, въ сліяніи двухъ зародышевыхъ кѣтокъ или ихъ ядеръ; эти кѣтки содержатъ зародышевую плазму съ ея молекулярнымъ строеніемъ, особен-

нымъ для каждаго индивида и передающимъ по наслѣдству его главные свойства. И такъ, при оплодотвореніи яйца смѣшиваются двѣ зародышевыя плазмы, а черезъ это—двѣ наслѣдственные тенденціи. Въ этомъ смѣшеніи я усматриваю причину наслѣдственной передачи индивидуальныхъ характеровъ и задачу полового размноженія. Оно даетъ матеріаль для индивидуальныхъ варіацій, изъ которыхъ, путемъ естественнаго подбора, происходятъ новые виды».

Словомъ, Вейсманъ придаетъ особенное значеніе тѣмъ комбинаціямъ при двусторонней наслѣдственной передачѣ, которыя мы исключили выше въ видѣ оговорки, когда опредѣляли значеніе консервативной наслѣдственности. Эти комбинаціи признаковъ, свойственныхъ отцу и матери, составляютъ, по мнѣнію Вейсмана, единственный элементъ прогрессивной наслѣдственности; въ той же формѣ, въ какой мы выше опредѣлили прогрессивную наслѣдственность, т.-е. какъ способность передачи потомству приобрѣтенныхъ признаковъ, онъ ея не признаетъ вовсе.

Прямымъ слѣдствіемъ такой формулировки взгляда на прогрессивную наслѣдственность является отрицаніе такой наслѣдственности при партеногенетическомъ размноженіи. Если не происходитъ оплодотворенія яйца, но нѣтъ необходимаго условія для передачи варіацій по наслѣдству, а потому, по мнѣнію Вейсмана, тѣ виды организмовъ, которые размножаются исключительно партеногенетически (*Chermes*, также нѣкоторые мелкіе рачки изъ группы *Ostracoda*), неспособны къ измѣненію. Такъ какъ у этихъ существъ нѣтъ передачи варіацій, то нѣтъ и матеріала для образованія видоизмѣненій и новыхъ видовъ путемъ естественнаго подбора. Такимъ образомъ, выгоды, доставляемыя партеногенезомъ, въ смыслѣ обезпеченія существованія вида, покупаются дорогою цѣной потери возможности прогрессировать далѣе.

Придавая, слѣдовательно, первенствующее значеніе въ

измѣненіи видовъ половому размноженію, Вейсманъ тѣмъ самымъ даетъ объясненіе возникновенію первыхъ измѣненій, изъ которыхъ въ послѣдствіи развиваются новые виды. Въ этомъ смыслѣ его теорія, на первый взглядъ, сильно противорѣчащая ученію Дарвина, которое вообще принимаетъ передачу приобрѣтенныхъ особенностей, въ сущности, ведетъ къ тому, чтобы оказать этому ученію скорѣе услугу. Теорія Дарвина, удовлетворительно объясняя происхожденіе новыхъ видовъ изъ готовыхъ небольшихъ измѣненій, даетъ мало указаній относительно способа возникновенія именно этихъ первыхъ измѣненій; по теоріи же Вейсмана, эти измѣненія необходимо должны происходить при половомъ размноженіи, вслѣдствіе безконечно разнообразныхъ комбинацій въ строеніи зародышевой плазмы оплодотворяемаго яйца. При этомъ начало такихъ измѣненій лежитъ, какъ принимаетъ Ламаркъ, а за нимъ и Дарвинъ, во вліяніи внѣшнихъ условій,—но лишь начало, такъ какъ прямое вліяніе внѣшнихъ условій могло обнаруживаться только на одноклѣточныхъ организмахъ. Эти организмы, какъ мы видѣли выше, не представляютъ особаго затрудненія для объясненія происходящей у нихъ наслѣдственной передачи характеровъ, какъ обычныхъ, такъ и приобрѣтенныхъ. Уже у этихъ низшихъ существъ выработалось половое размноженіе, которое способствовало увеличенію числа варіацій, въ особенности, комбинированіемъ ихъ. Будучи у этихъ организмовъ лишь вспомогательнымъ источникомъ измѣненія видовъ, у высшихъ половое размноженіе сдѣлалось исключительнымъ источникомъ этого измѣненія, въ силу ихъ многоклѣточности и вслѣдствіе независимости половыхъ клѣтокъ отъ соматическихъ.

Мы покончили изложеніе новой теоріи наслѣдственности. При самомъ своемъ появленіи теорія эта вызвала рѣзкія возраженія нѣкоторыхъ ученыхъ; въ томъ числѣ знаменитый Вирховъ напечаталъ объемистую статью противъ ученія Вейсмана. При всей цѣнности данныхъ, со-

державшихся въ этой статьѣ, нельзя не признать, что возраженія Вирхова отчасти обусловлены не полнымъ уясненіемъ себѣ точки зрѣнія Вейсмана. Главная тема его статьи — доказательство отсутствія принципиальнаго различія между патологическими и нормальными измѣненіями, изъ которыхъ какъ тѣ, такъ и другія могутъ быть наслѣдственны; если бы біологи болѣе обращали вниманія на данныя патологіи, то, по мнѣнію Вирхова, существованіе наслѣдственной передачи приобрѣтенныхъ особенностей не подвергалось бы сомнѣнію. Вейсманъ опубликовалъ противъ этой статьи и другихъ критиковъ довольно короткое, но существенное возраженіе, въ которомъ настаиваетъ на необходимости различать между прирожденными и собственно приобрѣтенными измѣненіями. Такъ, на примѣръ, мы знаемъ, что нерѣдко передаются по наслѣдству такія индивидуальныя особенности родителей, какъ пучокъ сѣдыхъ волосъ среди темныхъ, уродливая форма пальцевъ и пр. Но ничѣмъ не доказано, что эти особенности были приобрѣтены, т.-е. возникли вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній. Весьма возможно, что эти особенности были прирождены, т.-е. явились въ извѣстномъ возрастѣ вслѣдствіе особенной комбинаціи строенія зародышевой плазмы. Между тѣмъ, именно такія-то особенности, приобрѣтенность которыхъ трудно или нельзя доказать, составляютъ главную опору для возраженій Вирхова. «Мнѣ не совсѣмъ понятно, — говоритъ Вирховъ, — почему Вейсманъ допускаетъ лишь унаслѣдованіе искусственно произведенныхъ болѣзней... Я готовъ даже утверждать, что Вейсманъ сильно затруднилъ бы большую часть врачей, если бы потребовалъ отъ нихъ указаній на искусственно произведенныя и притомъ наслѣдственныя болѣзни; между тѣмъ, любой врачъ, конечно, можетъ привести цѣлый рядъ естественно возникшихъ и затѣмъ унаслѣдованныхъ расстройствъ». Ясно, что тутъ недоразумѣніе: потому-то Вейсманъ и хочетъ говорить только объ искусственно произведенныхъ болѣз-

няхъ, что только относительно ихъ, по его мнѣнію, можно знать навѣрное, что онѣ приобрѣтены, а не прирождены.

Присоединяясь къ мнѣнію Вейсмана, что возраженія его противниковъ основаны отчасти на недоразумѣніяхъ, мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что теорія его необходимо должна быть принята. Надо признать, конечно, что эта новая теорія наслѣдственности чрезвычайно остроумна и объясняетъ многіе факты. Нельзя назвать ее слишкомъ умозрительною, такъ какъ она опирается на факты, во всякомъ случаѣ, болѣе, чѣмъ какая-либо другая изъ теорій наслѣдственности. Уже одинъ фактъ появленія у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ полюсныхъ клѣтокъ, дающихъ впоследствии половыя железы, ранѣе образованія зародышевыхъ пластовъ, — весьма многозначителенъ для теоріи, придающей столь важное значеніе половому размноженію. Не менѣе важны для нея и нѣкоторые другіе факты, недавно добытые, относительно развитія извѣстныхъ группъ низшихъ животныхъ. Нѣкоторыя особенности организмовъ, размножающихся исключительно партеногенетически, также могутъ служить опорой для теоріи Вейсмана. Наконецъ, еще разъ укажемъ на то, что она старается дать нѣкоторое объясненіе возникновенію варіацій, подлежащихъ дѣйствию естественнаго подбора, между тѣмъ, какъ теорія Дарвина опирается собственно только на дальнѣйшія варіаціи, развившіяся изъ готовыхъ уже видоизмѣненій, происхожденіе которыхъ мало объяснено у Дарвина¹⁾. Укажемъ также на важный принципъ панмиксии, вводимый Вейсманомъ въ біологію и выясненный въ статьѣ «О регрессѣ въ царствѣ животныхъ» («Русск. Богатство». № 4, 1887). Словомъ, теорія Вейсмана должна быть, во всякомъ случаѣ, названа самою совершенною изъ существующихъ теорій наслѣдственности.

---

¹⁾ Надо замѣтить, впрочемъ, что подобная же мысль, т. е. идея о вліяніи скрещиванія на появленіе варіацій, встрѣчается уже у самого Дарвина.

При всемъ томъ, едва-ли эта теорія имѣетъ будущность. Главное положеніе этой теоріи, — что приобрѣтенныя особенности не могутъ передаваться по наслѣдству, — слишкомъ смѣло и не выдерживаетъ строгой критики. Прежде всего, упрекъ Вирхова біологамъ въ недостаточномъ знакомствѣ съ фактами патологіи далеко не лишень основанія. Есть, несомнѣнно, много заболѣваній, которыя возникаютъ часто путемъ индивидуальнаго приобрѣтенія и, тѣмъ не менѣе, передаются по наслѣдству. Однѣ нервныя болѣзни могутъ представить много такихъ примѣровъ. Заболѣваніе той или другой части нервной системы можетъ произойти отъ какой-либо части внѣшней причины — отъ механическаго поврежденія, отъ простуды, отъ раздраженій, вызывающихъ сильныя психическія движенія, и т. п.; слѣдствіемъ всего этого могутъ явиться интензивныя нервныя растройства, которыя нерѣдко имѣютъ сильную наклонность къ наслѣдственной передачѣ. При этомъ надо замѣтить, что нервныя растройства передаются дѣтямъ далеко не всегда въ той же формѣ, въ какой они были у родителей: у первыхъ можетъ явиться одна нервная или психическая болѣзнь, у вторыхъ — другая; но фактъ наслѣдственной передаваемости нервныхъ растройствъ вообще не подверженъ никакому сомнѣнію. Вейсманъ, въ своемъ отрицаніи наслѣдственности приобрѣтенныхъ особенностей, не будучи притомъ свѣдущъ въ патологіи, доходитъ до чрезвычайныхъ крайностей. Можно не протестовать противъ его недовѣрія къ такимъ примѣрамъ, какъ происхожденіе безхвостой расы кошекъ или собакъ вслѣдствіе систематическаго отрубанія хвостовъ, или какъ вышеприведенный случай коровы, потерявшей рогъ и произведшей однорогихъ телятъ; можно пренебречь, какъ недостаточно доказательными, многими примѣрами изъ области патологіи, но нельзя никоимъ образомъ согласиться съ нимъ, когда онъ отвергаетъ доказательную силу такихъ свидѣтельствъ, каковы вышеупомянутые опыты Броунъ Секара,

повторенные и усовершенствованные Оберштейнером. Вейсманъ посвящаетъ этимъ опытамъ цѣлую особую главу, въ которой напрягаетъ всѣ усилія, чтобы уменьшить значеніе этихъ изслѣдованій, роковыхъ для его теоріи.

Напомнимъ читателю, что Броунъ Секаръ производилъ у морскихъ свинокъ пораненія, вызывавшія припадки эпилепсіи (падучей болѣзни), и что склонность къ эпилепсіи передавалась дѣтенышамъ этихъ свинокъ. Въ достовѣрности этого факта нельзя уже сомнѣваться; поэтому, Вейсманъ приводитъ лишь рядъ соображеній и предположеній, чтобы спасти свою теорію. Во первыхъ, онъ говоритъ, что опыты эти не доказываютъ наслѣдственности прибрѣтенныхъ характеровъ, «такъ какъ эпилепсія не есть какая-либо морфологическая черта, но болѣзнь». Но неужели всѣ фізіологическія варіаціи не имѣютъ никакого значенія, если онѣ не выражаются или не успѣли еще выразиться въ строеніи организма? Если возразить, что эпилепсія есть патологическій, а не фізіологическій процессъ, то на это легко отвѣтить указаніемъ на отсутствіе границы между нормальными и болѣзненными явленіями. Наконецъ, морфологическія черты не всегда такъ грубы, чтобы онѣ могли быть сразу подмѣчены, и, быть можетъ, найдется морфологическая подкладка и для эпилепсіи. Далѣе Вейсманъ указываетъ, что далеко не всѣ, а лишь немногіе дѣтеныши унаслѣдовали эпилепсію, другіе же или были здоровы, или имѣли инныя нервныя болѣзни. Последнее и не удивительно и ничуть не ослабляетъ доказательной силы опытовъ, такъ какъ извѣстно, что нервныя болѣзни могутъ передаваться по наслѣдству въ различной формѣ, на что мы указывали выше. Но какъ же, во всякомъ случаѣ объяснить все-таки существующую наслѣдственную передачу искусственной эпилепсіи, если даже не признать доказательной силы этого факта? Вотъ тутъ-то Вейсманъ и впадаетъ въ наиболѣе рѣзкую крайность, чѣмъ и обличаетъ слабость своей теоріи и собственную свою

неубѣжденность въ силѣ предъидущихъ его доказательствъ. Онъ предполагаетъ ни больше, ни меньше, какъ инфекціонный характеръ эпилепсіи, ставя ее, такимъ образомъ, въ одинъ рядъ съ сифилисомъ и другими наследственно-заразительными болѣзнями! По его мнѣнію, эпилепсія происходитъ отъ особыхъ бациллъ, которыя при опытахъ Броунъ-Секара проникали въ мозгъ морскихъ свинокъ, развивались тамъ и заражали половыя кѣтки, при посредствѣ которыхъ эпилепсія и передается по наследству. При этомъ Вейсманъ видитъ подтвержденіе своей гипотезы о бациллахъ въ томъ, что при опытахъ Броунъ-Секара эпилепсія развивалась при пораненіи самыхъ различныхъ частей нервной системы — головного мозга, спиннаго мозга, крупныхъ нервовъ и проч. Но, вѣдь, существуетъ же искусственная эпилепсія и безъ пораненій? Вестфаль, напр., производилъ эпилепсію у морскихъ свинокъ ударами по головѣ. Вейсманъ, чтобы выйти изъ затрудненія, предполагаетъ, что бываетъ два рода эпилепсіи, одна отъ бациллъ, а другая — безъ нихъ. До такой то непослѣдовательности доходитъ этотъ вообще строгій и тонкій мыслитель! Это можно объяснить только непреодолимымъ желаніемъ отстоять свою теорію, и, быть можетъ, также недостаточнымъ знакомствомъ съ патологіею.

Надѣмся, изъ всего этого видно, что новая теорія наследственности не можетъ удержаться. Наслѣдственная передача приобрѣтенныхъ особенностей, несомнѣнно, существуетъ; половое размноженіе, несомнѣнно, играетъ важную роль при образованіи первыхъ, незначительныхъ варіацій, но въ высшей степени невѣроятно, чтобы ему одному принадлежала роль произведенія видоизмѣненій, какъ это хочетъ доказать Вейсманъ.

Но если мы отвергаемъ теорію Вейсмана и принимаемъ существованіе прогрессивной наследственности въ томъ видѣ, какъ мы опредѣлили ее въ началѣ этого этюда, — то мы снова стоимъ передъ неразрѣшеннымъ вопросомъ:

№ 3575 ж.ф.

какъ могутъ отражаться приобрѣтенныя видоизмѣненія различныхъ частей тѣла на молекулярномъ строеніи половыхъ клѣтокъ, чтобы черезъ нихъ быть переданными по наслѣдству?

Отвѣта на этотъ вопросъ при современномъ состояніи науки дать нельзя и остается лишь принять фактъ, какъ онъ есть, не объясняя его. Весьма возможно, что въ будущемъ доказано будетъ, для царства животныхъ, участіе въ этомъ процессѣ нервной системы, которая, такъ сказать, посредствуетъ между всѣми частями организма и завѣдуетъ всѣми ихъ функціями. Въ этомъ отношеніи опять-таки опыты Броунъ Секара бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на сущность дѣла. Измѣненія въ нервной системѣ, вызвавшія эпилепсію, могли распространиться по всей нервной системѣ, а черезъ это подѣйствовать и на половыя клѣтки, путемъ-ли трофическаго вліянія, или другимъ образомъ,— объ этомъ трудно что-нибудь сказать. Въ виду того, что нервныя окончанія въ клѣткахъ разныхъ органовъ весьма интимно связаны съ протоплазмой этихъ клѣтокъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что молекулярныя измѣненія нервовъ могутъ прямо и сильно вліять на молекулярную структуру клѣтокъ, и наоборотъ. Но обо всѣхъ этихъ вещахъ еще слишкомъ мало извѣстно, чтобы на основаніи этого можно было строить какія-либо гипотезы.

Въ настоящее время зоологія находится въ расцвѣтѣ своего морфологическаго періода, а сравнительная фізіологія лишь зарождается. Наслѣдственность же—процессъ чисто-фізіологическій и притомъ весьма сложный и тонкій. Вотъ почему теперь едва-ли возможна теорія наслѣдственности, заслуживающая этого имени, т.-е. объясняющая не формы процесса, а самый процессъ.

Теорія наслѣдственности принадлежитъ будущему.

Заканчивая этотъ этюдъ, мы снова обращаемъ вни-

маніе читателя на то, что вся сложная работа мысли, которую онъ только-что прослѣдилъ, велась на почвѣ Дарвинова ученія. Иначе и быть не могло, ибо быть мыслящимъ зоологомъ — значитъ признавать основы этого ученія, безъ котораго наша наука теряетъ все свое внутреннее содержаніе. Теорія Вейсмана могла бы показаться (и казалась нѣкоторымъ, даже специалистамъ) разрушительною для теоріи Дарвина; на дѣлѣ же она стремилась только быть дальнѣйшимъ развитіемъ этой послѣдней, — яркое доказательство глубокой важности и внутренней силы ученія, которое подвергается у насъ въ послѣднее время столькимъ нападкамъ. Къ счастью для науки, модные взгляды фельетоновъ и полемическихъ статей не могутъ вліять на развитіе знанія, которое идетъ себѣ своимъ путемъ, какъ шло бы, если бы и не было этихъ нападокъ, притомъ не новыхъ и бесполезно старающихся подорвать Дарвиново ученіе съ первыхъ дней его существованія.

Н. Холодковскій.

ПРИНЦЕССА МАЯ.

Я живу въ кустахъ черемухъ,
Я зовусь принцессой мая;
Мнѣ покорны эльфы лѣса,
Мнѣ покорны грезы рая.

Я качаюсь въ сладкой дремѣ
Въ бѣломъ ландышѣ, смотря,
Какъ сквозить въ росинкахъ свѣтлыхъ
Переливная заря.

Въ золотой, душистый полдень,
Утомясь душой и тѣломъ,
Отдыхаю, точно жница,
Я подъ колосомъ неарѣлымъ;
Надо мной, раскрывши зонтикъ,
Звѣздоокий василекъ
Шепчетъ сказки и цѣлуетъ,
Наклоняясь, мой вѣнокъ.

И когда я бѣлой ночью,
Шелестя, иду по саду—
Узнаетъ меня влюбленный
По сіянію и взгляду...

И когда вхожу я грустно
Безъ вѣнка и безъ свирѣли
Къ истомленному страдальцу,
Гдѣ онъ мечется въ постели,—
Онъ вздыхаетъ полной грудью,
Но едва склонюсь къ нему...
Тихо очи закрываетъ,
Погружаясь въ миръ и тьму...

К. Фогановъ.

ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

(Продолженіе)

6-го января. Вчера я забыла записать очень характерную вещь. Предъ началомъ класса, хлопцы мнѣ сообщаютъ вдругъ, что братъ (мужикъ уже) Семена Попеченко «похвально бить меня». Я спрашиваю за что? «Да за то, говорятъ, что погано учите, ні якъ не наказуете его брата, а винъ що схоче, то и робе. Хиба жъ, каже, такъ учать». Они ждали, что я скажу на это, и я сказала, что хотя мнѣ и очень непріятно слышать о томъ, что есть люди, которые думаютъ еще, что ученье состоитъ въ томъ, чтобы бить и ругать, но что если ему хочется прибить меня—пускай бьетъ.

Хлопцы были съ самаго утра. Одинъ Степанъ (идеалистъ) пришелъ мѣнять книги. Принесъ Григоровича «Антонъ Горемыка». Не сталъ читать все по порядку, а выбиралъ тѣ мѣста только, гдѣ нѣтъ руготни. Этого, говорить, и такъ много слышишь безъ книжекъ, ажъ надоѣло. А «Чѣмъ люди живы» три раза прочелъ и еще просилъ подобной книжки.

7-го января. Я вчера сидѣла у Николаевыхъ и ночевать осталась. Хлопцы же сошлись и ждали меня. Дуня боялась остаться одна и не отпускала ихъ. Но они все прывались уходить. Было уже поздно, а меня все нѣтъ. Тогда Бобрикъ сталъ уговаривать товарищей не бросать

Дуню одну въ хатѣ. Она плакала и просила. Они согласились и остались ночевать. Къ моему приходу они вымели мою хату и все прибрали.

8-го января. Товарищи стали дразнить тѣхъ хлопцевъ, которые у меня бываютъ, тѣмъ, что они «къ учительницѣ на вечерницы ходятъ». Мнѣ было очень неприятно слышать это, но они ужасно сконфузились, когда я ихъ стала приглашать на свои «вечерницы». Съ однимъ изъ учениковъ (Иванъ Васинъ) большая перемѣна—изъ «акулы», какъ я его называла, онъ обратился въ скромнаго мальчика. Не знаю, чему приписать.

Ефимъ Барабашевъ упросилъ меня взять отъ него два яйца и видно было, что этимъ я ему сдѣлала удовольствіе. Вчера пришли къ Дунѣ подружки ея и въ числѣ ихъ одна очень симпатичная дѣвочка; я приласкала ее, читала ей, картинки показывали. Сегодня она вдругъ приноситъ мнѣ пять яицъ и говоритъ, что мать прислала. Я спрашиваю: за что? «Гостинецъ вамъ». Потомъ оказалось, что она прислала ихъ за то, что я привѣтливо ея дочь встрѣтила.

9-го января. Сегодня было начало портняжнаго класса. Я пошла посмотрѣть, какъ портной будетъ обращаться съ дѣтьми. И вотъ, что я увидала: ребенокъ еще не знаетъ, что дѣлать съ иглой, которую ему дали, ему еще не растолковали, какъ и что, а щелчкомъ уже наградили. Я ушла. Потомъ портной пришелъ ко мнѣ, и я съ нимъ поговорила по этому поводу, но онъ хотѣлъ отказаться отъ этого щелчка, говоря, что это нечаянно случилось. Хлопцы послѣ класса тоже прибѣжали ко мнѣ, и когда портной ушелъ, одинъ говоритъ: «винъ сердитый». Раньше же этотъ хлопецъ приставалъ ко мнѣ, почему я на «колюшки» никого не ставлю. Я ему и говорю: «Ну вотъ, Грицько, ты теперь дождался сердитаго учителя—радъ? «Ні, погано». «Вѣдь, ты же скучалъ безъ наказаній?»— «Це я тільки балакалъ».

10-го января. Пришла изъ школы, и не знаю, какъ опредѣлить свое душевное настроеніе. Мнѣ кажется, что все рухнуло—любовь, довѣріе и т. д., и осталось только сознаніе своего безсилія и упрекъ—не берись, коли не можешь.

Семенъ Попеченко хотѣлъ привести ко мнѣ своего старшаго брата (который собирался меня бить). Но тотъ пришелъ до двери, а войти не рѣшился. А Семенъ сталъ приводить ему разные доводы о моемъ гостепріимствѣ, и, въ концѣ концовъ, говорить: «ходімъ, ходімъ, вона смирна и прямо якъ мужичка». Но онъ все же не вошелъ, хотя Семенъ и старался уничтожить сословную преграду. Семенъ же разговаривалъ у меня, рассказывалъ, какъ его дома бьютъ и ругаютъ, и что одинъ разъ такъ прибили, что онъ три дня былъ боленъ. Въ концѣ разговора онъ спросилъ и меня, есть-ли у меня мать или отецъ. И когда я сказала, что нѣтъ, то онъ какъ будто съ жалостью сказалъ: «Такъ вы сирота — ні батько, ні мати нема у васъ» (Семену 10 лѣтъ).

12-го января. Мать одного изъ хлопцевъ принесла ему пироговъ съ картофелемъ и угостила меня. Пирогъ оказался очень вкуснымъ. Одинъ же хлопецъ принесъ мнѣ «пишку», — свадебное печенье. Я приняла. Вечеромъ, во время ученія у себя на дому, я позволяю разговаривать, смѣяться, и вслѣдствіе этого, мнѣ кажется, они не чувствуютъ утомленія, такъ какъ, занявшись три часа, они готовы еще читать и писать. Вообще вечерніе уроки не имѣютъ ничего казеннаго. Учениковъ прибавилось.

18-го января. Вечеромъ собралось одновременно много учениковъ, негдѣ было сажать. Читали по букварю, попалось слово «юноша». Я спрашиваю, кого мы такъ называемъ? «О! оце Ефимъ, що пидля Веклы живе»!¹⁾ Я спрашиваю: какой такой юноша Ефимъ? Оказы-

---

¹⁾ О! Это тотъ Ефимъ, который около Веклы живетъ.

вается, что Ефимъ уже пожилой мужикъ, но его дразнятъ «юношей». Значеніе же этого слова для нихъ было неизвѣстно.

Сегодня я пришла въ классъ очень рано, хлопцы начали драться, я побранила большаго, т.-е. сказала ему, что онъ можетъ удалиться, но онъ остался. Я же сѣла у стола и начала читать книгу. Вдругъ онъ подходитъ и кладя «пишку» на то мѣсто, гдѣ я читаю, говоритъ:—«оце буква, чи що»? Это было сдѣлано, и главное, сказано такъ серьезно, какъ будто онъ дѣйствительно спрашивалъ про что-нибудь похожее на букву, я смѣялась до слезъ надъ его продѣлкой со мной; я никогда не ожидала шутокъ съ его стороны послѣ того, какъ мы поссорились и послѣ этого, конечно, впечатлѣніе ссоры совсѣмъ изгладилось. Послѣ портняжнаго класса хлопцы прибѣжали ко мнѣ и жаловались, что портной ихъ бьетъ. Одного такъ стукнулъ головой объ стѣну, что у того невольно выкатились слезы. Многіе хотятъ отказаться.— «Не схота и ходить! якъ иде підля тебе, такъ наче пропастица зробится — думка така, що або за волосся схвате, або ще що небудь зробе. Я більшъ не піду до его»²⁾. И другой, и третій сказали: «и я не хѣчу».

19-го января. Сегодня я плакала, больше внутренно, чѣмъ наружно. Я говорила съ портнымъ о его приѣмахъ обученія и очень близко приняла къ сердцу сторону хлопцевъ. Онъ не принимаетъ моихъ доводовъ въ пользу кроткаго обращенія. Но все же не даромъ прошло, — сегодня онъ никого не побилъ и не ругался, какъ хлопцы передавали мнѣ.

20-го января. Воскресенье. Цѣлый день съ хлопцами провела. Мы пѣли, читали, баловали, гуляли. Намъ встрѣтились дѣти Николаевыхъ, въ сопровожденіи гувернантки. Николаевы пошли съ нами въ мою хату. Потомъ они

---

²⁾ Я больше не пойду къ нему.

позвали меня къ себѣ чай пить. За чаемъ старшій, Коля, говорить, что ему очень понравилось, какъ я живу: «мнѣ бы, говорить, хотѣлось такъ жить». Вечеромъ было уже совсѣмъ темно, когда я ушла отъ нихъ.

21-го января. Все это время я была въ нерѣшительности, брать или нѣтъ приношенія отъ хлопцевъ, Я беру. Даютъ, такъ бери, говорятъ. Это ихъ добровольное приношеніе, а не вымогательство съ моей стороны; я даже пытаюсь отказываться, но вижу, что этимъ я не дѣлаю имъ удовольствія. Если же отъ одного не принять, а у другаго взять, то у нихъ является мысль, что я того мальчика больше люблю, и не брезгаю имъ.

22-го января. Петръ (тотъ, который приводилъ меня раньше въ смущеніе) сталъ приходить ко мнѣ по вечерамъ, и у насъ установились дружескія отношенія; онъ сталъ рассказывать мнѣ обо всемъ, что ему приходится слышать, видѣть, чувствовать (потасовки портного, кулаки товарищей). О послѣднемъ онъ всегда очень сдержанно говорить, и даже неохотно, но онъ знаетъ, что черезъ чужихъ до меня все же дойдутъ слухи, и я спрошу сама объ этомъ. Сегодня онъ пришелъ съ другими хлопцами, и они стали мнѣ рассказывать о прошедшемъ нашей школы. По ихъ словамъ, это ужасъ что такое было! Ученики безобразничали, и для нихъ ничего не было святаго, не смотря на то, что ихъ строго наказывали и они тряслись на глазахъ, а за глазами Богъ знаетъ что творили. Въ концѣ концовъ, Петръ говорить:

— Теперь совсѣмъ не то, даромъ что вы не наказываете.

Я говорю:

— Я рада, что у насъ теперь лучше, чѣмъ было, но одно меня очень огорчаетъ, что между вами, товарищами, мало любви, вы стараетесь сдѣлать другъ другу что-нибудь непріятное, а не наоборотъ. Но я надѣюсь, что мы всѣ

больше полюбимъ другъ друга, когда поживемъ подольше вмѣстѣ.

— Такъ вони же занимають,—ну, и самъ собі тоже.

И т. д. на эту тему.

26-го января. Читала ученикамъ «Дѣдушку Мазая», и ихъ очень забавляетъ это. Особенно анекдоты Мазая про охотниковъ съ горшкомъ угольковъ для разогрѣванія рукъ; дѣти сначала подуютъ, потомъ трутъ руки надъ воображаемымъ горшкомъ съ угольями, и потомъ уже прицѣливаются.

Сегодня, послѣ класса, въ школѣ никто не хотѣлъ мести. Я взяла вѣникъ и стала сама дѣйствовать, но сейчасъ же явилось десять рукъ и у меня вырвали вѣникъ. Я все время слѣдила за тѣмъ, какъ выметутъ. Потомъ я хотѣла выйти въ сѣни, но оказалась въ заперти. Грицько (за котораго я хотѣла выметать) заперъ меня и не пустилъ; другіе хлопцы хохотали, видно было съ ихъ стороны ожиданіе, что я вспылю, но я сдержала себя, приняла это за шутку (какъ это и было), и стала сама смѣяться.

27-го января. Степанъ Божовой приходилъ мѣнять книги, рассказалъ содержаніе «Дѣдушки Назарыча». Ему понравился конецъ этой повѣсти, и именно поступокъ Назарыча, когда тотъ всѣ свои деньги отдаетъ Авдотѣ. «Хорошія, говоритъ, у васъ книжки. Иной разъ прочтешь и думаешь—какіе пустяки, а пораздумаешься и увидишь, что это идетъ къ дѣлу. Какъ прочтешь про хорошее, да про хорошаго человѣка, такъ и самому хочется быть такимъ же; иной разъ и осудишь себя, какъ вспомнишь, что читалъ».

Передъ вечеромъ я была у помѣщика. Пришла, и не знаю о чемъ говорить, всѣ молчатъ.

Возвращаясь домой, забѣжала къ Оеклѣ, тамъ встрѣтилась съ отцомъ Ивана Васина (школьника). Онъ началъ говорить про мои занятія въ школѣ, и что я не строго

ихъ держу, и надо бы построже! Я ему сказала, что у нихъ былъ строгій учитель, и что же, хорошо было?

— Тотъ уже дюже строгій, тотъ не выпускалъ и на дворъ, такъ что, когда мальчишки возвращались домой, ихъ нужно было переодѣвать.

Я ему привела массу доводовъ противъ наказаній и такой строгости, и, въ концѣ концовъ, сказала, что ихъ просьбу я никакъ не могу исполнить, во-первыхъ, потому, что это грѣхъ, а во-вторыхъ, потому, что изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ; а что если имъ непремѣнно хочется, чтобы дѣтей ихъ таскали за чубъ и ставили на колѣни, то пускай попросятъ Евгенія Анатоліевича удалить меня, или прямо мнѣ скажутъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ, говорить, я только такъ балакаю, а вы жъ знаете, учите; баць, по нашему, такъ треба бить, не давать потачки.

Я ушла. Потомъ Дуня пришла и говорить, что онъ не нахвалится мною, и что «послушаешь ее, говорить, такъ оно вѣрно, справедливо выходить».

Хлопцы уже давно стерегли меня у хаты, и всѣ смерзли. Я имъ сегодня сказала, что на масляницѣ поѣду въ гости.

— Оце жъ мы одни останемся!

27-го января. Я думала, что могу въ Николаевыхъ найти для себя поддержку. Нѣтъ, напротивъ, я не встрѣчаю у нихъ сочувствія къ своему дѣлу. Мар. Ал. холодна и не пробьешь ее, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше общаго между нами. Мнѣ сегодня показалось даже, что она и тетя ея смѣются надъ тѣмъ, чему я сочувствую; я заразилась, по ихъ словамъ, идеями Толстого. У меня какъ-то больно отозвалась ихъ иронія, и я постаралась повернуть разговоръ на другую тему.

28-го января. Утромъ я отправилась въ школу и забыла ключъ. Вернувшись къ себѣ, я увидѣла, что Дуня смутилась, и вся затряслась. Я спросила, что съ нею. Оказалось, что она вытащила изъ сундука (который я забыла

запереть) сахаръ, и стала откалывать для себя. Когда я спросила ее, зачѣмъ она это дѣлаетъ, и развѣ я ей запрещаю ѣсть сахару сколько ей хочется, она бросилась мнѣ на шею съ плачемъ и просила простить ее, что она больше никогда не будетъ этого дѣлать. Не знаю, правда-ли, что ее всю такъ потрясло, или она представлялась, но она упала, какъ будто изнемогая подъ тяжестью своего поступка, и стала рвать на себѣ платье. Мнѣ было, мало того, что непріятно, мнѣ было жаль ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ, мое довѣріе къ ней рушилось. Она уже сколько разъ обманывала меня безъ всякой нужды и безъ всякаго расчета, но я все же ей вѣрила, и теперь желаю вѣрить, но не вѣрится.

Послѣ обѣда пріѣхалъ въ школу N. N. (членъ училищнаго совѣта). Тамъ шелъ классъ шитья. Онъ прислалъ за мною, пріостановилъ шитье и провѣрилъ знанія моихъ учениковъ. По окончаніи сказалъ лаконически: «недостаточно». Насколько помню, прошлый годъ меня сильно взволновалъ его пріѣздъ: у меня руки и ноги тряслись, сегодня же я сама даже удивилась своему спокойствію, и меня нисколько не сердило то, что ученикъ плохо читаетъ или отвѣчаетъ. Я приписываю причину своего спокойствія тому, что я совсѣмъ перестала заботиться о томъ, какъ посмотреть начальство на мою школу и на меня. Я всѣми силами старалась узнать отъ него, чѣмъ онъ недоволенъ, и какіе недостатки вообще нашелъ. Недоволенъ остался онъ тѣмъ, что я еще не начинала съ «букварями» заниматься ариѳметикою. Я объяснила ему, почему такъ сдѣлала, а именно, чтобы скорѣй научить читать и писать, и отпустить ихъ на лѣто читающими. Раньше, т.-е. прошлый годъ, у меня вышло ни то, ни се, и читали плохо, и по ариѳметикѣ плохо. Теперь, пройдя букварь, я понемножку начну заниматься и счетомъ, но все жъ таки главнымъ предметомъ будетъ чтеніе и письмо.

8-го февраля. Сегодня меня одолѣли хлопцы. Они

говѣютъ и все свободное время проводить у меня. Я какъ будто бы недовольна этимъ. Въ сущности-то недовольна тѣмъ, что не могу сдѣлать всего, что предназначаю себѣ. Приходъ ихъ дѣйствуетъ на меня, какъ живая вода, и послѣ нихъ хандры какъ не бывало. Есть не симпатичные для меня среди нихъ, съ этими мнѣ очень трудно: приходится очень сдерживать себя. Я думала, позволять-ли имъ приходить къ себѣ во всякое время? Часто хочется одной почитать или что-нибудь другое подѣлать. Но я рѣшила, что не слѣдуетъ ихъ никогда прогонять: они тогда не будутъ знать, когда же можно прійти. Иногда они приходятъ и я продолжаю заниматься своимъ дѣломъ, и такимъ образомъ они могутъ видѣть меня при разныхъ обстановкахъ и во всякомъ видѣ, нечесаную, (при нихъ же приводишь свою голову въ порядокъ), съ грязными руками, добрую и сердитую. Словомъ, они могутъ вполне изучить меня, а я, съ своей стороны—ихъ. И когда они видятъ, что дѣлаешь какую-нибудь простую, грязную работу, то это какъ будто способствуетъ нашему сближенію, я это чувствую.

Сегодня мнѣ пришлось въ первый разъ видѣть у крестьянскаго мальчика внѣшнее выраженіе чувства любви. Этого мальчика дѣдушка очень балуетъ и всѣ хуторяне. Одинъ изъ взрослыхъ учениковъ посадилъ его къ себѣ на колѣни, и сталъ съ нимъ о чемъ-то разговаривать, и вдругъ я вижу, что тотъ одной рукой обнялъ его голову и поцѣловалъ въ щеку. Меня очень это удивило.

9-го февраля. Опять я думала: пускать или нѣтъ всѣхъ, кто заходитъ ко мнѣ погрѣться, и такимъ образомъ, перебиваетъ мою работу. И опять рѣшила, что пускать! Пришли четыре незнакомыя женщины. Что же съ ними говорить, я ихъ еще не знаю. Я предложила имъ почитать Евангеліе. Они обрадовались. Прочла я имъ всю нагорную проповѣдь. Поблагодарили, похвалили меня, что понятно читаю и сказали:

— Вотъ, не знали, что у васъ можно слухатъ, а то столкнешься съ жинкѣми и слушаешь, чего не треба. Оце нашему чоловіку треба сказати, щобъ у сюда пришлоъ послухатъ.

Послѣ чтенія разговоръ самъ собой завязался и я узнала, кто они такія.

Сегодня Дуня причащалась. Она устала и сонъ ее сталъ клонить. Я ей и говорю: «Дуня, отчего ты не ляжешь?» «Грѣхъ спать» говорить. «Отчего?» «Мыши украдутъ причастіе». «Какъ же онѣ могутъ украсть? «Я не знаю, люде кажутъ, що украдутъ».

10-го февраля. Пришли взрослые пѣвчіе перемѣнить книги. Они застали меня за чтеніемъ критики Громеки и по этой причинѣ я къ нимъ была не особенно внимательна. Учитель (крестьянинъ), возвращая мнѣ «Юліана Милостиваго», сказалъ: «Кабы вы дали мнѣ житіе какого-нибудь святаго». Я не догадалась даже сказать ему (занята была своимъ), что, вѣдь, Юліанъ тоже считается святымъ. Потомъ я узнала отъ другихъ, что онъ и не сталъ дочитывать, потому что все про звѣрей, да охоту. Онъ думалъ, что до конца такъ будетъ.

Въ отсутствіе мое одинъ мужикъ принесъ мнѣ просвиру. Меня всегда трогаютъ приношенія, хотя незначительныя, въ размѣрѣ, положимъ, одного яйца. Я думаю, что они это дѣлаютъ отъ души.

13-го февраля. Портной долженъ былъ придти въ 12 часовъ, сейчасъ по окончаніи моего класса. Дѣти ждали, ждали его, наконецъ, уже 2 часа, а его нѣтъ. Они прибѣжали ко мнѣ и сказали, что пойдутъ по домамъ. Я ихъ попросила подождать еще немножко, пока я за нимъ схожу. Прихожу — онъ себѣ сидитъ спокойно и не думаетъ, что столько времени его ждутъ дѣти, которымъ предстоитъ возвращаться домой, въ хуторъ, по страшной мятели и голодными. Меня очень это рассердило и я напустилась на него.

Тутъ вышелъ Евгеній Анатоліевичъ и сталъ его защищать, и сказалъ, что это ничего не значить, что они такъ долго ждутъ: они должны ждать столько, сколько имъ приказано. Мнѣ было чрезвычайно трудно совладать съ своимъ волненіемъ, которое, я чувствовала, все болѣе и болѣе усиливалось. Онъ объявилъ мнѣ, что портной отказывается заниматься въ школѣ, потому что онъ ничего не можетъ сдѣлать съ моими учениками, — надо строже ихъ держать. Въ сущности-то онъ отъ того отказывается (какъ я узнала), что ему представляется мѣсто выгоднѣе, а во-вторыхъ, потому, что Марья Алексѣевна взяла съ него слово не драться и не ругаться, а учить безъ этого онъ не умѣетъ. Я ушла, сказавъ: ваше дѣло. Потомъ я воротилась съ намѣреніемъ поговорить съ Евгеніемъ Анатоліевичемъ и выяснитъ все, такъ какъ предыдущій разговоръ происходилъ въ передней и я скверно справлялась съ волненіемъ, охватившимъ меня. Пройдясь, я овладѣла собой и намѣрена была спокойно поговорить съ нимъ. Поговоривъ о портномъ, мы перешли на разговоръ о дисциплинѣ и о воспитательномъ значеніи школы. Все время мы говорили «на разныхъ языкахъ». Онъ, напримѣръ, говоритъ, что лишь бы достигъ желаемого результата, а какимъ способомъ, это — все равно. Какъ согласиться съ этимъ? Выходитъ, что цѣль оправдываетъ средства. Но онъ дѣлаетъ какое-то непонятное для меня разграниченіе между способомъ и средствами, между результатомъ и цѣлью. И я никакъ не могла увѣрить его, что это одно и то же. Слѣдовательно, онъ наказанія оправдываетъ, но только его немножко коробитъ отъ грубыхъ формъ, а утонченныя формы онъ даже одобряетъ и практикуетъ на своихъ дѣтяхъ. Напримѣръ, наказаніе такого рода: мальчикъ не выполнилъ или худо выполнилъ заданную работу, ему дается та же работа по количеству вдвое, втрое больше. Я только удивляюсь: желаютъ пріохотить къ занятіямъ, а, между тѣмъ, употребляютъ способъ, который прямо про-

тивоположно дѣйствуетъ! Я понимаю еще, что ребенокъ долженъ выполнить работу, но не больше и не меньше того, что дано сначала. Въ концѣ концовъ, я сказала, что мы никогда не поймемъ другъ друга, и что я не могу принять ничего изъ его воззрѣній. Вселять страхъ къ себѣ я не намѣрена, а, напротивъ, идеаль моей школы—товарищескія отношенія между дѣтьми и учителемъ.

— Вотъ это ужъ нелѣпо!—говорить:—они еще не знаютъ азбуки жизни, а вы ихъ прямо вводите туда, гдѣ они ничего не въ состояніи понять; это все равно, что ученику, не знающему чиселъ, задать сложную задачу.

Я ему на это сказала, что примѣръ его не аналогиченъ, и старалась объяснить, но онъ стоялъ на своемъ. Тогда я замолчала, и выбирала моментъ, чтобы уйти. По выходѣ изъ его дома, мнѣ легче вздохнулось, но все же что-то защемило внутри... И тутъ! Положимъ, что больше на словахъ... Грустно!..

14-го февраля. Хлопцы вечеромъ прибѣжали и рассказываютъ, что портной страсть какъ на меня обижается и пеняетъ: «Говорить на васъ, что вы не строги съ нами. — «Еще одинъ разъ, говорить, приду, а то уѣду». — «А мы и рады, абы скорѣй уѣхалъ». Потомъ начали они строить планы на лѣто, — какъ они будутъ пасти, и приходить ко мнѣ, и что мы будемъ дѣлать. Я въ хорошемъ настроеніи была и отъ души смѣялась надъ ихъ болтовнею и выдумками. Я шила себѣ платье, и на столѣ валялся кусокъ черной марли. Вотъ они взяли этотъ кусокъ, и давай каждому примѣривать на лицо, — хороша-ли изъ него барыня выйдетъ! Они видѣли, что барыня завѣшиваетъ чѣмъ-то лицо себѣ, давай и на себя вѣшать. Мы пѣли. Пришли большіе хлопцы. Во время занятій я одинъ моментъ сильно разсердилась за невниманіе, но потомъ посмѣялась надъ собою, и хлопцы также. Я сильно крикнула.

— А я, — говоритъ одинъ, — злякался, ажъ перетрусился весь!

Тутъ ужъ прямо до слезъ я смѣялась и они.

А сегодня въ школѣ одинъ хлопецъ пишетъ мнѣ посланіе на доскѣ такого рода: «Н. Д., простите меня». (Передъ тѣмъ онъ очень баловался). Я написала ему также на доскѣ отвѣтъ: «Я уже простила, ты меня прости». Онъ пишетъ снова: «Богъ простить, и я прощу». Тѣмъ и кончилось наше объясненіе.

15-го февраля. Сегодня у меня былъ первый урокъ ариѳметики, и я имъ показала первыя пять цифръ. Нужно было видѣть радость и оживленіе, съ которыми они рѣшали задачки (по ихъ силамъ) и писали цифры. Среди всеобщей тишины, во время первыхъ попытокъ изображенія цифръ, вдругъ маленький хлопецъ (8 л., Ст. Макаренко) хотѣлъ что-то сказать мнѣ, и назвалъ меня «Наджна Даниловна». Всѣ захохотали, и я сама не могла удержаться отъ смѣха, онъ же недоумѣвалъ, потому что назвалъ меня такъ, какъ, по его мнѣнію, и слѣдовало. Есть два-три мальчика, которые прямо называютъ меня Надеждою, безъ прибавленія. Сначала хлопцы смѣялись надъ ними, но теперь привыкли, а мнѣ такъ это пріятно.

Говѣльщики заходятъ въ школу и надѣляютъ своихъ хлопцевъ бубликами, а они непремѣннымъ долгомъ считаютъ подѣлиться со мною, и я сегодня возвратилась домой съ нагруженнымъ карманомъ. Одно только непріятно, что занятія приходится прерывать по случаю прихода родичей и на усмиреніе толпы, которая прямо рвется въ школу, не смотря на то, что извнутри мы запираемся. Надо мириться съ этимъ неудобствомъ, и улаживать какъ-нибудь свое дѣло. Сегодня пришлось прекратить занятіе раньше на цѣлый часъ вслѣдствіе этого неудобства, такъ какъ, кромѣ того, что толпа рвалась, произошелъ ропотъ, что я ихъ заставляю мерзнуть. Мой доводъ относительно моего права занимать это помѣщеніе не былъ принятъ. И я рѣшила распустить учениковъ, а по окончаніи службы наверстать это время.

18-го февраля. Сегодня я чувствовала въ своей душѣ миръ, какую-то тишину, не нарушавшуюся порывомъ вспыльчивости, съ которымъ постоянно приходится бороться, и мнѣ было особенно весело въ школѣ сегодня; меня не тревожили беспорядокъ, шумъ, мнѣ показалось, что почти всѣ очень хорошо себя ведутъ. Самое большое удовольствіе доставляютъ мнѣ перемены (перерывъ въ занятіи), во время которыхъ только и приходится поговорить по душѣ съ нѣкоторыми симпатичными для меня мальчиками. Одному изъ нихъ я дала прочесть «Мальчикъ у Христа на елкѣ», Достоевскаго. Я совсѣмъ растаяла отъ его разсказа, и отъ выраженія лица при этомъ. Онъ очень хорошо читаетъ и пишетъ, но ему только восемь лѣтъ, и онъ очень малъ на видъ и серьезенъ. Но нужно было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ онъ разсказывалъ всѣ подробности, касающіеся этого мальчика.

Вечеромъ пришелъ дядя Миронъ посмотрѣть, какъ его племянники у меня учатся, самъ же онъ неграмотный. По окончаніи занятій я играла имъ.

20-го февраля. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я занимаюсь послѣ обѣда еще два часа со всѣми учениками, кромѣ старшаго отдѣленія, которое меня только раздражаетъ и своимъ поведеніемъ, и отношеніемъ къ занятіямъ. Они все рѣшительно дѣлаютъ спустя рукава, и я не могу ихъ ничѣмъ заинтересовать; я рада, когда послѣ обѣда избавляю себя и дѣтей отъ нихъ. Сегодня мы занимались устными задачками, и потомъ численными примѣрами. Они очень любятъ эти занятія, и когда я сказала: «ну, ребята, я думаю, пора домой!» Они почти единогласно закричали: «ще учиться!» Одинъ такъ особенно настойчиво просилъ, и когда другіе стихли, онъ повторялъ: «Надежда, ще, ще учиться!» «Ну, хорошо, давайте еще учиться». И учились еще полчаса. Мы занялись письмомъ подъ диктовку. Вотъ уже нѣсколько уроковъ я заставляю ихъ практиковаться надъ предлогами, и они никакъ не могутъ

побѣдить эти трудности. Я сержусь, а потомъ сейчасъ же перехожу на мягкій тонъ, такъ какъ сознаю, что нельзя быть ~~черезчуръ~~ требовательною, нельзя требовать, чтобы черезъ два мѣсяца они писали правильно.

На дняхъ я получила письмо отъ брата одного изъ учениковъ. Онъ можетъ быть меня и видѣлъ, но я его не видала еще ни разу, и вдругъ получаю такое письмо! Въ первый моментъ я въ душѣ разсердилась, мнѣ не понравилось письмо: зачѣмъ такъ много словъ и такія прилагательныя, какъ «милая» и «незабвенная» «благодѣтельница»,—и все это за ничтожную услугу. Но потомъ подумала, что онъ, вѣроятно, хотѣлъ убѣдительноѣ изложить свою просьбу, и къ тому же, вѣроятно, отъ кого-нибудь перенялъ эту форму письма и, по его мнѣнію, она очень хороша и трогательна. Я ему послала то, что онъ просить, и сказала черезъ брата, чтобы онъ не писалъ такихъ писемъ, такъ какъ въ нихъ много лести и потому лжи, а что если ему что-нибудь будетъ нужно, пускай напишетъ проще. И я сказала, какъ просто писать.

23-го фѣвралѣя. Вчера мнѣ очень нездоровилось, и сегодня, послѣ безсонной ночи, вслѣдствіе кашля, я съ ужасомъ подумала, какъ я буду заниматься: голосъ совершенно исчезъ и при этомъ страшная головная боль. Прибодрившись, я пошла. Но, вѣроятно, потому, что нездоровилось, занятія скверно шли. Большіе хлопцы, какъ нарочно, упрямились и не дѣлали того, что я требовала отъ нихъ, и прямо говорили «не хѹчу». Это меня еще болѣе раздражало, я совсѣмъ растерялась, что мнѣ дѣлать, и ждала только того времени, когда (по времени) можно будетъ кончить занятія, придти домой и разобраться. Придя домой, я экспромтомъ рѣшила, что поѣду сейчасъ въ Ольгино, освѣжусь, увижу своихъ друзей, и такимъ образомъ, нравственное состояніе измѣнится. Погода неблагоприятствовала мнѣ, дождь въ продолженіи 6 часовъ, которые мы ѣхали, не переставая, лилъ.

Но я всю дорогу не оставалась одна съ своими мыслями. Кучеръ мой все время задавалъ мнѣ различные вопросы и излагалъ свои мысли. Онъ всегда первый начинаетъ говорить; заговорилъ онъ о книжкѣ, которую я ему дала, а именно: о «Гришѣ» (рассказъ изъ раскольниковьяго быта). «Я, говоритъ, еще не бралъ у васъ такой хорошей книжки. Я ее уже прочелъ, но хочу еще прочитать». Я спросила его, почему же ему такъ понравился этотъ рассказъ. Онъ задумался и говоритъ: «да, какъ вамъ сказать, оно все тамъ хорошо написано, только очень мнѣ понравилось, какъ это Гриша все хотѣлъ научиться жить по Божьи, и все искалъ благочестиваго человѣка, который бы научилъ его. Только я не понялъ, правду говоритъ монахъ, въ самомъ, самомъ концѣ, про городъ Кетиждь, что онъ невидимъ для грѣшниковъ» и т. д.

Слѣдовалъ подробный пересказъ вранья этого мнимаго инока, который, въ концѣ концовъ оказывается мошенникомъ, и увлекаетъ въ свою шайку Гришу. Я, конечно, сказала ему, какъ я понимаю весь рассказъ, и въ частности про городъ Кетиждь. Потомъ онъ все приводилъ мѣста изъ евангелія, говоря, что люди такъ бы должны жить, а, между тѣмъ, не живутъ, и даже, если который и старается исполнить на дѣлѣ Божью волю, то не всегда можетъ, лукавый ему мѣшаетъ. «Говорятъ, что въ мірѣ нельзя спастись, лукавый постоянно преслѣдуетъ человѣка». Я ему сказала на это, что въ мірѣ труднѣе жить, потому что приходится сталкиваться съ разными людьми, но что все же это не мѣшаетъ людямъ жить по Божьи. долго съ нимъ говорили, всего теперь не воспроизведу, и онъ совершенно соглашался со мною, иногда только призадумывался, и то не надолго.

25-го февраля. На обратномъ пути изъ Ольгина Степанъ выкладывалъ мнѣ свои впечатлѣнія. Ему очень понравился общій духъ моихъ друзей, никто, говоритъ, не старается стать на высшую степень, и каждый испол-

няеть свою должность, и если есть время, такъ и за другого сдѣлаеть. И такъ это все хорошо. И встрѣтять-то привѣтливо, навормять, напоить.

26-го февраля. На этихъ дняхъ Осипъ принесъ «Милости хочу, а не жертвы».

— Вотъ это, говорить, такъ хорошая книжка! Нѣтъ ли еще такой же?

Я не спрашивала, почему она ему такъ понравилась, но онъ самъ началъ рассказывать, изъ чего я поняла, что ему понравилась самая суть, т.-е. то, что описана невозможность заглушить свой проступокъ, совѣсть не будетъ покойна. И потомъ живость самаго разсказа. Онъ только-что принесъ, другой сейчасъ перехватилъ, такъ что я еще сама не успѣла прочитать. Еще очень нравится всѣмъ «Христіанскій подвигъ солдата». Эта книга не попадаетъ мнѣ въ руки; она ходитъ изъ рукъ въ руки.

Григоровича плохо читають, и мнѣ самой не нравится. Онъ слишкомъ растягиваетъ и вдается постоянно въ описаніе природы, а такъ какъ онъ не такой художникъ, какъ Л. Толстой и И. Тургеневъ, то у него выходитъ скучно, и когда читаешь, думаешь, скоро-ли онъ кончитъ.

Вчера у насъ не было занятій, по случаю похоронъ священника. Я не хотѣла идти, во-первыхъ, потому, что уже простудилась, а во-вторыхъ, потому, что при жизни мы мало видѣлись, такъ что были знакомы больше «на-почно». Но за мной Евгеній Анатольевичъ и матушка прислали, такъ что нельзя было не идти. Хоронили его пять священниковъ. Народу нельзя сказать, чтобы было много. Матушка и всѣ женщины-родственницы раздирательно кричали и причитывали. А потомъ, послѣ всего этого, всѣ, сколько было въ церкви, отправились тризну править.

Я поѣхала послѣ похоронъ съ Евг. Анат. къ нимъ. Николаева меня стала лечить іодомъ и т. д.

26-го февраля. Сдала почту Евг. Анат., и спросила

какъ его записать въ статистическія вѣдомости. «Меня, говорить, и не нужно записывать, я не состою попечителемъ вашей школы». Такъ что школа наша безъ попечителя и безъ законоучителя. Я одна орудую въ ней.

27-го февраля. Вотъ второй день, какъ я живу у Николаевыхъ! Марья Алексѣевна настолько добра и внимательна, что предложила мнѣ поселиться у нихъ дня на три. Въ моей хатѣ нѣтъ надежды поправить свое здоровье. Эти дни вѣтеръ въ ней разгуливаетъ на просторѣ, такъ что, если повѣсить полотенце на кровать, то оно сильно начинаетъ колыхаться. Я рѣшила пожертвовать однимъ днемъ занятій, въ виду двухъ праздниковъ, и заняться радикальнымъ излеченіемъ себя. Къ тому же погода такая, что нѣкоторые хлопцы не могутъ придти. Время ужасно тянется. Настроеніе здѣсь праздничное, и потому скука. Я, вѣроятно, не высижу здѣсь этихъ трехъ дней и завтра отправлюсь въ свой дворецъ и примусь за дѣло.

4-го марта. Вотъ уже приближается къ концу учебный годъ. Приходится видѣть и подводить итоги. Много приходилось сердиться, волноваться, приходитъ къ заключенію (въ минуты унынія), что ничего не выйдетъ, что не за свой гужъ взялась. Но это лучше, что такія минуты бываютъ и были, они заставляютъ строже отнестись къ себѣ. А потомъ, въ концѣ года, удивляешься, неужели съ помощью моей они выучились! Неужели они ничего не знали? Нынѣшній годъ у меня младшее отдѣленіе вышло несравненно лучше прошлогодняго, не смотря на то, что теперь я занималась съ нѣсколькими группами. И до того это мнѣ кажется невѣроятнымъ, что я переспрашиваю учениковъ, не учить-ли ихъ кто-нибудь дома или не учились-ли раньше гдѣнибудь и теперь только возобновляли въ памяти пройденное? Отвѣты получаю отрицательные. Значитъ, попались очень способные. Изъ маленькихъ у меня 13 человѣкъ отстали, но

теперь многіе изъ нихъ подвинулись, такъ что, я думаю, они нагоняютъ своихъ товарищей.

Я сама училась всему очень безпорядочно, безъ всякой системы, и главное, не требовали отъ меня сознанія того, что я дѣлала. И потому мнѣ теперь очень трудно вести преподаваніе систематически, все какіе-то скачки выходятъ, а хлопцы страдаютъ отъ моей неумѣлости. А хуже всего для меня учить уже учившихся. Я не знаю, съ чего съ ними начинать, съ самаго начала, слишкомъ просто для нихъ, а заберешься немножко подальше—ничего не понимаютъ. И все ворочаешься назадъ, а имъ, конечно, скучно это. И я сильно чувствую, что они теряютъ вѣру въ мои познанія и умѣнье.

7-го марта. Семень Шевцовъ (8 л.) все болѣе и болѣе притягиваетъ меня къ себѣ. Я удивляюсь его способностямъ и его разумности во всѣхъ отношеніяхъ. Но при этомъ онъ ребенокъ, а не маленькій взрослый или резонеръ, какъ у насъ есть одинъ. Онъ не сидитъ смирно для того, чтобы быть умникомъ, и не изрекаетъ правочувствій, нѣтъ,—онъ играетъ, щиплетъ, тузитъ товарищей, но все это дѣлаетъ такъ, что на него не жалуются,—и дѣлаетъ онъ это только тогда, когда занятій нѣтъ. Во время перемѣны онъ обыкновенно мнѣ рассказываетъ что-нибудь изъ прочитаннаго, и около насъ образуется всегда кучка слушателей. Я съ большимъ удовольствіемъ слушаю его рассказъ, онъ такъ хорошо рассказываетъ, такъ подробно, но это не мѣшаетъ живости рассказа и теплотѣ, которую онъ придаетъ. Онъ мнѣ сегодня рассказывалъ немножко о своей личной жизни. У него большая дружба съ дѣдусемъ, которому онъ все рассказываетъ, и тотъ, съ своей стороны, со внучкомъ бесѣдуетъ. Внучекъ ему теперь читаетъ, потому что у дѣдуса глаза плохи стали. И видно, что они оба счастливы.

Еще у меня есть хлопецъ, къ которому я неравнодушна, это Никонъ Стрижевъ (10 л.). Этотъ мальчикъ

незаконнорожденный и поэтому ему плохо жить. Онъ всю зиму проходилъ въ рваной свитѣ и черевикахъ. Блѣдный, худой, но живой ужасно. Но только во время ученія онъ весь — вниманіе. Когда я спрашиваю его, то онъ весь покраснѣетъ, какъ ракъ, такъ что жалко становится. Онъ чрезвычайно впечатлительный ребенокъ, не смотря на колотушки, которыя сопровождали его жизнь. Музыку онъ очень любитъ, слушаетъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ такія вещи, какъ сонаты, и сейчасъ же улавливаетъ мелодію и напѣваетъ. Голосъ у него чистый, свободный, но слабенькій. Шалитъ онъ, между прочимъ, такъ, что на него жалуются. Сегодня по окончаніи класса онъ подошелъ къ Тимохѣ (9 л.), подаль ему руку и говоритъ: «Прощай». А тотъ ухватилъ его за руку и не пускаетъ; раздается визгъ. «Что такое?»

— Прощаемся, — говорить Тимоха. — Онъ, говорить, подаль мнѣ руку, а я не пускаю.

Это онъ передразнилъ меня и Наталью Алексѣевну, которая только-что была у меня. Мы поздоровались съ ней за руку. Бѣдовые мальчуганы!

Я пишу и смѣюсь при воспоминаніи о ихъ разныхъ штукахъ. Напримѣръ: сегодня была диктовка у насъ, и одинъ, Бондаренко, писалъ на классной доскѣ. На немъ была надѣта торбинка. Потомъ онъ подошелъ къ Ивану Шевченко, и сталъ къ нему бокомъ. Шевченко взялъ свой грифель и закрутилъ его на спинѣ у Бондаренко въ веревку, на которой висѣла торба.

Бондаренко не зналъ этого, и не почувствовалъ. Онъ отошелъ отъ него. Тотъ какъ закричить:

— Надежда Даниловна! Бондаренко мой грифель вьзаль!

А тотъ растопырилъ руки и въ недоумѣніи, почему тотъ такъ увѣренно на него говорить. Я заступилась за Бондаренко. И вдругъ у него на спинѣ грифель оказался.

Всѣ, конечно, засмѣялись, и я не могла сохранить серьезность, а Бондаренко оказался нечаяннымъ воромъ.

10-го марта. Сегодня собралось только 20 учениковъ, по причинѣ грязи. Послѣ класса кто-то изъ старшихъ учениковъ опять затѣялъ разговоръ о томъ, что я «дуже смиренная», т.-е. въ смыслѣ того, что не наказываю ихъ, и что поэтому они плохо учатся. Бывало, говорить, придешь домой да заразы за книжку, а теперь не выучилъ такъ ничего.

Я говорю имъ на это:

— Значить, вы не хотите учиться, и не нужно. Изъ подъ палки же не многому научишься. Вамъ не нравится, что я не дерусь, не ругаюсь — попросите отцовъ, чтобы они похлопотали о другой учительницѣ, которая дѣлала бы съ вами то, что вамъ хочется!

— Мабуть, говорить, попросимъ, такъ намъ никакой не будетъ.

— Нѣтъ, говорю, какъ не будетъ — будетъ.

— Та, нѣтъ, это мы такъ тѣлько балакаемъ, и вы намъ любы, тѣлько дуже смиренны! А мы даромъ, что большіе, та хуѣе малыхъ.

— Ну, я же въ этомъ не виновата, говорю, вы знаете, что худо и что хорошо, и въ вашей волѣ дѣлать то или другое.

— Та мы жъ тѣлько балакаемъ, намъ не треба другой учительши.

Я говорю:

— Вы привыкли къ другому обращенію, чѣмъ мое. Ну, что жъ дѣлать! Я не обижусь на васъ, если вы прогоните меня, я только пожалѣю васъ.

— Ни треба, ни треба... закричали.

Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ.

11-го марта. Ученики у меня съ каждымъ днемъ убываютъ, а послѣ Пасхи ни одного не останется, такъ что я буду безъ дѣла. Начинаю подумывать о томъ, что буду

дѣлать лѣтомъ. Мнѣ хочется устроиться такъ, чтобы чѣмъ-нибудь въ это время быть полезной крестьянамъ.

Марья Алексѣевна, въ минуту откровенности, объяснила свою холодность ко мнѣ тѣмъ, что я будто бы даю имъ чувствовать, что они козлица, а я принадлежу къ овцамъ. Я ей сказала, что я не знала про такое дѣленіе людей. Почему она это вообразила? Быть можетъ, потому, что они своимъ присутствіемъ какъ будто связываютъ языки всѣмъ моимъ гостямъ, да и мнѣ самой.

12-го марта. Мой совѣтъ Балюкову—не писать такихъ писемъ, какъ онъ мнѣ прислалъ, оказался дѣйствительнымъ. Онъ прислалъ мнѣ второе письмо безъ всякихъ нѣжныхъ прилагательныхъ и свою просьбу выразилъ просто. Просьба его состоитъ въ томъ, чтобы объяснить ему происхожденіе дробей и дѣйствіе надъ ними. Сегодня я послала записку отцу одного ученика (ему 18 лѣтъ); прошу его содѣйствія для усмиренія его сына. Всѣ имъ тяготятся, всѣхъ онъ бьетъ, и притомъ, когда станешь говорить съ нимъ серьезно, онъ начинаетъ строить изъ себя дурака. Маленькую сестру свою не щадитъ даже. Это тотъ самый, который говоритъ, что я дуже смирная. Словомъ, привыкшій учиться изъ подъ палки, теперь ее нѣтъ, вотъ и дурить, скучно ему.

13-го марта. Записка подѣйствовала—присмирѣлъ малый. Хлопцы задираютъ уже сами его, но онъ говоритъ: «Я теперь смиренный» и никого не трогаетъ.

14-го марта. Семень Попеченко пришелъ и началъ мнѣ передавать, что дядька его сердился на меня, что у меня въ школѣ не ученье, а смертоубійство, и что онъ самъ придетъ и расправится по своему. И что все это онъ велѣлъ мнѣ передать. Меня вскипятило это немножко, но я все же не совсѣмъ довѣряла словамъ этого хлопца. Сейчас же одѣлась я, и попросила показать мнѣ, гдѣ его дядька живетъ. Отправились мы, приходимъ—въ хатѣ темно, женщина колышетъ люльку, а Никонъ (ученикъ, братъ

хозяина) топить соломой печку. Дядьки Федора дома нѣтъ, пошелъ за водой. Я подождала. Наконецъ, вошелъ въ избу высокій, здоровый мужикъ съ симпатичнымъ лицомъ, на первый взглядъ. Мы очень дружелюбно поздоровались и я сейчасъ же приступила къ дѣлу—къ разъясненію переданныхъ мнѣ его словъ. Оказалось, что Попеченко перевралъ и придалъ его словамъ другой смыслъ. Онъ же недоволенъ былъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что братъ его приходитъ то весь въ грязи, то въ крови. Но я ему говорю, что я не могу за ними усмотрѣть внѣ школы, но что въ школѣ я всѣми силами стараюсь привить къ нимъ товарищество и любовь. Прибавила еще, что одной мнѣ трудно это сдѣлать безъ помощи родителей, что мы должны дѣйствовать за одно, и тогда общими силами намъ будетъ легче воспитывать. Онъ согласился со мной. Разсказалъ мнѣ про свою жизнь, проведенную въ чужихъ людяхъ, въ рабочихъ. «И вотъ, говорить, только три года, какъ я своимъ домомъ живу. Хотя иной разъ и холодно, и голодно приходится, а все лучше на волѣ, говорить». И такъ мы долго бесѣдовали. Онъ былъ очень радъ, что случай свелъ насъ; я тоже. Приглашалъ меня заходить къ нимъ.

15-го марта. Завтра мы не будемъ учиться—Лазарево воскресенье. Сегодня я читала въ школѣ изъ Евангелія Іоанна про это событіе. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ. Я всегда предварительно спрашиваю, хотятъ-ли они послушать Евангеліе, и если слѣдуетъ общее согласіе, то читаю. Разъ случилось такъ, что во время чтенія Евангелія, одинъ изъ нихъ засмѣялся надъ чѣмъ-то; я сейчасъ же, недокончивъ, прекратила чтеніе и сказала, что читать Евангеліе и смѣяться нельзя. Всѣ притихли. Но спустя мгновеніе, начали укорять виновника, что изъ за него и они не могутъ слушать Евангеліе.

Сегодня начали поговаривать, какъ-то со школой имъ разставаться? Не хочется, жалко. Мнѣ было пріятно это

слышать, значить, не будутъ бѣжать изъ школы, а въ школу.

17-го марта. Сегодня у меня весь день народъ, то одинъ, то другой, непрерывно, и послѣдній только въ 9¹/₂ ч. вечера ушелъ. Мнѣ хотѣлось подробно написать о сегодняшнемъ днѣ, но чувствую, что такъ много всего было, что я не разберусь во всемъ, и не съумѣю передать бумагъ того, что я чувствовала и чувствую. Вчера я весь день провела у помѣщика, и поэтому хлопцы, сколько разъ ни пытались придти ко мнѣ, заставляли замокъ на двери. Сегодня же, только-что обѣдня отошла, какъ они прибѣжали и въ числѣ ихъ не симпатичный для меня Попеченко. Ему скоро наскучило и онъ все звалъ другихъ дѣтей, но они не шли, говоря, что «мы и такъ давно не видали Надежду, иди себѣ». Наконецъ, онъ ушелъ, и мнѣ пріятно стало; мы начали говорить о разныхъ разностяхъ, а потомъ Никонъ попросилъ меня прочитать ему что-нибудь. Я прочла ему нѣсколько коротенькихъ рассказовъ изъ «Родн. Сл.», ч. 2-я. Потомъ мы пошли въ лѣсъ и стали играть въ жгуты. Они были очень довольны, что я принимаю участіе въ ихъ игрѣ. Пришли домой. Сейчасъ же вслѣдъ за нами пришелъ Степанъ, принесъ книжки.

18-го марта. Сегодня я очень устала, — помогала одному мужику шить черкеску, — и думаю, какъ бы добраться до постели. Школа моя совсѣмъ разбрелась. Сегодня было только 10 человекъ, а завтра, можетъ быть, и этого не будетъ. Въ школѣ холодно, не смотря на весну, такъ что мы занимались въ моей хатѣ и сидѣли кто на чемъ: кто на полу, кто на кровати, кто на чемоданѣ, словомъ, кто какъ могъ и умѣлъ примоститься. Несовсѣмъ удобно, но все же пріятнѣе, чѣмъ мерзнуть въ холодной школѣ.

11-го апрѣля. Я уѣзжала на праздники въ Ольгино. Возвратясь, очутилась совсѣмъ одна. Дуня на панской работѣ. Тоскливо. Кругомъ работаютъ, а я не знаю, какъ и куда прилѣпиться. Хожу изъ угла въ уголъ, да цвѣточки

собираю, и не хочется мнѣ дѣлать то, что есть, и мнѣ стыдно, я стараюсь скрыться отъ людскихъ глазъ; и будетъ стыдно, пока не будетъ у меня въ рукахъ дѣйствительной работы, а не такой, которая служить только для убаюкиванія совѣсти.

6-го мая. Вотъ когда взялась опять за свой дневникъ! Хлопцы мои, мало по малу, стали убывать еще съ 6-й недѣли великаго поста; кого наняли въ погонщики, кого пастиухомъ, а кто и въ своей семьѣ нуженъ для исправленія той же обязанности. На второй день страстной недѣли 10 человѣкъ явились и только для того, чтобы сдать книги. И вотъ осиротѣла я совсѣмъ, нѣтъ никого. Дуня и та ушла на работу, осталась я одна праздною, среди работающихъ неустанно. И мнѣ стыдно, стыдно показаться на глаза этихъ людей. Я бѣгу съ глазъ ихъ. При этомъ вспоминаю справедливое замѣчаніе Л. Н., что праздные люди стараются устроить свою жизнь такъ, чтобы какъ можно рѣже попадались имъ на глаза эти работающіе люди, которые служатъ имъ живымъ укоромъ и не даютъ покоя ихъ совѣсти, если она еще не утеряна ими. Но и скрывшись отъ нихъ, видишь безполезность такой жизни и при думаешь, что дѣлать? А придумывать дѣло — развѣ нормально?

Черезъ нѣсколько дней пришла ко мнѣ бабушка самаго способнаго и симпатичнаго мнѣ ученика. Я ее приняла съ радостью и мы вмѣстѣ напились чаю. Она благодарила меня за тѣ труды, которые, какъ она думаетъ, я положила на ея внука. Потомъ, узнавъ нѣсколько мою біографію, она начала сватать меня за своего сына. Я ей не дала никакого опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ я ея сына и въ глаза не видала, но меня ужасно обрадовало, что этимъ она дала мнѣ понять, что я гожусь и въ члены крестьянской семьи. Мы сразу другъ друга очень полюбили. И я большое значеніе придаю ея словамъ, такъ какъ они были сказаны серьезно и съ любовью.

20-го мая. Вотъ уже недѣля, какъ я опять въ Городищахъ. Все это время я была въ Ольгинѣ; не смотря на то, что жизнь тамъ идетъ относительно праздно и меня не удовлетворяла, но я поддалась чувству обоюдной любви всѣхъ моихъ ольгинскихъ друзей, и мы такъ сжились всѣ, что намъ трудно было разставаться. А между тѣмъ, я знала, что мое мѣсто въ Городищѣ, что въ Ольгинѣ не слѣдуетъ такъ долго жить, такъ какъ это вредитъ моимъ отношеніямъ съ здѣшними крестьянами. Они меня совсемъ мало видятъ и я даже не участвую на ихъ главныхъ праздникахъ, какъ будто чужая — болѣе чѣмъ чужая (въ ихъ глазахъ), потому что изъ окрестностей и то стекается народъ, а я, своя, бѣгу. Но я не люблю этихъ торжествъ, сопровождаемыхъ водкой, и хуже всего то, что на нихъ всегда чувствуется какая-то натянутость и всѣ становятся сами не свои. А въ это время, пока я жила въ Ольгинѣ, я избѣжала городищенскій храмовой праздникъ. Меня всѣ ждали къ нему и, конечно, можетъ быть, и нехорошо, что я не была, такъ какъ около моей хаты, главнымъ образомъ, было стеченіе народа — былъ общій обѣдъ. Но что прошло, того не воротить. Въ Ольгинѣ я начала учиться оспопрививанію, имѣя въ виду общеніе съ народомъ посредствомъ этого. Но, обдумавъ, я пришла къ тому, что это, пожалуй, будетъ отталкивающимъ средствомъ, такъ какъ они избѣгаютъ оспопрививанія. Это — только предположеніе и потому надо лучше провѣрить на практикѣ и тогда уже дѣлать выводы.

26-го мая. (Воскресенье). Сегодня я, въ сопровожденіи Ѳеклы, отправилась въ хуторъ Шевцовъ, навѣстить своихъ школьниковъ. При входѣ въ хуторъ, смотрю Сем. Шевцовъ пасетъ овецъ. Поздоровавшись, поговорили, я спросила, дома-ли бабушка (та самая, которая сватала меня). — Дома. — Ну пойдемъ къ ней. Подходимъ къ хатѣ — она хлопочетъ по хозяйству: гуси, цыплята, свиньи и пр. скотина увивается около нея, въ числѣ увивающихся и

два внука ея. Она же, въ грязной рубахѣ и въ запаскѣ, низко подпоясанной, поспѣваетъ всѣхъ удовлетворять. Встрѣтила она насъ очень радушно; сейчасъ же позвала невѣстку, которая тоже занята была чѣмъ-то, но пришла веселая, полная жизни. Я у нихъ довольно долго просидѣла и мнѣ не хотѣлось уходить. Когда я шла отъ нихъ, другіе хлопцы увидали меня и прибѣжали съ поля, попросивъ кого попало замѣнить ихъ не на долго. И такъ, я принуждена была зайти еще въ три хаты. Всѣ съ такимъ радушіемъ приняли меня! И видно, что это у нихъ искренное, а не напускное, они просто не знали, какъ меня убаготворить. Въ одной хатѣ заставили-таки меня пополадновать. Поставили пироговъ съ картофелемъ и чудеснаго меду съ паляницей. Кромѣ сестеръ, матери, сѣли за столъ два молодыхъ (только-что женатыхъ) брата моего ученика. Одинъ бойкій, а другой очень застѣнчивый, такъ что у себя дома, а его угощаютъ: «кушай, да кушай, Алексѣй». Наконецъ, я тоже отдѣлалась отъ угощеній, сѣвъ меду и паляницы. Въ воскресенье они, вѣроятно, мнѣ отдадутъ визитъ, такъ какъ уже нѣсколько разъ приходили, но меня все не было дома.

27-го мая. Пришли два хлопца учиться. Надо учить. Только самые несимпатичные — сынъ дьячка и сынъ батка. Первый ужасно нахальный и лѣнивый, а второй — жеманный; съ виду тихій, смирный, а изъ-подтишка балуетъ. Но я надѣюсь ихъ сбыть скоро съ рукъ; перваго — чтобы сдать на свидѣтельство въ будущемъ году, если будемъ живы, а втораго просятъ выучить на счетахъ считать — и только.

28-го мая. Жизнь моя теперь идетъ очень однообразно и, между тѣмъ, трудно сказать, что я дѣлаю. Принялась за пополненіе своихъ знаній по ариметикѣ и по естественнымъ наукамъ, такъ какъ мнѣ не разъ приходилось отказывать въ отвѣтахъ по незнанію. Крестьяне же очень лестнаго мнѣнія объ училищахъ и учительницахъ, а я

своимъ незнаніемъ буду подрывать это мнѣніе. Но ужасно тоскливо одной жить, такъ и тянетъ куда-нибудь, гдѣ люди. У Николаевыхъ я иногда бываю, у нихъ теперь постоянно гости.

Я не могу имъ сочувствовать и смѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ они смѣются. Мнѣ первый разъ приходится бывать въ такомъ обществѣ и мнѣ грустно становится. Но я рада, что Марья Алексѣевна чувствуетъ эту пустоту и устаетъ отъ нея. Я стараюсь быть больше съ дѣтьми; хотя смотрѣть на нихъ тоже неутѣшительно, но съ ними можно почитать, поговорить относительно прочитаннаго и поспорить, такъ какъ у нихъ есть уже свои взгляды, соотвѣтствующіе всему складу семьи.

30-го мая. Былъ сильный дождь съ грозой, мнѣ же предстояло идти домой отъ помѣщика. Послѣ дождя дѣти тоже пошли со мной, провожать меня. Придя домой, я застала свою хату въ плачевномъ состояніи — дождь билъ въ стѣну и образовались громадныя потоки, и всѣ книги мои пострадали немножко, окрасившись въ грязно-бѣлую краску.

31-го мая. Николаевы предложили мнѣ обѣдать у нихъ. И вотъ сегодня я у нихъ опять была и застала сцену, когда мужики пришли просить отдать имъ быкавъ. Они, по обыкновенію, все готовы сдѣлать — стать на колѣни и кланяться въ ноги, лишь бы умолить пана. Николаевъ очень разсердился и стоялъ на томъ, чтобы они принесли 10 р., тогда пускай берутъ воловъ, но видно было, что ему очень трудно выдерживать и онъ сейчасъ бы отдалъ ихъ; Мар. Алекс. тоже въ волненіи и говоритъ, что «это пытка, что не знаешь съ ними, что дѣлать, чтобы они не пасли на чужомъ полѣ».

Николаевъ обратился ко мнѣ и говорить:

— Ну, что вы прикажете тутъ дѣлать? Не противься злу! Что жъ ихъ не штрафовать? Такъ тутъ и житья не будетъ.

Я говорю:

— Штрафами вы не уничтожите этого зла. Я бы простила ихъ на вашемъ мѣстѣ и сегодня, и завтра, и послѣ-завтра. Но я все же не упустила бы этого случая—поговорить съ ними и словами подѣйствовать на нихъ.

— Да, убѣдите вы ихъ! Я пять лѣтъ убѣждалъ, и вотъ видите какой результатъ.

1-го іюня. Придя къ обѣду, узнала, что волы отпущены безъ денегъ.

Весь день занималась своимъ маленькимъ хозяйствомъ—все мыла, чистила, лучину наготовила, самоваръ вычистила, сахаръ наколола, бѣлье починила и пр. и пр.

Больше обыкновеннаго повозилось. и потому надѣюсь уснуть скорѣй, а то послѣднее время безсонница одолѣла.

2-го іюня. (Воскресенье). Пришли два хлопца покупать книжки. Я знала, что ихъ волы попались, и говорю:

— Зачѣмъ вы пасете въ лѣсу?

— Люди пасутъ и мы пасемъ.

— Вѣдь, ты знаешь, что панъ не велитъ тамъ пасти?

— Та знаю,—говорить.

— Такъ зачѣмъ же ты на людей смотришь, коли самъ знаешь, что этого не слѣдуетъ дѣлать?

— Что же станешь дѣлать, коли негдѣ пасти?

Пришла женщина изъ хутора Шевцова, просить написать письмо зятю-солдату и принесла пять яицъ. Какъ я ни отказывалась отъ нихъ, но пришлось взять.

9-го іюня. Встала съ мрачнымъ настроеніемъ духа. Послѣ обѣдни пришелъ дурачекъ (живущій у Николаева и служащій ему забавой) и попросилъ дать ему чаю. Наконецъ, онъ ушелъ. Пришли хлопцы челоуѣхъ 10, ученики и будущіе ученики. Я имъ прочла «Кавказскій плѣнникъ» и «Дуняша и 40 разбойниковъ». Первое больше понравилось. Второе вызвало восклицаніе: «вотъ яка хитрая Дуняшка».

Потомъ они сейчасъ же пошли выгонять своихъ во-

ловъ, такъ какъ время отдыха ихъ кончилось, они воспользовались имъ, чтобы прибѣжать ко мнѣ. Трое были съ хутора.

Остальное время дня я провела за книгой, никуда не выходила. Вечеромъ, въ 9 часовъ, вдругъ слышу кто-то бѣжить къ моей хатѣ. Оказывается, еще два хлопча спохватились посѣтить меня. Они мнѣ рассказали, что у нихъ есть такая игра, что нанимають косарей, и эти косари должны палками сбивать молочай. Я имъ нарѣзала кружковъ изъ бумаги, которые должны изображать деньги, такъ какъ они стали подбирать бумажки, для расплаты со своими товарищами.

10-го іюня. Утромъ, только-что встала, смотрю, катить тройка, и ко мнѣ пріѣхали изъ Ольгина мои друзья и учитель. Я была очень рада, но одна изъ нихъ меня смущала; я знаю, что она очень взыскательная, какъ постоянная жительница Петербурга, а у меня ничего нѣтъ. Но устроилось лучше, чѣмъ я думала; пошли въ лѣсъ, сварили кашу, яичницу и чай.

Ольгинскій учитель, сверхъ моего ожиданія, принималъ очень дѣятельное участіе въ моихъ хлопотахъ. Вечеромъ они поѣхали и захватили меня съ собою. Я была рада избавиться отъ своего одиночества, къ которому я никогда не могу привыкнуть.

28-го сентября 1885 года. Вотъ уже четыре дня прошло, какъ я возвратилась въ Городище, и мое намѣреніе съ перваго же дня прибытія начать свой дневникъ осталось не исполненнымъ. Объ этихъ четырехъ дняхъ я хочу записать въ общихъ чертахъ, и такимъ образомъ, положить начало дневнику.

Когда я пріѣхала, хата моя была заперта, и окна были заколочены досками. Я пошла за ключемъ; Оекла очень обрадовалась мнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто

я ее врасплохъ застала. Оказалось, что она давно не топила хату и еще не вымазала ее. При входѣ въ нее меня обдало сыростью и холодомъ, и кромѣ этого, вездѣ грязь, пыль, словомъ—полнѣйшее запустѣніе. Долго я не могла даже напиться чаю, потому что ничего не оказалось на мѣстѣ, ни самовара, ни посуды и проч. Я отправилась къ помѣщику, и придя домой въ 7 час. вечера, залегла, не раздѣваясь, спать (постель какъ будто смочена была, до того сыро было).

Всѣ эти дни я употребила на приведеніе въ порядокъ своей хаты и своего хозяйства.

Хлопцы сейчасъ же узнали о моемъ пріѣздѣ, и кто могъ, не дожидаясь праздника, пришли; а въ праздникъ послѣ заутрени пришли хуторяне, а потомъ и наши слобожане. Всѣ, очевидно, рады, что я пріѣхала, какъ будто вносишь въ ихъ жизнь что-то, а нѣкоторые, которые постарше, говорятъ: «слава Богу пріѣхали! ужъ мы ждали, ждали васъ». Борису, сыну Ѳеклы, я дала на-дняхъ книжку: «Упустишь огонь—не потушишь». Онъ ее прочелъ; вчера пришелъ и началъ мнѣ рассказывать. Онъ такъ рассказывалъ, что можно было подумать, что онъ рассказываетъ про своихъ сосѣдей, а не про тѣхъ, Ивана и Гаврилу, о которыхъ онъ прочелъ въ книжкѣ. И притомъ у него есть манера припоминать и спохватываться, что часто случается со всѣми, кто рассказываетъ изъ видѣннаго и слышаннаго, и это выходитъ еще естественнѣе. Онъ особенно отмѣтилъ слова дѣда: «а дідъ, говорить, правду имъ казалъ...» и продолжалъ словами дѣда, и видимо эти слова особенно запали ему въ душу.

Сегодня вечеромъ я пошла къ Ѳеклѣ, съ намѣреніемъ почитать. У нея были сынъ и дочь и еще одинъ молодой паробокъ.

Я сначала прочитала «Вавило» Острогорскаго, а потомъ «Дядя Титъ Антипычъ». Первая не произвела осо-

беннаго впечатлѣнія, а по окончаніи второй, сказали: «ловкая книжечка».

29-го сентября. Послѣ заутрени, мы только-что успѣли прибраться въ хатѣ, приходитъ Оекла съ одной женщиной съ хутора (у которой я была въ гостяхъ). Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, она прямо приступила къ дѣлу, а именно: купить у нея скатерть. Я купила. Потомъ она стала рассказывать, что ея сынъ все рвется ко мнѣ, да некогда, вотъ уже въ Покровъ, говоритъ, Богъ дастъ, придетъ.

Перезвонили во все колокола, и онѣ пошли къ обѣднѣ, а я поставила самоваръ и стала читать Евангеліе. Погода была сегодня хорошая; напившись чаю, я пошла въ лѣсъ и читала Толстаго, за чтеніемъ послѣдовало обсужденіе своей жизни.

Раздумывая такимъ образомъ, я пришла домой. Вслѣдъ за мной пришли 5 хлопцевъ. Одинъ (Никонъ) былъ очень разговорчивъ и рассказывалъ о разныхъ своихъ лѣтнихъ приключеніяхъ. Мы все смѣялись до слезъ. Онъ рассказывалъ не стѣсняясь и употребляя самыя откровенныя выраженія, которымъ онъ не придавалъ того значенія—что ихъ стыдно употреблять: онъ относился ко всему очень просто. Другіе же хлопцы были не такъ просты и очевидно имъ было стыдно за него, и они закрывались, когда онъ становился такъ откровененъ. И они какъ будто ждали, что я сдѣлаю ему замѣчаніе, но я не нашла нужнымъ, такъ какъ все это говорилось просто. Наконецъ, онъ, облокотясь на столъ, задумчиво сказалъ:

— Много чего перебивало за лѣто, а вотъ теперь сидимъ у васъ здѣсь, да рассказываемъ.

30-го сентября. Встали мы сегодня въ 6^{1/2} ч., убрали хату, напились чаю и отправились въ лѣсъ, дрова собирать. Дуня набрала небольшую вязанку, а я немного побольше. И вотъ мы взвалили на плечи и несемъ. Я прошла шаговъ 10 и остановилась, вязанка моя съехала

съ плечъ и я никакъ не могла ее снова взвалить; наконецъ, кое-какъ взвалила и опять не болѣе 10-ти шаговъ прошла и выпустила изъ рукъ. Дуня же давно уже ушла впередъ меня. Потомъ я уже пробовала такъ тащить, не взваливая на плечи, но въ 20-ти шагахъ отъ хаты остановилась и никакъ не могла отдышаться, сердце заколотилось, все тѣло трясется. Наконецъ, я едва дотащила до мѣста и съ полчаса отдыхала. Я спросила Дуню, что она чувствуетъ, пронеся вязанку? Оказалось, что она устала не меньше меня и что у нея также все внутри трясется и въ особенности руки. Тогда мнѣ легче стало въ томъ отношеніи, что моя непригодность не такъ ужъ велика.

Я эти два дня питалась однимъ хлѣбомъ и чаемъ; сегодня мы сварили, съ помощью принесенныхъ дровъ, картофель, и съ большимъ аппетитомъ дружно поѣли его. Передъ вечеромъ отправились съ однимъ ведромъ (другаго нѣтъ) за водой. Придя къ колодцу, думали, что достанемъ руками зачерпнуть воды, но руки наши оказались коротки. Что дѣлать? Дуня сейчасъ пошла къ дереву, достала самородное коромысло и мы, добывъ воды, надѣли на палку ведро и притащили. Къ чаю пришла мать ея и братъ. Я прочла имъ первый рассказъ изъ «Розсказней Ваненко» — какъ парня московскія вороны раздѣли до нага. Имъ онъ очень понравился. Этотъ рассказъ очень поучителенъ для Бориса, такъ какъ онъ все стремится въ городъ.

1-го октября. Сегодня утромъ, въ 5 ч., я слышу вдругъ кто-то кричить у окна: «здорово!... здорово!» Голось мужской. Я подошла къ окну и спрашиваю, кто тамъ? Въ отвѣтъ на это слышу: «Есть водочка?» Вмѣсто отвѣта я его послала дальше.

Дуня въ этотъ день рано собиралась на ярмарку и сейчасъ же встала и пошла въ сосѣднюю слободу. Нужно замѣтить, что у нея въ карманѣ было только 10 коп., и для того, чтобы ихъ затратить на ленточки и бублички, она отправилась за 7 верстъ. Она пошла, а я принялась

за хозяйственные хлопоты по хатѣ. Къ окончанію заутрени я уже совсѣмъ управилась. Пришла опять та женщина, которая продала мнѣ скатерть; денегъ я ей еще не отдавала. Поздоровались, я ее и спрашиваю: за грошами пришли?

— Ни, говорить, хiba за грошами тѣлько и приходятъ? Я принесла вамъ гостинчика.

И дала мнѣ пять яицъ. Я поблагодарила и просила ее заходить безъ гостинца.

— Да я, говорить, не смѣю васъ.

— А я васъ не смѣю, говорю; что жъ мы будемъ вмѣстѣ жить да бояться другъ друга? Будемъ лучше другъ друга навѣщать, ближе познакомимся, и перестанемъ бояться.

Обѣдать я пошла къ помѣщику. У нихъ были гости — старики, дядя и тетка. Послѣ обѣда между ними зашелъ разговоръ о томъ, что народъ пьянствуетъ и развращается, искали причины этому. И нашли ее въ томъ, что народу дана слишкомъ большая свобода и что теперь ни передъ кѣмъ у него нѣтъ страха.

— Развитіе его, говорятъ, ни впередъ, а назадъ идетъ.

Отъ нихъ я пошла къ Ѳеклѣ и тамъ только отвела душу, побѣсѣдовавъ съ ними о самыхъ простыхъ вещахъ, которыя Борисъ пересыпалъ своимъ юморамъ.

3-го октября. Въ 6 ч. утра пришелъ печникъ чистить трубу; вслѣдъ за нимъ пришли пять бабъ хату мою мазать. Я только-что успѣла кое-какъ встать, какъ они всѣ нагрянули ко мнѣ. Печникъ, вычистивъ трубу, обратился къ одной бабѣ, прося ее скорѣй замѣсить глину, но она строптиво отказала ему въ этомъ. Онъ еще разъ попробовалъ попросить, но она опять заворчала.

— Ну, сердита же ты, бабка!

Я вступилась и сказала бабамъ:

— Вѣдь, вамъ, все равно, сейчасъ придется мѣсить, а ему нужно только маленькій комочекъ.

— Да оно все равно, да не одно,—и никто не пошел мѣсить.

Потомъ пришелъ прикащикъ—симпатичный мужикъ, братъ Ѳеклы. Поговоривъ о мазаньи хаты, мы скоро перешли къ школьному вопросу и къ вопросу о пользѣ грамоты. Я спросила его: какъ на его взглядъ, что приносить грамота,—вредъ или пользу?

— А якъ же можно, конечно, пользу. Грамотнаго труднѣй обдурить, да и все онъ дюже понимаетъ.

— А вотъ, говорю, нѣкоторые говорятъ, что грамота вамъ ни къ чему; такъ какъ страху для васъ никакого нѣтъ (какъ во время крѣпостнаго права), то вы теперь стали больше пьянствовать, воровать, да семьи свои обижать.

— Это, говорить, они потому такъ говорятъ, что мы стали больше понимать, а это имъ не нравится. У меня, говорить, большая охота учиться, да время нѣтъ, такъ знаю кое-что, да плохо. Вотъ въ ариметикѣ тоже сложеніе могу сдѣлать, а ужъ вычитаніе, умноженіе не сдѣлаю. А самую-то ариметику я всю знаю.

Подъ «ариметикой» онъ подразумѣваетъ таблицу умноженія. Мало по малу, онъ пододвинулся къ столу (на которомъ у меня постоянно лежатъ доски и грифеля), взялъ доску, грифель и сталъ писать какія-то цифры. Я вижу, что ему хочется, чтобы я ему показала кое-что, но онъ ничего не говорить; я приступила къ нему, спросила, что онъ знаетъ, и объяснила два дѣйствія—вычитаніе и умноженіе. Я хотѣла объяснить и дѣленіе, но онъ остановилъ меня.

— Дѣленіе, говорить, не такъ нужно, а вотъ главное умноженіе, это часто приходится дѣлать при измѣреніи земли. А неумѣчи на бумагѣ сдѣлать—трудно; думаешь, думаешь и все кажется не вѣрно. Я еще когда-нибудь приду къ вамъ поучиться.

Потомъ сталъ онъ часы мои разсматривать, а я и го-

ворю,—что вотъ, молъ, какія теперь часы стали дѣлать, что показываютъ и часы, и дни, и число, и мѣсяцъ.

— Все, говорятъ, это выдумываютъ, чтобы деньги только брать.

Отвѣтъ очень хорошъ.

3-го октября. Въ настоящую минуту чувствую себя очень, очень счастливою и хотѣлось бы всѣхъ втянуть въ это счастье и повѣдать имъ все то, чѣмъ полна теперь моя душа. Дѣло въ томъ, что сейчасъ моя хата была полна людей: мужиковъ, парубковъ, дѣтей и дѣвчатъ. Они идутъ сами ко мнѣ, вотъ это-то меня и радуетъ, радуетъ, что они принимаютъ меня въ свою среду. И сколько между ними хорошихъ людей! Думаю, что не увлекаюсь, а смотрю настоящими глазами. Помню, кто-то изъ друзей сказалъ, что намъ все же приходится заставлятъ себя посидѣть и поговорить съ этими людьми. Я не согласна: я не заставляю себя; мнѣ хорошо съ ними. Я не люблю только какой-либо натяжки во всякой средѣ и потому избегаю тѣхъ случаевъ, когда это можетъ случиться.

Сегодня такъ много всего было и такъ много разныхъ впечатлѣній, что я не знаю, какъ ихъ и записывать. Много было разговоровъ, которые полностью непередашь, а чуть-чуть только выхватишь изъ нихъ, а этого мало

5-го октября. Вотъ уже два дня ко мнѣ приходятъ учиться двѣ дочери священника. Я съ ними занимаюсь съ 10 до 12 час. Одна изъ нихъ окончила на свидѣтельство въ школѣ, но пишетъ очень неправильно, задачи тоже плохо соображаетъ. Въ школу же отецъ ихъ не хочетъ посылать почему-то, а я не настаиваю, такъ какъ онѣ барышни, которыя сторонятся отъ грязныхъ «мужиковъ», а въ такой тѣсной школѣ, какъ наша, имъ пришлось бы сидѣть съ ними рука объ руку.

6-го октября. У Николаевыхъ живутъ портной и горничная дѣвушка, и вотъ они хотятъ пожениться, но какъ у одного, такъ и у другого ничего нѣтъ, кромѣ постоян-

наго труда, который и кормить ихъ. Всѣ осуждаютъ этотъ бракъ и пророчать имъ разныя бѣдствія. А они совсѣмъ не думаютъ о будущемъ и живутъ настоящимъ. Я же очень рада за нихъ, такъ какъ они строятъ счастье свое не на деньгахъ, какъ большею частью бываетъ. Положимъ, часто бываетъ, что не на что и свадьбу сдѣлать, какъ сыну Оеклы, который хочетъ жениться, тоже не имѣя ничего, да 20 руб. нужныхъ для свадьбы не можетъ раздобыть. Вотъ хоть и не женись.

Вечеромъ, идя отъ Николаевыхъ, я зашла къ Оеклѣ. Сѣла съ ней на присну. Мѣсяцъ и звѣзды разсыпаны по небу; погода чудесная. Я съ ней что-то весело говорила и смѣялась. Вдругъ кто-то подходитъ: «здорово, говоритъ, я думаю кто се такій, что весело балакаетъ; взглянулъ въ вікна, свѣтла нѣтъ, що се таке! а батъ, вони гдѣ вуплицю завели!» Это Павло Карпенко—ея сосѣдъ. Потомъ, немного погодя, подошла какая-то женщина, да еще два мужика. Посидѣли, поговорили; они разговаривали больше промежъ себя, а я только иной разъ спрошу о чемъ-нибудь; все больше говорили о свадьбахъ, да кто у кого сватаетъ. Время свадебное, такъ что теперь только объ этомъ и говорятъ. Мнѣ не хотѣлось уходить, но Оекла сидѣла безъ свитки и озябла. Я пошла домой, но она, одѣвъ свитку, непременно захотѣла проводить меня. Мы пошли, а мужики остались у ея хаты. Отойдя шаговъ пять, она закричала на нихъ, чтобы они уходили. Они, не смотря на ея повелительный тонъ, оставались. Я спросила ее, зачѣмъ она ихъ гонить?

— Да Борисъ сердится, что у меня всегда полна хата народу!

— Такъ что же такое? Тѣмъ лучше. Вѣдь, съ людьми лучше и веселѣе жить? Значить, ты ихъ привитаешь, говорю, что они къ тебѣ идутъ; и ты придешь—тебя привитать будетъ каждый, вотъ и хорошо. А что же будетъ, если мы только себя будемъ знать да любить, а другихъ

гнать? Ты и Борису скажи такъ, а не поатакай ему въ дурномъ.

— Оно такъ-то такъ, Надежда Даниловна, оно истинно такъ, да что съ нимъ сдѣлаешь: якъ схочать, такъ и роблять, а маты тѣлько мовчить!

Сегодня опять ходили за дровами, но опытъ уже научилъ насъ и мы вмѣсто одной вязанки принесли по двѣ. Вязанки были по силамъ намъ и мы нисколько не устали, и хотѣли отправиться за третьей, но дождикъ застигъ насъ и загналъ домой. Придя домой я стала играть и запѣла пѣсню:

Жито, маты, жито, маты, не полова;
Чомъ дивчину нелюбити, вона чернوبرова.
Гей, я сама не знаю, що чинити маю.
Чи плыти, чи брыти, сама не вгадаю.

А Дуня посмѣялась надо мной, что запѣла ни съ того, ни съ сего.

10-го октября. Утромъ сегодня пришелъ Осипъ (парубокъ) съ просьбою дать ему карандашъ и книжку. Я попросила его сѣсть, но онъ все колебался: «Я постою, ничего!» Наконецъ, мнѣ удалось его упросить и онъ сѣлъ и началъ рассказывать о прочитанныхъ книжкахъ.

— Я, говорить, взялъ у Бориса книжечку вашу про Авдѣича—мнѣ понравилось! А что это правда, что Христось обѣщался къ нему придти? Онъ, говорить, все ждалъ Его.

Я сказала ему на это, что, читая Евангеліе, Авдѣичъ вникалъ въ каждое слово Христа, такъ что ему показалось, что Христось самъ лично бесѣдуетъ съ нимъ и даже обѣщалъ придти къ нему, какъ ему показалось.

— А какъ же потомъ ему какой-то голось сталъ говорить, что когда онъ напоилъ чаемъ одного мужика, то это Онъ, Христось, и былъ, и еще когда онъ мальчишкѣ купилъ яблоко и заступился за него, и бабу съ ребенкомъ отогрѣлъ—все это развѣ правда, что Христось былъ?

— А помнишь, говорю, то мѣсто въ Евангеліи, которое въ это время Авдѣичъ читалъ: «И взалкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть... И такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ братьевъ сихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ». Вотъ это-то мѣсто Евангелія и объяснило ему сонъ его и открыло ему, что Христосъ былъ у него уже нѣсколько разъ.

— Такъ, значить, всѣ эти добрыя дѣла онъ сдѣлалъ Богу?

Я предложила ему взять «дѣда Софрона», но онъ почему-то не захотѣлъ взять ее. Онъ увидалъ тамъ очень много знаковъ и особенно пугаютъ его многоточія. Онъ взялъ біографію Кольцова, и Агасфера.

— Я, говорить, страсть люблю стихи читать. Вотъ я у васъ бралъ книжку со стихами, такъ страсть хорошія стихи! (Это «Любимые стихи»). А то у Ивана Васина тоже ваша книжка со стихами, такъ я разъ пришелъ къ нему вечеромъ и началъ читать, такъ прямо оторваться нельзя, страсть хорошая!

Это онъ отзывался такъ о «Сочиненіяхъ Пушкина для народныхъ школъ». И въ концѣ концовъ, онъ еще по воспоминанію излилъ свой восторгъ отъ книги «Милости хочу, а не жертвы». Уходя, онъ попросилъ еще третью книжку, а именно Робинзона въ переводѣ Яхонтова. Вечеромъ я пошла съ Дуней къ Ѳеклѣ читать. Взяла «Софрона» и «Два старика». Слушателями были: Дуня, Ѳекла, Борисъ и братъ Ѳеклы, Иванъ. Я начала читать «Софрона». Сходка очень понравилась. Меня поражало только то, что драматическія мѣста, когда я едва могла читать отъ спазмъ въ горлѣ, у нихъ вызывали смѣхъ. Имъ смѣшно показалось, что дѣдъ такъ хлопочетъ о сапогахъ, что Дарья бредитъ, что на Софрона кричитъ Филалей, какъ на мальчишку... Я кончила, они стали перебирать разные эпизоды изъ этого разсказа. Поговоривъ, они попросили еще почитать; я начала «Два старика». Прочитавъ эпиграфъ, я замѣтила, что интересъ ихъ вслѣдствіе этого эпиграфа

удвоился. Я прочитала три главы, обѣщавъ дочитать завтра, такъ какъ видимо они утомились уже: «Вотъ эта книжечка славна, ма будь, будетъ!» сказалъ Иванъ.

Стали они вечерять. Мать сварила супъ съ курицей, а обыкновенно у нихъ кромѣ хлѣба, картофеля и воды ничего нѣтъ; такъ что, если имъ приходится ѣсть что-нибудь другое, то они отчаянно смакують приговаривая: «Добрая юшка! коли бы всегда істі такъ! добрая юшка! умирать не надо!» и т. п. Сначала меня всегда какъ-то коробило это смакованіе, но потомъ я поняла, что это очень естественно. Съвѣ вечерять, Борисъ началъ упрекать мать и выговаривать ей, что она съ соломой варить. Они повздорили. Я старалась ихъ умиротворить. Мать сказала:

— Спасибо, что Надежда Даниловна тутъ, а то бы ты не далъ намъ съ Дуней и поѣсть-то. Это онъ при васъ еще смирный», — сказала она, обращаясь ко мнѣ.

— Я очень рада, говорю, что мои слова не даромъ пропадаютъ для него, и все отъ того, что между нами любовь. Будь между вами любовь, и вы бы мирно жили.

Словомъ, я начала имъ объяснять, отчего они не живутъ въ ладу, а постоянно ссорятся. Мать вполне соглашалась со мной, что всѣ они виноваты въ этомъ, но Борисъ старался всю вину свалить на мать и упрекалъ ее во всемъ. Я ушла съ Дуней.

11-го октября. Идя съ панскаго двора, я встрѣтилась съ Николаемъ Кузнецовымъ, сынъ котораго, Петръ, прошлый годъ учился у меня въ школѣ. Послѣ привѣтствія, онъ разсказалъ мнѣ, что ходилъ за какою-то особенною солью, которою лечатъ заболѣвшую скотину. Окончивъ говорить по этому поводу, я спросила его, будетъ-ли сынъ его ходить и нынѣшній годъ въ школу:

— Треба, говорить вамъ. Даниловна, могарычъ купить, чтобы вы его лучше, да построже учили.

— Я, говорю, ни за какой могарычъ не буду лучше учить, чѣмъ учу, и ни за какой могарычъ не соглашусь

наказывать своихъ учениковъ. А если вамъ не нравится, какъ я учу, то не отдавайте сына, или ищите себѣ по вкусу другую учительницу. (Я уже второй разъ говорю съ нимъ по этому поводу).

— Да нѣтъ, говорить, я только говорю, чтобы по-строже, иной разъ и покусить можно, они и будутъ бояться.

— А вотъ этого я и не хочу; я хочу, чтобы они меня не боялись, и тогда только можно учить.

— Да онъ вотъ цѣлую зиму проходилъ, а псалтыря не учитаетъ.

— Цѣлую-ли онъ зиму проходилъ, вспомни-ка? Вы его постоянно отрывали отъ школы, а требуете, чтобы не было упущенія въ его ученіи.

— Это правда, правда, что мы его не дюже старались посылать.

— Ну, вотъ, видишь!

— Ну, ужъ эту зиму пускай ходитъ, мы его не будемъ заставлять по дому работать. Я теперь самъ буду.

— Ну, вотъ это дѣло; тогда и спрашивай успѣховъ. Мы разстались.

Придя домой мы напились чаю. Оекла тоже пила съ нами. Я не пошла сегодня къ ней читать, а они всѣ пришли ко мнѣ, да еще привели одного съ собой, который невидимо для насъ (подъ окномъ), слушалъ все, что я читала у Оеклы. Дочитала я «Два старика». Окончивъ, я ждала, что они скажутъ помимо моихъ вопросовъ, но они молчали. Я замѣтила, что посреди моего чтенія, Оекла собралась было уходить домой, но ее, вѣроятно, заинтересовалъ рассказъ, такъ что она, одѣвшись въ свиткѣ, простояла до конца рассказа. Потомъ, немного погодя, Иванъ отозвался:—Хорошая книжечка!—и у него заблестѣли глаза:—вотъ кабы самъ умѣлъ прочитать!

— Зачѣмъ дѣло стало,—говорю,—приходи, научу.

— Я приду, да придется-ли доучиться. Меня, ма будь-осенью возьмутъ въ солдаты?

— Приходи, успѣешь.

Онъ видимо очень радъ.

— Покрутитесь вы тѣлько со мной!

Иванъ этотъ уже семейный человѣкъ, у него есть жена, дѣти.

Потомъ стали они просить меня что-нибудь сыграть имъ. Я отказывалась, потому что не умѣю я ничего играть по ихъ вкусу—они больше всего любятъ плясовые или пѣсни залихватскія. Я сѣла и проиграла имъ штукъ 10 пѣсень. Потомъ попросили, чтобы я по своему вкусу выбрала, что сыграть. Я сыграла «La Bergeronnette» Дрейшюка. Понравилось, но пѣсни понятнѣе имъ.

Когда у меня былъ Василій, братъ Ѳеклы, приказчикъ, то онъ тоже просилъ поиграть пѣсень. Я удовлетворила его желаніе.

— Ну, а теперь сыграйте что-нибудь изъ своего.

Я ему говорю, что ему не понравится, но онъ настаивалъ. Я сыграла изъ «Жизни за Царя» двѣ аріи: «Ты не плачь» и «Чуютъ правду».

— А ваша музыка мнѣ лучше понравилась, даромъ что не пѣсня. Хорошо!

12-го октября. Въ 7 часовъ вечера Иванъ пришелъ учиться. Нарядился въ чистую «чинарку» ¹⁾, вымылъ тщательно лицо и руки, и несмѣло, со страхомъ, пришелъ. Сказавъ, «Господи благослови!» принялся слушать меня. Я не приготовилась къ этому уроку, и начала заниматься экспромтомъ. Его сильно смущало непониманіе того, что я говорю, но я его ободряла и старалась яснѣе говорить. Онъ до пота старался, и наконецъ, въ концѣ урока увидалъ, что труды его не пропали. Вслѣдъ за нимъ пришли также учиться Борисъ со своимъ товарищемъ,

---

¹⁾ Чамарна, или короткая поддевка.

Грицькомъ, и Дуня къ нимъ пристала. Такъ что сегодня мы положили начало домашней школѣ.

Познаявшись до 9¹/₂ часовъ, мы начали разговаривать о чемъ попало. Борисъ же началъ экзаменовать своего товарища въ счисленіи. Я сидѣла на кровати и говорила съ Иваномъ. Борисъ вдругъ схватилъ меня за руку съ намѣреніемъ подвести меня къ столу и показать ошибку Грицьки, и закричалъ: «Надежда Даниловна, Надежда Даниловна! винъ каже 345, посмотрите!» Я посмотрѣла. Написано было 3450. Все это пустяки, но мнѣ нравится, что они начинаютъ обращаться со мною, какъ со своею, и не считаютъ меня барышнею, до которой нельзя дотрогиваться.

Читать сегодня не пришлось, но хоть одну пѣсню, а попросили сыграть; я сыграла.

13-го октября. Уже передъ вечеромъ, я только-что начала лучину щепать, приходитъ какая-то женщина, высокая, стройная и съ симпатичнымъ, умнымъ лицомъ; видно по всему, что у нея громаднѣйшій запасъ энергіи. Она бойко заговорила, приглашая меня на сватанье своей дочери (которую я немножко знаю), и попросила у меня бумаги какой-нибудь, чтобы сдѣлать цвѣты къ свадьбѣ. Я ей дала. Она много рассказывала о своемъ житіи на Дону и здѣсь, о дочери, о женихѣ, и проч. Мужа ея я тоже знаю.

Только-что она ушла, пришли Осипъ и Иванъ. Первый — такъ себѣ, поговорить, а второй учиться. Осипъ принесъ показать мнѣ книжечку, которую онъ выигралъ ¹⁾ за 5 коп., за ярмаркѣ гдѣ-то. Книжка эта подъ названіемъ: «Разказы Миши Евстигнѣева». Въ ней три разказа: 1) «Заколдованный портретъ»; 2) «Потерянная квартира»; 3) «На-дняхъ». Цѣна 40 копѣекъ. Ему ни одинъ особенно не понравился, только первый, говоритъ, чудной, и онъ

---

¹⁾ На каждой ярмаркѣ въ нашей мѣстности устраиваются лотереи безъ проигрыша.

мнѣ рассказалъ его. Разсказъ глупый, но Осипъ не понялъ его совсѣмъ, и не понялъ, что тамъ одинъ обманываетъ другого. Тамъ попадаетея разговоръ о томъ, что можно сглазить или нѣтъ? Я спросила его: какъ, по его мнѣнію, можно или нѣтъ? «Можно», говорить. Тутъ у насъ произошелъ длинный разговоръ, который привелъ его къ тому, что этого не можетъ быть. Осипъ сталъ читать какую-то изъ моихъ книжекъ, а я стала заниматься съ Иваномъ. Онъ учится у меня второй день и знаетъ уже 5 звуковъ. Сегодня онъ читалъ по букварю, и нужно было видѣть его радость. «Эхъ! кабы Господь далъ выучиться», — говорилъ онъ, и набожно при этомъ каждый разъ крестился. Онъ считаетъ уже себя обязаннымъ мнѣ, и выдумываетъ, что бы для меня сдѣлать. Я же говорю ему, что, уча его и другихъ, я исполняю только свою обязанность.

Мы учились; вдругъ торопливо входятъ Борисъ и Иванъ Лавриненко (новый ученикъ, вечерній), а за ними входятъ нарядныя дѣвушки, и одна въ особенности: кругомъ головы все цвѣты, ленты и т. п.; кромѣ того, она поразила меня своею красотою, и особенно своими хорошими глазами. За ними вошло много дѣтей, въ томъ числѣ и школьники. Всѣ — веселые, радостные. Нарядная дѣвушка — не вѣста; она пришла приглашать насъ на свое сватанье. Я поблагодарила, но не пошла, потому что была занята. Почувшившись, мы, по обыкновенію, стали разговаривать. Потомъ всѣ ушли, кромѣ Ивана, который хотѣлъ еще почитать и поговорить. Онъ рассказывалъ мнѣ про свое житіе. Онъ живетъ съ братомъ, у котораго 5 человѣкъ дѣтей. У нихъ живы еще отецъ и мать — старики. Съ ними же жилъ раньше и третій братъ, Василій (приказчикъ). И ~~все~~ они жили бы дружно и до сихъ поръ, если бы не вздорный характеръ жены Василя. Во избѣжаніе непріятностей, онъ рѣшился отдѣлиться отъ нихъ. И Иванъ въ подробностяхъ рассказалъ, какъ имъ тяжело было дѣлиться.

— Сидить, — говорить, — это онъ на своемъ возу, та и

плаче. А я взглянулъ на ёго, та и соби. Сидимо, та заливаемось. Такъ жалко, такъ жалко було, что и сказать не можно. Мій братко, Миронъ, живе у пана въ зроку, а я дома. А люди кажуть, зачѣмъ я живу дома, що баче кормлю его дѣтей. А я сказаю, такъ ёго уважаю, такъ уважаю, все щобъ ему лучше було, а вінъ прійде, усе ругаетъ, усе ругаетъ міні; усе не такъ, усе не по ёго, а дома не хочеть робить.

Много, много онъ мнѣ рассказывалъ. Но все это для него ничего, тяжелѣе же всего—въ солдаты идти.

14-го октября. Сегодня мы очень рано пили вечерній чай, потому что Оекла пришла и говоритъ, что ей очень нездоровится и хотѣлось бы выпить чайку. Мы и поставили сейчасъ же самоваръ, и въ 4 часа уже покончили съ нимъ. Во время нашего чаепитія входитъ какой-то крестьянинъ, здороваётся, а на мое приглашеніе сѣсть и выпить чаю, онъ застѣнчиво уклонился. Я не знала, къ кому онъ собственно пришелъ: ко мнѣ или къ Оеклѣ, такъ какъ Оекла его встрѣтила, какъ знакомаго. Оказывается, что этотъ крестьянинъ изъ сосѣдней слободы, и пришелъ попросить у меня книжечку, такъ какъ слышалъ, что у меня есть хорошія книжки, и нѣкоторыя изъ нихъ уже попадали къ нему помимо меня. Я ему дала: «Софронъ», «Упустишь огонь», «Гдѣ любовь», «Кавказскій плѣнникъ»; читалъ же онъ: «Чѣмъ люди живы», «Богъ правду видитъ» и «Христосъ въ гостяхъ»,—вотъ эти-то ему очень и понравились. Піанино мое открыто и на юпитрѣ лежали пѣсни. Онъ сейчасъ же подошелъ и посмотрѣлъ, что за ноты. Увидалъ пѣсни, и удовольствіе разлилось на его лицѣ. Я стала спрашивать его, понимаетъ онъ ноты или нѣтъ? (Онъ пѣвчій). Нотъ не знаетъ. Учительница учить ихъ прямо съ голоса, даже безъ всякаго инструмента. Я съ нимъ пропѣла двѣ «Херувимскія» Бортнянскаго. Ему очень онѣ понравились. Онъ очень расхваливалъ свою учительницу: что она очень проста, и не дѣлаеть ника-

кого различія между собою и ими, что по вечерамъ съ ними (пѣвчими) очень много занимается: иной разъ, говорить, до часу ночи, — что она хорошо образовываетъ мальчиковъ, но что хочетъ уходить отъ нихъ. Они просятъ ее остаться, а она посылаетъ ихъ къ N. N., чтобы они его попросили оставить ее. Сама же она послала прошеніе о перемѣщеніи, но сказала имъ, что если они попросятъ ее чрезъ N. N., то она навѣрно останется у нихъ. Я не понимаю, какая у нея цѣль заводить эту канитель!

Вечеромъ всѣ пять учениковъ пришли Борисъ пришелъ позднѣе всѣхъ и съ заплаканными глазами, у него въ стадѣ (панская чередка) пала одна телка и двѣ большыя; обвиняютъ его, и вѣрно побили. Учились съ 7 до 10 часовъ. Ивану очень трудно дается грамота: я ему сегодня толковала, толковала, и сама устала. Лавриненко читаетъ, но плохо, понимаетъ плохо, пишетъ также. Но такъ какъ онъ учился по звукамъ у бывшаго школьника, то съ нимъ гораздо легче продолжать заниматься, чѣмъ съ тѣми, которые учатся по азамъ. Дуня лучше всѣхъ пишетъ и читаетъ, но я ее еще ни разу не похвалила, такъ какъ она очень тщеславна. Лавриненко сегодня первый разъ пришелъ учиться, и отъ волненія руки и голосъ все время дрожали у него; можетъ быть отъ волненія же онъ и не понималъ, что читаетъ. Иванъ же страшно напрягаетъ свои мозги, такъ что это отражается и во внутреннемъ, и во внѣшнемъ проявленіяхъ: потъ выступаетъ, и то животъ заболитъ, то въ холодъ бросаетъ.

16-го октября. Оекла захворала. Я пошла къ ней съ чаемъ: она его очень любитъ. Застала ее топящую печь съ какой-то жинкою. Ее всю разломало, и всюду колетъ: въ бока, грудь, плечи; она не можетъ ни вздохнуть, ни двинуться. А я совсѣмъ не знаю, что ей посоветовать, что дать. Посмотрѣла только на ея страданія, да подумала: у меня, навѣрно, никогда не будетъ такихъ болей.

18-го октября. Вечеромъ я, въ ожиданіи учениковъ, сидѣла и вязала чулокъ, издалека слышались пѣсни, потомъ все слышнѣй и слышнѣй, и, наконецъ, у самой моей хаты замолкли. Двери распахнулись, и въ моей хатѣ очутилась цѣлая толпа молодыхъ дѣвушекъ. Впередъ выступила самая нарядная, это — невѣста, и съ поклономъ заговорила: «прохаль батъко, прохала маты, и я прошу васъ на сватанье». Я поблагодарила, перемолвилась съ знакомыми дѣвчатами, и общала прійти. Но только-что онѣ вышли, пришли всѣ мои ученики, а за ними Степанъ Божовой (которому я даю книжки). Онъ уже три раза заходилъ ко мнѣ и не заставалъ дома. Я стала заниматься съ ними; Ивана смутило присутствіе посторонняго лица, онъ позабылъ всѣ звуки, и сидѣлъ красный, какъ ракъ. Степанъ сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ я ихъ учу. Въ свободныя минуты я разговаривала съ нимъ. Онъ принесъ «О церковномъ Богослуженіи», Бѣлюстина. «Эту, говорить, книгу я хотѣлъ бы имѣть всегда при себѣ; особенно хорошо, мнѣ понравилось, псалмы по русски — все понятно». Я отвѣтила ему на это, что всякую книгу нужно читать и думать, согласна-ли она съ Евангеліемъ, т.-е. съ тѣмъ, чему учить насъ Христосъ. Если въ ней есть согласное и противное ученію Христа, то нужно разобрать это и брать изъ нея только согласное съ ученіемъ Христа. Я долго говорила съ нимъ въ этомъ духѣ. Онъ во всемъ со мною согласился. Я, между прочимъ, упомянула, что хотѣла прійти къ нему и прочитатъ «Два старика», но некогда было; ученики подхватили и наперерывъ стали хвалить эту книжку, но больше восклицаніями, что «гарная книжка», чѣмъ какими-либо опредѣленіями. Послѣ ученія опять просили сыграть пѣсенъ. Степанъ тоже присоединился къ нимъ. Я стала играть, но они настаивали, чтобы и пѣла. Я удовлетворила ихъ.

— Вотъ это такъ музыка! — сказалъ Степанъ, вставая. Отъ меня они пошли на сватанье; я тоже хотѣла пойти

съ ними, но было уже 10 часовъ вечера, и я не пошла.

19-го октября. Только-что солнышко зашло, невѣста съ дѣвушками опять пришли просить меня къ себѣ на свадьбу. Меня осаждаютъ просьбами сыграть что-нибудь и онѣ тоже. Я не могу отказывать, и потому всякому играю. Этотъ разъ и онѣ пѣли вмѣстѣ со мною. Потомъ я вмѣстѣ съ ними пошла на свадьбу къ одной. Невѣста должна была еще ходить приглашать, а я съ Оеклою пошла къ ея родителямъ. Меня встрѣтили очень радушно; мнѣ эта семья очень симпатична, и въ особенности жена сына ихъ, на которую я не могу достаточно налюбоваться: какая стройность, грація, энергія, здоровье, веселье! И при этомъ душевная привѣтливость. Когда я пришла, бабы всѣ заняты были стряпнею и вели такіе разговоры, въ которыхъ я не могла принять участія.

Подъ образами былъ накрытъ длинный столъ и на немъ кругомъ разложены паляницы; посреди же стола лежала паляница и въ нея воткнуты «ельцы», украшенные цвѣтами. Немного погодя, вошли два старика; одинъ—отецъ невѣсты, другой—родичъ. Разговоръ пошелъ живѣе. Потомъ вошелъ высокій, сѣдой старикъ—крестный отецъ; передъ нимъ всѣ разступились и дали дорогу. Онъ сѣлъ на самое почетное мѣсто. Я сидѣла около него. Онъ меня не зналъ и обратился къ окружающимъ:

— Кто это такой?

Я сама отвѣтила, кто я.

— А! такъ вотъ кто! мнѣ хвалили, хвалили ее, славная, говорить, дѣвушка,—сказалъ онъ, какъ бы обращаясь въ другимъ, а потомъ повернулся ко мнѣ, да и говорить:—ну, да вѣдь, всѣмъ не угодишь: одному хороша, а другому не хороша.

Кто-то обратился къ нему съ шуткой, что онъ сидитъ между дѣвицей и вдовой. Старикъ-родичъ и говорить:

— Веклѣ треба хозяина, а то некому бить.

— Ні, бить не треба, отъ битья не будетъ толку, ска-
залъ старикъ.

Я обрадовалась и подтвердила:

— Правда, правда, дѣдушка.

— Я на своемъ вѣку много бить бывалъ, да не такъ
бить, какъ теперь бьютъ; бывало, бьютъ, пока всего въ
кровь не обратятъ. О-охъ, времячко жъ было!

Пришла невѣста и тутъ уже началась обрядовая сто-
рона ихъ обычаевъ. Невѣста и другіе молились Богу, она
просила у него и у окружающихъ по очередно благосло-
венія, въ знакъ чего она, положивъ нѣсколько земныхъ
поклоновъ, подходила къ тому изъ окружающихъ, у кого
просила благословенія и цѣловала его и руку. Меня тоже
попросили стать въ числѣ ея родичей и она, подойдя, по-
цѣловала меня и руку мою. Когда кончилась эта церемонія,
начали вечерять, а бабы съ пѣснями лѣпить каравай. По-
вечерявъ, я съ Дуней и Ѳеклой пошла домой. Впечатлѣ-
ніе осталось очень хорошее.

23-го октября. Послѣ вечернихъ занятій, Борисъ сталъ
мнѣ рассказывать, что онъ прочелъ изъ Евангелія, и спра-
шивать о томъ, чего не понялъ. Прошлый годъ, когда онъ
выучился уже читать, я дала ему Евангеліе, но онъ на
другой же день возвратилъ мнѣ его, говоря, что ничего не
понимаетъ. Лѣтомъ онъ пасъ скотину и теперь пасетъ.
Отправляясь въ поле, онъ не забываетъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ
взять за пазуху и книжку. Последнее время онъ бралъ съ
собою Евангеліе отъ Маттея, и вотъ, прочтя нагорную про-
повѣдь, онъ понялъ ее и сталъ вглядываться на себя и
другихъ, сопоставляя свои и чужіе поступки съ ученіемъ
Христа. Меня это чрезвычайно обрадовало; прошлый же годъ
онъ меня огорчилъ нежеланіемъ читать Евангеліе, но я не
настаивала, выжидая, что будетъ дальше. И вотъ сдѣланъ
первый шагъ — онъ сталъ понимать и у него явилось же-
лание читать дивную книгу, и второй — онъ сталъ дѣ-

латъ сопоставленія. Нужно надѣяться, что будетъ и третій шагъ—исполненіе.

24-го октября. Охъ, какъ трудно дается Ивану грамота! Думаешь, думаешь, какъ ему облегчить, и все напрасно: все дѣло въ томъ, что у него совсѣмъ нѣтъ памяти; такъ, напримѣръ, скажешь ему какой-нибудь звукъ, предварительно поупражнявъ его слухъ, и пишеть онъ его, и читаетъ съ нимъ. Сдѣлавъ маленькій перерывъ, спросишь его, что это за звукъ?—не помнитъ. Ему становится совѣстно и онъ совсѣмъ падаетъ духомъ, а мнѣ очень его жалко, потому что у него страстное желаніе выучиться, и я не знаю, выйдетъ-ли толкъ изъ нашихъ занятій, но я стараюсь пріободрять его.

27-го октября. Сегодня въ моей хатѣ очень холодно, не смотря на то, что два раза топили. Я все придумываю какъ бы это удержать тепло, чтобы топливо напрасно не расходовать. Стала я конопатить окна, законопатила, а все вѣтеръ ходитъ по хатѣ. Что за чудо! Прикладываю руку къ стѣнѣ въ одномъ мѣстѣ—дуетъ страшно, въ другомъ—также; и такъ я обследовала всю хату и пришла къ тому, что ничего не подѣлаешь, нужно жить гдѣ Богъ послалъ.

Съ сегодняшняго дня я рѣшила и объявила уже, что по воскресеньямъ вечеромъ я не буду заниматься ни съ кѣмъ, имѣя въ виду употреблять это время на чтеніе книжекъ имъ же. Иванъ пришелъ все же сегодня и я занималась съ нимъ; сегодня онъ лучше читалъ и писалъ, и самъ ужасно радъ: надежда выучиться возвратилась.

28-го октября. Сегодня хлопцы сошлись въ школу въ количествѣ 15 человѣкъ, изъ нихъ 5 человѣкъ новенькихъ. Заниматься мы не могли, потому что школа была не топлена и холодъ такой, что не хочется и руку протянуть.

Передъ вечеромъ смотрю—двое верховыхъ подъѣзжаютъ къ школѣ. — Это племянница Николаевыхъ, которая

въ это время у нихъ гостила, барышня лѣтъ 16-ти, и кучеръ, сопровождающій ее. Она хотѣла застать занятія. Отъ школы они повернули къ моей хатѣ. Я вышла.

— Здравствуйте, Надежда Даниловна, это ваша резиденція?

— Да.

— Ахъ, какъ у васъ хорошо! (все это она говоритъ, не слѣзая съ лошади).

Я говорю—не очень хорошо.

— Отчего-же?

— Попробуйте пожить здѣсь.

— Ахъ, я бы очень хотѣла двѣ недѣли пожить въ вашей хатѣ.

Кучеръ все время улыбался, и ему какъ будто стыдно было, что его заставили бездѣльничать—кататься съ барышней.

Вчера и сегодня я все хожу, да кланяюсь—прошу топлива для школы: у пана чтобы далъ, а старосту—чтобы привезъ. Цѣлый мѣсяцъ просила обить дверь въ школъ и вставить окна, и до сихъ поръ прошу.

И въ этомъ отношеніи глазъ мой всегда уподобляется гласу вопіющаго въ пустынь. На дѣлѣ никто не хочетъ помочь, а на словахъ всѣ готовы сдѣлать. Я начинаю уже сердиться.

29-го октября. Въ классѣ у меня было сегодня 19 человѣкъ. Мы встрѣчаемся уже какъ знакомые; я ихъ знаю, они—меня. И намъ хорошо; только при занятіяхъ я постоянно разбрасываюсь въ ущербъ цѣльности урока. Меня сейчасъ же начинаетъ беспокоить, если я вижу, что ученикъ кончилъ свою работу и сидитъ безъ дѣла. Сегодня одинъ изъ новенькихъ, не зная школьныхъ порядковъ, началъ ѣсть селедку во время занятій. Я сама, можетъ быть, и не замѣтила бы, но смѣхъ другихъ и желаніе уговорить его не дѣлать такого преступнаго дѣла обратили мое вниманіе. Я сказала, что лучше, если бы онъ

подождалъ ѣсть, а то и другихъ соблазняетъ дѣлать то же. Онъ ничего не говоря, молча, согласился со мной и положилъ свои съѣстные припасы обратно въ торбочку.

Придя изъ школы, я сейчасъ же поставила самоваръ и съ наслажденіемъ думала напиться чаю; вдругъ, слышу, кто-то подъѣхалъ къ моей катѣ. Смотрю—учительница изъ сосѣдней слободы. Она сейчасъ же начала восторгаться моею «резиденціей»: «столько поэзіи—кругомъ лѣсъ, хижина, и звуки Бетховена! Это просто рай! Счастливая, говоритъ, вы; живете себѣ въ раю»!.. И все въ такомъ родѣ говорила. Она очень интересуется своимъ дѣломъ, но не альтруистически. На первый планъ ставится—что скажетъ начальство. Снабдила я ее книгами для чтенія, для школьниковъ и для нея. Музыку она очень любитъ, и потому мы занялись пѣніемъ пѣсенъ. Она все повторяла, что я очень счастливая, такъ какъ умѣю играть, и съ помощью инструмента могу учить пѣть. Она уѣхала очень довольная, и на прощаньи сказала, что если бы ея школа была не далѣе 2-хъ верстъ, то она каждый вечеръ приходила бы ко мнѣ со своими учениками. Мнѣ было пріятно, что она получила хорошее впечатлѣніе отъ моей обстановки, жизни и отъ меня самой.

2-го ноября. Я теперь бываю цѣлый день занята обученіемъ. Съ самаго утра до 4 часовъ я занимаюсь въ школѣ, потомъ въ 5 часовъ приходятъ ко мнѣ 2 дѣвочки священника, съ ними занимаюсь до 6 часовъ; потомъ приходятъ вечерніе мои ученики, которые занимаются у меня до 9—10 часовъ вечера, смотря по тому, когда имъ спать захочется. Въ школѣ у меня теперь гораздо тише, чѣмъ было прошлый годъ, такъ какъ большіе теперь не ходятъ, а они-то больше всего и затѣвали разныя шалости и желали ввести старые порядки, бывшіе пять лѣтъ тому назадъ, т.-е. ввести наказанія, безъ которыхъ имъ какъ будто было скучно. Мы всѣ рады, что ихъ нѣтъ съ нами. Сегодня въ младшемъ отдѣленіи читали изъ азбуки Толстого

короткія фразы: «я жду дядю, я тру сѣмя», и т. д. Одинъ изъ мальчиковъ прочиталъ: «я рву дули», а сосѣдъ спросилъ: зачѣмъ? «Зачѣмъ? істи!» — отвѣчалъ читающій. И всѣ послѣдовали его примѣру, и стали спрашивать другъ друга; я только слушала. По окончаніи занятій, они стали спрашивать меня: «когда будемъ пѣть?» Я имъ отвѣчала, что нынѣшній годъ я не думала тратить на это время, такъ какъ прошлый годъ на пѣніе ходили не дружно и не охотно. Но они стали просить, обѣщая не пропускать уроковъ пѣнія. Значить, опять будемъ пѣть; только я затрудняюсь, что мы будемъ пѣть: они любятъ очень духовное пѣніе, а я очень мало его знаю, да и не всѣ тексты этого пѣнія можно имъ уяснить, какъ должно. Когда они меня спрашиваютъ, почему я не даю имъ пѣть нѣкоторыхъ молитвъ, я имъ прямо говорю причину. Они, конечно, молчатъ, но уже не настаиваютъ на своемъ желаніи.

Прочла я рассказы, которые принесъ Осипъ (выигрышъ на ярмаркѣ). Расскажу вкратцѣ ихъ: первый называется «Заколдованный портретъ», рассказъ изъ жизни бѣдняковъ. Художникъ Воронежскій жилъ въ городѣ, но по примѣру другихъ поѣхалъ на дачу и поселился у вдовы кирасира. Онъ былъ пьяница и прѣисполненъ чувствомъ собственного достоинства, особенно, когда денегъ не было, и становился въ это время очень свирѣпымъ. Одинъ богатый мужичекъ пріѣхалъ къ нему съ заказомъ, написать портретъ съ него и съ жены его. Происходить торгъ, во время котораго Воронежскій придирается къ слову «малевать», которое употребляетъ мужичекъ, вмѣсто «написать портретъ». Сторговались за 25 рублей, и Воронежскій получилъ въ задатокъ 10 рублей., на которые сейчасъ же подумывалъ выпить. У него были и краски, и кисти, и палитра, но не было ни полотна, ни бумаги, ни мольберта. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, онъ рѣшилъ нарисовать портретъ на досинныхъ брюкахъ покойнаго кирасира.

Мужичекъ былъ очень доволенъ сходствомъ пор-

третовъ и прибавилъ ему еще 5 р. Когда портретъ былъ готовъ, онъ повѣсилъ его близъ печки. Черезъ нѣкоторое время лица на портретѣ стали принимать неестественное выраженіе и, наконецъ, приблизились другъ къ другу до того, что какъ будто цѣловались. Чета-же была уже въ такомъ возрастѣ, что цѣловаться, да еще на портретѣ, было сущимъ соблазномъ для сосѣдей. Жена прикрыла фартукомъ этотъ портретъ. Потомъ они стали думать, отчего бы это могло случиться, и рѣшили, что Власиха сглазила. Они отправились къ Воронцову и рассказали о случившемся съ портретомъ и о своемъ заключеніи. Онъ сталъ подтверждать ихъ предположеніе. Они стали спрашивать, какъ имъ быть и не можетъ-ли онъ исправить. Онъ согласился за 30 р. и написалъ новые портреты уже на полотнѣ, но не вывелъ ихъ изъ заблужденія.

Второй разсказъ—«Потерянная квартира». Приѣхалъ въ Москву одинъ бѣдный художникъ и никакъ не могъ найти себѣ по вкусу квартиру. Имущество его все заключилось въ маленькомъ чемоданчикѣ, отчего ему было легче перемѣнять квартиру. Москвы онъ совсѣмъ не зналъ. Наконецъ, онъ нашелъ себѣ по вкусу и комнату, и хозяйку. Взявъ ключъ отъ комнаты, онъ нанялъ извозчика и велѣлъ себя привезти къ какому-нибудь трактиру. Въ трактирѣ онъ встрѣтился съ своимъ пріятелемъ, который сталъ спрашивать, гдѣ онъ остановился. Тутъ только онъ спохватился, что не замѣтилъ ни улицы, ни дома, гдѣ оставилъ свой чемоданъ и откуда взялъ ключъ отъ комнаты. Бросился къ извозчику, хотѣлъ его спросить, но онъ уже отъѣхалъ. Пріятель успокоилъ его и обѣщалъ пріютить на одну ночь. Вечеромъ они отправились въ театръ, и возвращаясь домой, Антилоповъ (художникъ), присталъ къ одной дамѣ, предлагая ее проводить, увѣряя при этомъ въ своей честности. Она согласилась и онъ проводилъ ее до самаго дома, гдѣ встрѣтилъ ихъ ея мужъ, который очень любезно принялъ ихъ.

Антилоповъ увидалъ, что у нихъ отдаются комнаты, и захотѣлъ посмотрѣть, намѣреваясь поселиться. Хозяйка спросила, нѣтъ-ли у кого-нибудь ключа, не подойдетъ-ли, а то одинъ господинъ нанялъ комнату, заперъ и взялъ ключъ съ собой, а самъ не является. Антилоповъ далъ ключъ, бывшій у него въ карманѣ, который какъ разъ пришелся, и войдя въ отпертую комнату, онъ былъ удивленъ, увидавъ свой чемоданъ,—хозяева также.

Вотъ весь рассказъ.

Онъ занимаетъ 13 страницъ убористой печати книги средней величины!

Осица очень забавили эти два происшествія и понравились, не смотря на то, что попадалось очень много незнакомыхъ словъ и выраженій, какъ, напримѣръ, «юпитерскій взглядъ», вольтъ и т. п., кромѣ того, много непонятныхъ художественныхъ терминовъ.

(Окончаніе будетъ).

---

* * *

Исхудалыя руки сложили крестомъ,
Погребальныя свѣчи горѣли кругомъ.
На лицѣ мертвеца, истомленномъ борьбой,
Столько муки виднѣлось застывшей, кѣмой.
На подушкѣ изъ свѣжихъ, душистыхъ цвѣтовъ
Онъ лежалъ, неподвиженъ, безгласенъ, суровъ.
Погребальныя свѣчи горѣли кругомъ,
И надъ блѣднымъ, усталымъ, покойнымъ лицомъ
Разливался, мерцая, ихъ трепетный свѣтъ,
И звучалъ надъ нимъ страстный послѣдній привѣтъ...
Тамъ высоко душистыя липы растутъ,
Тамъ сирень и жасминъ, и шиповникъ цвѣтутъ,
Тамъ поетъ соловей, просыпаясь съ зарей,
Гдѣ зароютъ его и засыплютъ землей.
Погребальныя свѣчи горѣли кругомъ
Надъ усталымъ и мертвенно-блѣднымъ лицомъ.
А застывшія думы и прошлые дни
Отражались, казалось, на мертвомъ они,
И страданья и муки послѣднихъ минутъ...
Ни лобзанья, ни слезы ужъ ихъ не вернуть!
И какъ прежде, на небѣ день ясный блестя,ль,
Лѣсъ зеленый, какъ прежде, шумѣлъ и гудѣлъ,
Но опавшіе листья осенней порой
Не воскреснутъ опять, не вернуться съ весной...
Погребальныя свѣчи горѣли кругомъ,
Исхудалыя руки сложили крестомъ...
О, зачѣмъ онъ любилъ, о, зачѣмъ онъ страдалъ,
И боролся, и мыслилъ, и ждалъ, и желалъ?

К.

МИЛЛИОНЕРЪ

Романъ Криспи Муррей.

(Продолженіе).

ХІІ.

Мистеръ Эмили, входя въ подъездъ дома № 158, на Ваверлей-Родъ, гдѣ онъ занималъ комнату, услышалъ какой то странный шумъ въ большой залъ нижняго этажа, находившейся какъ разъ подъ его комнатой. Долетавшіе оттуда звуки показывали, что тамъ происходитъ или шумный пиръ, или же очень оживленный митингъ. Голосовъ двадцать-тридцать орали: «Браво!» или «Слушайте!» и крики сопровождались стучаньемъ ногами и рукоплесканіями. Эмили, съ ключемъ въ рукѣ, остановился, прислушиваясь, и когда шумъ нѣсколько стихъ, онъ разслышалъ голосъ своего хозяина.

— Мистеръ Видлеръ, ваше здоровье, провозгласилъ тотъ.

— Ура! подхватили голоса, сопровождаемые стукомъ кулаковъ по столу.

Жилецъ молча поднялся по лѣстницѣ, видимо не одобрая этихъ шумныхъ изліяній. Войдя въ свою комнату, онъ зажегъ свѣчу, досталъ изъ кармана памятную книжку и сталъ набрасывать въ ней карандашемъ маленькія колонки цифръ. Онъ велъ точнѣйшій счетъ своимъ расходамъ и доходамъ, записывая все до послѣдняго фарсинга. Только-что вернувшись изъ Голлоубея, гдѣ онъ заработалъ изрядную сумму на службѣ у Болсовера Кимберли, онъ составлялъ теперь точный счетъ своей прибыли.

— Получено на билетъ перваго класса въ оба конца три фунта шестнадцать шиллинговъ,—считалъ Эмили, прикладывая къ губамъ кончикъ карандаша.—Заплачено за билетъ третьяго класса

въ оба конца—двадцать шесть шиллинговъ. Экономіи на путевыхъ издержкахъ два фунта десять шиллинговъ. На расходы въ гостинницѣ за двадцать дней получено двадцать одинъ фунтъ. Уплачено по счету двѣнадцать фунтовъ десять шиллинговъ. Экономіи восемь фунтовъ десять шиллинговъ. Отъ Кимберли прибыль хорошая; но общіе выборы случаются не каждый день.... Однако, этотъ проклятый шумъ внизу... Это нестерпимо!

Онъ порывисто позвонилъ и въ тотъ же самый моментъ кто-то громко постучался въ наружную дверь. Должно быть еще новые участники оргіи. Дѣйствительно, приходъ ихъ привѣтствовался новымъ ошутительнымъ крикомъ веселыхъ голосовъ и стукомъ ногами и кулаками.

Эмили былъ возмущенъ. Онъ находилъ непростительнымъ беспокоить человека, который съумѣлъ въ три недѣли съэкономить тридцать четыре фунта два шиллинга.

Немного погодя, вошла хозяйка.

— Васъ спрашиваетъ какой-то джентльменъ, мистеръ Эмили. Вы звонили?

— Звонилъ,—отвѣтилъ онъ.—Нельзя-ли попросить вашихъ гостей, чтобы они обуздали немного свою веселость. Они непозволительно шумятъ. Кто меня спрашиваетъ?

— Сейчасъ увидите, если можно войти,—послышался голосъ за дверьми.

Онъ показался знакомымъ Эмили.

— Войдите,—сказалъ онъ.—Такъ попросите же ихъ поменьше шумѣть,—обратился онъ опять къ хозяйкѣ.

— Попрошу,—отвѣтила она и посторонилась, чтобы пропустить въ комнату мистера Мэддокса.

— Какъ поживаете?—спросилъ онъ, протягивая руку Эмили. —Вы были недавно въ Голлоубѣ. Я слышалъ объ этомъ отъ Райдера.

— Былъ. А вы какъ живете?—коротко проговорилъ Эмили. Мэддоксъ сѣлъ и досталъ трубку.

—Въ моей спальнѣ не курятъ,—сухо замѣтилъ хозяинъ.

— Нѣтъ?—съ удивленіемъ спросилъ гость.—Ну, ничего, я потерплю. Что вы подѣлываете?

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Лондонъ?—спросилъ вмѣсто отвѣта Эмили.

— Я? Да разбогатѣлъ не надолго, такъ и пріѣхалъ. У меня умеръ дядя и оставилъ мнѣ маленькое наслѣдство — пустяки, но все же больше, чѣмъ я могъ бы когда-нибудь заработать репор-

терствомъ. Вотъ я и прїѣхалъ сюда, чтобы попытать свои силы въ литературѣ,—прибавилъ онъ, слегка краснѣя.—У меня много разной трухи, и въ прозѣ, и въ стихахъ, такъ я хочу позаняться, обработать кое-что.

— Такъ вы хорошо сдѣлали, что прїѣхали сюда,—сказалъ Эмили смягченнымъ тономъ.—Вы пріобрѣтете здѣсь стиль, который пріобрѣтается только въ столицѣ. На всѣхъ провинціалахъ лежитъ какая-то печать провинціализма.

— Гмъ! Не знаю,—отвѣтилъ Мэддоксъ, играя своею трубкой.—Что вы такъ вдругъ сбѣжали изъ Голлоубея? Что случилось?

— Я не желаю говорить объ этомъ предметѣ,—сказалъ Эмили.— Одно лицо позорно злоупотребило моимъ довѣріемъ, и я счелъ несообразнымъ съ моимъ достоинствомъ долѣе оставаться тамъ.

— Гмъ! — промычалъ Мэддоксъ.—Я спрашивалъ объ этомъ Райдера, но ничего не узналъ. Онъ говоритъ только, что очень сожалѣть, что это очень печально.

— Весьма вѣроятно, что мистеръ Райдеръ сожалѣть,—сказалъ Эмили.

— Но уже, конечно, не онъ злоупотребилъ вашимъ довѣріемъ; не можетъ быть, чтобы онъ.

— Нѣтъ, я ничего не имѣю противъ мистера Райдера; онъ тутъ не причемъ.

— Я очень радъ это слышать,—вскричалъ младшій репортеръ. Я люблю Райдера; чудесный старикъ!

Эмили ничего не отвѣтилъ и наступила минутная пауза. Ее прервалъ вошедшій хозяинъ квартиры. У него было необыкновенно проницательное лицо, съ черными, обвислыми бакенами и напояженными, прилизанными волосами. Переступивъ порогъ, онъ остановился, вывернувъ ступни ногъ, сблизивъ колѣни и нагнувшись немного туловищемъ впередъ, причемъ руки его свѣсились, словно прицѣпленные на веревкахъ.

— Внизу собралось нѣсколько джентльменовъ, сэръ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Эмили — которые были бы очень польщены вашимъ присутствіемъ среди нихъ.

— Нѣсколько! — фыркнулъ журналистъ.—Судя по шуму, который они производятъ, ихъ должно быть не нѣсколько, а цѣлая орава.

Хозяинъ не обратилъ вниманія на внушеніе и любезно пояснилъ:

— Ихъ двѣ дюжины, сэръ, ровношенько двѣ.

Мистеръ Мэддоксъ выразилъ своими ногами явный восторгъ. Хозяинъ сомнительно поглядѣлъ на него и прибавилъ.

— И этого джентльмена также просимъ, сэръ.— Будемъ очень рады и ему.

— Можно узнать цѣль собранія, сэръ?—спросилъ Мэддоксъ.

— Это маленькій клубъ, сэръ,—пояснилъ хозяинъ, притворивъ за собою дверь и съ самодовольствомъ потирая руки.— Это клубъ отставныхъ служителей, сэръ. Насъ сорокъ членовъ и мы собираемся разъ въ недѣлю у одного изъ насъ поочереди. Сегодня я председательствую и мнѣ будетъ очень пріятно ввести васъ.

Эмили готовъ былъ обидѣться этимъ приглашеніемъ, какъ несообразнымъ съ его достоинствомъ, но тотчасъ одумался и ограничился уклончивымъ отвѣтомъ.

— Мы заняты въ настоящую минуту, мистеръ Уэблингъ,—отвѣтилъ онъ съ достоинствомъ.— Можетъ быть, придемъ позже.

— Благодарю васъ, сэръ,—сказалъ Уэблингъ, наклонивъ еще ниже впередъ свои плечи съ подвѣшенными къ нимъ руками.— Препжній жилецъ этой комнаты всегда бывалъ у насъ. Мы разойдемся не скоро, не раньше, какъ подъ утро.

Съ этими словами онъ вышелъ, а бывший помощникъ Эмили тихо засмѣялся.

— Неужели мы не пойдёмъ?—вскричалъ онъ, когда шаги за дверью стихли.— Неужели упустимъ случай познакомиться поближе съ этою милѣйшею, граціознѣйшею личностью?

И онъ всталъ въ позу Уэблинга, подражая его поклону.

Въ веселости Мэддокса было что-то заразительное, и даже мистеръ Эмили не могъ не засмѣяться.

— Пожалуйста, сойдемте,—просилъ Мэддоксъ;—клубъ] отставныхъ служителей! — Какъ же можно упускать случай увидѣть, такую штуку!

Не много погодя, они сошли въ залу. Комната была невелика и въ ней было уже довольно тѣсно. Но гости любезно потѣснились, чтобы дать мѣсто новоприбывшимъ.

— Джентльмены,—сказалъ Мэддоксъ, тотчасъ же освоившійся съ собраніемъ,—меня считаютъ весьма компетентнымъ въ приготовленіи пунша, и я счелъ бы за удовольствіе приготовить его для васъ.

Мистеръ Уэблингъ съ улыбкой глянулъ на своего сосѣда, тотъ съ улыбкой поглядѣлъ на своего, и улыбка быстро обѣжала всю задѣ.

— Слуга мистера Уэблинга, конечно, принесетъ намъ всѣ необходимые матеріалы, — сказалъ Мэддоксъ, окинувъ все общество веселымъ взглядомъ. — Я напишу на бумажѣ, что нужно.

Онъ вынулъ свою памятную книжку и вырвалъ изъ нея листокъ. Уэблингъ позвалъ слугу и въ комнатѣ поднялся веселый ропотъ.

— Такъ вы говорите, мистеръ Бордлеръ, что они очень бѣдны? — сказалъ какой-то толстякъ, продолжая разговоръ съ сосѣдомъ.

— Отчаянно бѣдны, — отвѣтилъ сосѣдъ, махнулъ рукой. — Милордъ очень радъ былъ-бы найти своимъ дочерямъ богатыхъ жениховъ, но пока подтверждается только одинъ, сынъ покойнаго лорда Монтекюта, да и тотъ бѣдный, потому что покойный папаша его промоталъ все состояніе.

— А вотъ вы и ошибаетесь! — вмѣшался третій гость; — я знаю, что графъ поймалъ теперь жирную дичь. У старшей дочери есть женихъ съ тремя милліонами.

Слово милліоны привлекло къ кучкѣ еще нѣсколько человѣкъ и всѣ вмѣстѣ вдалились въ обстоятельное обсужденіе семейныхъ дѣлъ графа Уиндголя. Для большаго эффекта дозволялись себѣ и преувеличенія, въ родѣ трехъ милліоновъ.

— А говорятъ, что старшая-то дочь красавица, — замѣтилъ одинъ изъ кучки.

— Замѣчательная, — подтвердилъ другой. — Я знавалъ-ея мать. Тоже была очень красивая женщина. Но леди Элла еще лучше.

— Видѣлъ я ее, — вмѣшался мистеръ Бордлеръ. — Признаюсь, она не въ моемъ вкусѣ: слишкомъ деревенская красота. Вотъ леди Эленоръ Карфордъ... Вотъ мой «идіалъ»!

— Ну, что въ ней! — возразилъ другой знатокъ женской красоты. — Блѣдна, какъ свѣчка.

— Такъ и нужно; неземная, «идіалъ».

— Нѣтъ, ужъ безъ румянца что же за красота? Румянецъ — первое дѣло! — возразилъ цѣнитель съ менѣе утонченными вкусами.

— Джентльмены! — провозгласилъ въ это время Мэддоксъ, приготовивъ пуншъ, — я горжусь тѣмъ, что случай привелъ меня въ вашу среду. Самъ я очень скромнаго происхожденія и никогда не былъ близокъ къ титулованнымъ особамъ. Но я признаю, джентльмены, что для англичанина не можетъ быть высшей

чести, какъ знакомство съ лордомъ. Безъ сомнѣнія, вы и самъ сознаете, что вы обязаны въ значительной мѣрѣ утонченностью вашихъ манеръ и вкусовъ, отличающею васъ отъ толпы, тому, что случай поставилъ васъ такъ близко къ титулованнымъ особамъ. Вѣдь, поди-ка, между вами есть и такіе, которые знавали герцоговъ.

— Какъ же? Вотъ Видлеръ служилъ выезднымъ у герцога,—сказалъ мистеръ Бордлеръ.

Мэддоксъ, со стаканомъ въ одной рукѣ и разливательною ложкой въ другой, почтительно склонился въ сторону Видлера.

— И такъ, джентльмены, за здоровье англійской аристократіи!—провозгласилъ онъ.

Тостъ былъ принятъ съ шумнымъ восторгомъ и всѣ выпили свои стаканы, стоя. Затѣмъ пили здоровье Уэблинга, но Мэддоксъ, ожидавшій услышать отъ президента какой-нибудь курьезный спичъ, обманулся. Мистеръ Уэблингъ пробормоталъ что-то непонятное и, поболтавъ свѣщенными руками, сѣлъ на свое мѣсто. Тостъ за Мэддокса вызвалъ застольную пѣсенку въ честь его, пропѣтую хоромъ съ такимъ оглушительнымъ раскатомъ, что изъ всѣхъ дверей высунулись головы жильцовъ дома, съ коллективнымъ протестомъ противъ адскаго шума. Ихъ успокоили увѣреніемъ, что пѣнія больше не будетъ, и вскорѣ послѣ того Эмили съ Мэддоксомъ ушли.

— Я пройду съ немного съ вами, если ночь хороша,—сказалъ первый.—Хочу подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ этой отвратительной табачной вони.

Ночь была чудесная, лунная, и они нѣсколько времени шли молча.

— Кажется, вы не такъ пріятно провели вечеръ, какъ я, въ этомъ миломъ обществѣ,—замѣтилъ, наконецъ, Мэддоксъ.

— Нѣтъ, ничего; только мой умъ занятъ другимъ,—сухо отвѣтилъ Эмили.

— И мой тоже,—сказалъ Мэддоксъ.—Я спрашиваю себя, сталъ-ли бы я держать выезднаго лакея, если бы былъ богачемъ.

— Полагаю, что вы дѣлали бы то же, что и другіе дѣлаютъ,—коротко замѣтилъ Эмили.

— Жить въ чужомъ домѣ, ѣсть чужой хлѣбъ, носить чужое платье и получать жалованье за ничего не дѣланье, не будучи при этомъ обязаннымъ и благодарностью, — это ли не завидная судьба? Укажите мнѣ профессію, болѣе выгодную, чѣмъ профессія выезднаго лакея англійскаго лорда? Я молодецъ, неопытенъ; я

обойду весь свѣтъ, чтобы найти счастливца, равнаго этому счастливцу, и если не найду, то вернусь, и поклонюсь ему, и воспою его въ стихахъ и прозѣ.

— Однако вашъ пуншъ крѣпокъ, мистеръ Мэддоксъ, — замѣтилъ Эмили.

— Это не пуншъ, — возразилъ Мэддоксъ, останавливаясь подъ фонаремъ и глядя на спутника немного посоловѣлыми глазами. — Это умиленіе. Знаете-ли, о комъ они говорили тамъ, въ углу? Знаете-ли вы, кто эта красавица, мать которой знавалъ этотъ толстякъ?

Эмили сдѣлалъ отрицательный жестъ.

— Это леди Элла Сантерры! Представьте же вы себѣ удовольствіе выкормить подобное толстое животное для того, чтобы оно критиковало красоту вашей жены и вашихъ дочерей, судило и рѣдило о вашихъ дѣлахъ и о дѣлахъ вашихъ друзей!

— Какой неожиданный поворотъ! — сказалъ Эмили. — Давно-ли вы угощали ихъ пуншемъ и говорили имъ комплименты?

— Компли... комплименты!..

Мэддоксъ хотѣлъ что-то прибавить, но ограничился тѣмъ, что пристально поглядѣлъ на Эмили и покачалъ головой.

— Прощайте! — прибавилъ онъ торжественнымъ тономъ и протянулъ руку. — Вы не виноваты... Вы такъ созданы.

— Такъ неужели же я не понялъ? — вскричалъ Эмили. — Я шучу; я зналъ, что вы смѣтаете надъ ними.

— Вы меня огорчили, — мрачно сказалъ Мэддоксъ. — Я думалъ, что у меня есть слушатель.

— Онъ и былъ у васъ, — увѣрялъ маленькій журналистъ. — Меня очень забавляло... право! Я не могу пожаловаться, что скучалъ.

Эмили предпочелъ бы быть заподозрѣннымъ въ томъ, что онъ лезаетъ по чужимъ карманамъ, нежели въ томъ, что онъ не понимаетъ шутокъ.

— Оставьте мнѣ вашъ адресъ, — прибавилъ онъ, чтобы переимѣнить разговоръ. — Мы должны видѣться.

Мэддоксъ полѣзъ за карточкой и передъ глазами его спутника сверкнула золотая цѣпочка. Онъ окинулъ своего бывшего помощника пытливымъ взглядомъ и замѣтилъ въ немъ большую переимѣну къ лучшему. Мэддоксъ не только былъ хорошо одѣтъ, но и видъ имѣлъ опрятный, тогда какъ въ Годлоубѣ онъ зачастую ходилъ въ грязномъ бѣльѣ и съ грязными руками.

— Явно, что заведись деньжонки, — размышлялъ Эмили, возвращаясь одинъ домой. — Да при этомъ и не глулъ. А все же

вряд-ли изъ него что-нибудь выйдетъ. Я, напримѣръ, добьюсь своего и безъ его шансовъ, но я желалъ бы имѣть такіе. Много значить имѣть въ рукахъ деньги!... Однако, мнѣ кажется, что я не даромъ убилъ этотъ вечеръ. Правду говоритъ О'Тэнлонъ: «дѣятельный человѣкъ на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ матеріалы для дѣятельности». Этотъ лакейскій клубъ можетъ сдѣлаться для меня золотою жилой. Пари держу, что «Розга» дорого дала бы за репортера, имѣющаго постоянный доступъ на засѣданія подобнаго клуба.

Размышляя такимъ образомъ, онъ дошелъ до двери своего дома и нашелъ Уэблинга еще на ногахъ. Онъ убиралъ и чистилъ залу послѣ гостей.

— Мистеръ Уэблингъ,—сказалъ Эмили, входя въ залу и притворяя за собою дверь съ таинственнымъ видомъ,—вашъ клубъ представляетъ легкую возможность знать все, что дѣлается въ аристократическихъ домахъ.

— О, да, сэръ! Мы сейчасъ же узнаёмъ обо всемъ, что тамъ случается.

— Да?—разсѣянно переспросилъ Эмили.—Я могъ бы указать вамъ, мистеръ Уэблингъ, средство получать весьма значительное приращеніе къ вашему постоянному доходу.

— Не шутя?—вскричалъ хозяинъ.

— Совершенно серьезно. Вы могли бы получать такимъ способомъ лишнихъ пятьдесятъ фунтовъ въ годъ.

— Научите, сэръ!—попросилъ Уэблингъ.

— Теперь поздно; мы поговоримъ объ этомъ завтра, если у васъ будетъ свободный часъ. Желаю вамъ покойной ночи.

Эмили поднялся наверхъ и зажегъ свѣчу.

— Всѣ эти отставные слуги,—продолжалъ онъ размышлять,—видаются со своими прежними товарищами, остающимися при мѣстахъ, и знаютъ черезъ нихъ обо всемъ, что дѣлается въ домѣ. Будь у меня деньги, я завелъ бы свою газету. Двѣ-три легкихъ статьи, повѣсть извѣстнаго автора, а все остальное могло бы наполняться сплетнями изъ фэшенебельнаго міра. Еженедѣльная газета, составляемая по такой системѣ, пошла бы какъ нельзя лучше, самую «Розгу» подрѣзала бы.

Онъ снялъ свои маленькіе башмаки и вперилъ въ нихъ задумчивый взглядъ.

— Да, нужно объ этомъ подумать. Быть можетъ, я и въ самомъ дѣлѣ попалъ на золотую жилу.

Мэддоксъ не лгалъ, говоря Эмили, что онъ разбогатѣлъ, но

богатства его могло хватить ему лишь на годъ, на два, и въ перспективѣ все-таки видѣлась работа для насущнаго хлѣба. Онъ хотѣлъ воспользоваться этими годами, какъ ваканціею, чтобы пожить, узнать людей и попробовать свои силы въ самостоятельномъ трудѣ. Ему удалось познакомиться съ нѣсколькими литераторами, которые ввели его въ два-три клуба, между прочимъ, въ литературный и театральный, и онъ получилъ возможность поближе узнать интимную сторону артистической жизни Лондона. Субботніе обѣды въ этихъ клубахъ были для него праздникомъ, не потому, что они отличались большою роскошью и гастрономическою утонченностью, а потому, что онъ встрѣчалъ на нихъ свѣтилъ сцены и литературы, съ именами которыхъ давно сроднился. Изъ комнаты, которую онъ занималъ въ одной изъ гостинницъ средней руки, часто разносились веселыя пѣсни и звонъ стакановъ; особенное умѣнье Мэддокса готовить горячительныя напитки помогло ему приобрести много друзей, преимущественно между молодыми врачами и неоперившимися адвокатами. Случалось, что пировавшая у него всю ночь компанія отправлялась подъ утро шататься по Странду, гдѣ выслушивала добродушныя предостереженія полисменовъ, которые и сами тоже люди, и не прочь потянуть иногда изъ дорожной фляги виски, гдѣ-нибудь въ укромномъ закоулкѣ.

Это не мѣшало Мэддоксу иногда по цѣлымъ днямъ работать въ британскомъ музеѣ, или по цѣлымъ ночамъ писать какую-нибудь драму, поэму или критическій очеркъ, такъ какъ онъ любилъ всѣ роды литературы и пробовалъ себя во всѣхъ. Онъ встрѣчался иногда съ Эмили, который съ безмолвнымъ презрѣніемъ выслушивалъ рассказы объ его кутежахъ. Эмили ни разу не кутнулъ во всю свою жизнь, и не могъ сочувствовать кутиламъ. По его мнѣнію, человѣкъ былъ созданъ только для того, чтобы прокладывать себѣ карьеру. Но не нравственное чувство возставало въ немъ противъ безумныхъ увлеченій молодости (хотя онъ и полагалъ, что это такъ), а то, что принято называть «порядочностью», хотя, по странному противорѣчію, эта порядочность уживается иногда съ полнымъ отсутствіемъ всякихъ благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ.

Какъ лондонскій журналистъ, Эмили глядѣлъ на своего бывшаго помощника нѣсколько свысока и снисходительно училъ его уму-разуму.

— Лондонъ придаетъ человѣку стиль, котораго никогда не приобретешь въ провинціи,—говорилъ онъ ему.—Вы должны порабо-

тать въ Лондонѣ, чтобы проложить себѣ дорогу. Надѣюсь, вы что-нибудь дѣлаете.

— Я былъ вчера вечеромъ на лекціи Тиндала, — отвѣчалъ Мэддоксъ съ провинившимся видомъ. — Онъ показывалъ намъ, между прочимъ, какъ готовить поверхность, которая днемъ поглощала бы свѣтъ, а ночью издавала бы его.

— А! — проговорилъ Эмили. — А какъ вы полагаете, скоро-ли для вашей-то поверхности наступитъ свѣто-испускательная ночь?

— Нужно, чтобы стало очень темно для того, чтобы я испустилъ свѣтъ, — хохоча отвѣчалъ Мэддоксъ. Впрочемъ, вы напрасно думаете, что я ничего не дѣлаю. Я хожу, гляжу, прислушиваюсь, наблюдаю. Одного чтенія мало, книга только подготавливаетъ къ знанію жизни, учить, съ которой стороны подходить къ вещамъ, и какъ ихъ понимать. Книга это — азбука; настоящая же наука — жизнь.

— А вы много читали? — спросилъ Эмили не безъ оттѣнка зависти. — Что вы читали?

— Да все, кромѣ богословія, точныхъ наукъ и юриспруденціи, — отвѣтилъ тотъ. — Мои любимые роды литературы — это поэзія, драма, романъ, исторія, путешествія и критика.

— А существуетъ-ли способъ изучить англійскую литературу въ сокращеніи? — спросилъ маленький журналистъ.

— Нѣтъ, кажется, — отвѣчалъ Мэддоксъ.

— Предположимъ, что очень занятой человѣкъ пожелалъ бы имѣть экстрактъ изъ англійской поэзіи, нѣчто въ родѣ Либиховскаго экстракта. Въдѣ, должны же быть такія руководства, которыя позволяютъ ознакомиться со всею литературой, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета. Укажите мнѣ какое-нибудь.

Мэддоксъ назвалъ хрестоматію Лэя Гента, отличающуюся весьма удачнымъ выборомъ образцовъ англійской поэзіи.

Эмили тотчасъ вынулъ свою памятную книжку и записалъ заглавіе книги.

— Лэй, — повторилъ онъ дѣловымъ тономъ; — Лэй, — какъ пишется это имя? Я никогда не слыхалъ его.

Мэддоксъ объяснилъ, выпучивъ на него глаза.

Эмили не преминулъ купить указанную хрестоматію и досконально изучить ее, и нужно было слышать, какъ остроумно и мѣтко сыпалъ онъ цитатами изъ Мильтона, Флетчера, Томаса Броуна и другихъ. Мэддоксъ, когда случалось, что они ссорились, находилъ злое удовольствіе сбивать его, заставляя путаться и явно обнаруживать единственный источникъ, по которому онъ

познакомился съ тѣмъ или другимъ классическимъ писателемъ. Но что случилось бы съ текущею журналистикой, если бы литературная ученость, которою она блещетъ, могла почерпаться только изъ книгъ, прочитанныхъ самими авторами журнальных статей!

Разъ, когда молодые люди завтракали въ литературномъ ресторанѣ, къ ихъ столу подсѣлъ Гарфордъ, знаменитый критикъ и сатирикъ, убивающій врага однимъ словомъ, но сама вѣжливость и доброта съ людьми безвѣстными и въ особенности съ молодежью. Онъ вступилъ въ разговоръ съ молодыми людьми, и простота его обращенія сразу привлекла къ нему сердце увлекающагося Мэддокса. Онъ не замедлилъ выразить ему свои чувства со свойственною ему прямолинейностью.

— Говорятъ о литературной республикѣ, — сказалъ онъ: — ей Богу, это настоящая республика! Вотъ вы, напримѣръ: вы — оксфордскій студентъ, стариннаго рода, служили въ арміи, а мой отецъ былъ зеленщикъ и продавалъ капусту. Но въ великой арміи литературы мы съ вами равны, хотя вы уже капитанъ, а я еще только простой солдатъ.

Гарфордъ улыбнулся на это простодушное замѣчаніе, но потомъ, когда молодые люди остались одни, Эмили сдѣлалъ выговоръ своему пріятелю.

— Признаюсь, я ни съ кѣмъ не сталъ бы пускаться въ такія откровенности, — сказалъ онъ.

— Да, пожалуй, это было не совсѣмъ ловко, — сознался молодой человѣкъ.

— Какое ему дѣло до того, что вашъ отецъ былъ зеленщикъ? Какая надобность всѣмъ говорить это?

— О! этого-то я нисколько не стыжусь, — вскричалъ Мэддоксъ. — А неловко то, что я какъ будто предполагалъ, что Гарфордъ можетъ придавать этому какое-нибудь значеніе.

Вообще эти двое молодыхъ людей совсѣмъ не были созданы понимать другъ друга; но они встрѣчались, бесѣдовали, случалось, что вмѣстѣ завтракали или гуляли.

Черезъ нѣсколько времени, Эмили началъ замѣчать, что пріятель его уже не имѣетъ такого приличнаго вида, какъ въ первое время своего проживанія въ Лондонѣ, а начинаетъ все болѣе и болѣе напоминать своею внѣшностью былые, голлоубэйскіе дни. Платье на немъ было старое, сапоги нечищенные; видимые кусочки бѣлья были непозволительно желты. Но онъ былъ веселъ,

какъ всегда; и въ общемъ настроеніи его духа не замѣчалось никакой перемѣны.

— Что съ вами? Дѣла что-ли плохи?—спросилъ его однажды Эмили, съ легкимъ оттѣнкомъ пренебреженія.

— Нѣтъ, ничего. Зайдемте выпить. Я сейчасъ размѣняю чекъ и могу угостить.

— Сберегите одинъ пени на ваксу,—замѣтилъ ему Эмили.

Мэддоксъ вытаращилъ на него глаза, потомъ взглянулъ на свои сапоги и расхохотался.

— Вы говорили мнѣ нѣсколько времени тому назадъ, что получили наслѣдство,—продолжалъ Эмили.—Или вы уже успѣли спустить его?

— Спустилъ,—отвѣчалъ Мэддоксъ съ комично-виноватымъ видомъ. Ушло, почти все ушло. Должно быть, въ наказаніе за мою многосторонность. Знали вы Воулера? Нѣтъ? Славный малый, этотъ Воулеръ! Цивилизованный христіанинъ! Онъ увѣхалъ въ Америку, или куда-то, и увезъ большую часть моихъ денегъ.

— Что это за Воулеръ? Кто онъ такой?—спросилъ Эмили, скорѣе съ презрѣніемъ, чѣмъ съ участіемъ.

— Издатель и редакторъ «Сіонской Горы». Образцовое, скажу вамъ, изданіе; полное Воулеромъ, а Воулеръ — лучший человѣкъ въ мірѣ.

— Прекрасно, но объясните же, какъ деньги-то ваши къ нему попали?

— Да очень просто: мы часто встрѣчались съ нимъ, то въ британскомъ музеѣ, то въ другихъ мѣстахъ, и кончилось тѣмъ, что въ нѣкоторомъ родѣ подружились. Разъ онъ зазвалъ меня въ свою редакцію, показалъ мнѣ свои книги, рассказалъ, какъ онъ служитъ Богу и человѣчеству, и какіе получаетъ отъ этого барыши; потомъ не разъ опять возвращался къ этому предмету, и кончилось тѣмъ, что я, какъ патентованный дуракъ, вступилъ съ нимъ въ компанію и отдалъ ему почти всѣ свои деньги; а теперь, сэръ, и Воулеръ исчезъ, и «Сіонская Гора» исчезла, и мои полторы тысячи фунтовъ исчезли. Въ первую минуту мнѣ это показалось солоно, но потомъ я нашелъ, что большой бѣды въ этомъ нѣтъ; у меня остается еще два—три фунта стерлинговъ, да масса изготовленной работы, часть которой уже принята. Пожалуй, это даже къ лучшему: я серьезнѣе примусь за дѣло. Вѣдь, рано или поздно, все равно нужно было бы приняться, такъ уже лучше раньше.

Эмили пожалъ плечами и немного помолчалъ.

— Если такъ,—сказалъ онъ потомъ,—то для васъ, я думаю, было бы теперь кстати получить постоянную работу.

— Само собою разумѣется, — отвѣчалъ тотъ.—Этого-то я и ищу.

— Быть можетъ, мнѣ удастся впоследствии доставить вамъ нѣкоторый заработокъ. Извѣщайте меня о перемѣнѣ вашего адреса, а пока прощайте.

И маленькій журналистъ величественно отошелъ.

— У глупцовъ деньги не держатся, — самодовольно размышлялъ онъ, идя своею дорогой.—Однако, это кстати... Этотъ молодой человекъ не глупъ, и литераторы находятъ его талантливымъ. Онъ будетъ приобрѣтеніемъ для редакціи, да притомъ же и платить ему можно немного.

Чтобы понять эти загадочныя размышленія, нужно сказать, что мистеръ Эмили сдѣлалъ въ это время значительный шагъ впередъ на своемъ жизненномъ поприщѣ; но для объясненія этого необходимо вернуться нѣсколько назадъ, что мы и сдѣлаемъ въ одной изъ нижеслѣдующихъ главъ.

XIII.

Вскорѣ у Больсовера Кимберли, несмотря на всю его скромность и невысокое мнѣніе о себѣ, не осталось никакого сомнѣнія на счетъ того, что благородный другъ его, графъ Уиндголь, прочитъ за него одну изъ своихъ дочерей. Но эта увѣренность только увеличивала страданія бѣднаго миллионера. Быть такъ близко къ пламенно желаемой цѣли и не смѣть протянуть къ ней руку—это такое страданіе, хуже котораго врядъ-ли что-нибудь можетъ быть.

Въ сущности, Больсоверъ не былъ такимъ ничтожествомъ, какимъ онъ считалъ себя; онъ и самъ не подозревалъ, какіе хорошіе инстинкты были вложены въ него природой; но несомнѣнно, что характеръ у него былъ слабый.

Теперь онъ былъ не только миллионеромъ, но и членомъ парламента. Уроки Лочлевена Кэмерона и книга «О правильномъ произношеніи англійскихъ словъ» успѣли уже принести ему настолько пользы, что рѣчь его не отзывалась болѣе простонароднымъ жаргономъ и манеры пришли въ большее соотвѣтствіе съ миллионнымъ состояніемъ.

Онъ сознавалъ это, и сознаніе это придавало ему нѣкоторую самоувѣренность. Но съ другой стороны, онъ слишкомъ хорошо сознавалъ и свои недочеты. Что онъ такое самъ по себѣ, безъ

своихъ денегъ?—Ничто. Образованія онъ не получилъ никакого, не смотря на то, что провелъ семь лѣтъ своей жизни въ голубомъ фракѣ съ длинными фалдами и въ чулкахъ канареечнаго цвѣта; наружность его крайне незначительна. Все это онъ сознавалъ, не сознавалъ только одного: того, что онъ поразительно нелѣпо одѣвается.

Но какъ бы то ни было, а Кимберли былъ влюбленъ, и какъ ни мало у него было данныхъ для того, чтобы быть интереснымъ героемъ романа, однако, романъ у него былъ, и даже, какъ мы увидимъ, очень романическій.

Разговоры въ курительной и въ буфетѣ палаты общинъ вскорѣ открыли ему много вещей, которыхъ онъ не зналъ, и, между прочимъ, ознакомили его съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ графа Уиндголя. Кимберли узналъ, что благородный другъ и сосѣдь его по уши запутанъ въ долгахъ, что домъ его въ Портменъ-скверѣ заложенъ и перезаложенъ, Шольдершотское помѣстье также, а вѣковые деревья шольдершотскаго парка обречены вскорѣ пасть подъ ударами топора. Изъ всего этого Кимберли ясно понялъ, что ему стоило бы только предложить милрду скупить всѣ его векселя, чтобы приобрести право на его вѣчную признательность. А онъ легко могъ бы сдѣлать это; самая незначительная часть его состоянія могла бы покрыть всѣ долги графа.

Кимберли сильно подмывало на эту мѣру, хотя онъ не смѣлъ еще и помышлять о предложеніи руки леди Элмъ. Онъ только смутно сознавалъ, что подобная услуга ея отцу откроетъ ему путь къ цѣли. Долго обдумывалъ онъ свой планъ, пока, наконецъ, къ мистеру Бэджу не полетѣла телеграмма, приглашавшая этого джентльмена немедленно пріѣхать въ Лондонъ.

Въ это время Кимберли жилъ уже въ роскошно меблированной квартирѣ, гдѣ все блестѣло новизной и въ то же время отличалось хорошимъ вкусомъ; Кимберли, не полагаясь на свой собственный вкусъ, предоставилъ убрать квартиру артисту-декоратору. Мистеръ Бэджъ, пріѣхавъ въ этотъ дворецъ, засталъ хозяина въ персидскомъ халатѣ, подпоясанномъ краснымъ шелковымъ шнуркомъ, и въ какой-то нелѣпой ермолкѣ, съ вышитыми на ней чертенятами, лихо сдвинутой на бокъ. Взволнованный видъ Кимберли и его холодная, потная рука внушили адвокату подозрѣніе, что кліентъ его успѣлъ уже впутаться въ денежные затрудненія: «Вотъ, дай дураку денегъ!.. подумалъ онъ,—а уловки,

къ которымъ тотъ прибѣгалъ, чтобы отсрочить неизбежное объясненіе, еще болѣе укрѣпили его въ этомъ подозрѣніи.

— Ну-съ, мистеръ Кимберли,—сказалъ онъ, наконецъ,—не перейти-ли намъ къ дѣламъ?

— Да! скажите мнѣ, пожалуйста, мистеръ Бэдждъ, вѣдь, вы повѣренный лорда Уиндголя, такъ же, какъ и мой?

— Да,—отвѣтилъ адвокатъ, тотчасъ перемѣнивъ свою первую догадку на другую.—Вотъ оно куда пошло!—подумалъ онъ.

— Мнѣ говорили, будто графъ Уиндголь сильно запутанъ въ долгахъ,—продолжалъ Кимберли, играя костянымъ ножомъ и краснѣя, какъ ракъ.

— Къ несчастію, это правда,—отвѣтилъ адвокатъ;—но о комъ теперь не говорятъ того же самого?

— Мнѣ хотѣлось бы знать, какъ великъ его долгъ и кто его кредиторы,—допрашивалъ милліонеръ, не обративъ вниманія на дополнительную часть отвѣта Бэджа.

— А!—произнесъ тотъ, слегка придохнувъ на междометіи. Онъ вынулъ свое золотое пенснэ, надѣлъ его на носъ и посмотрѣлъ на своего кліента.—Можно узнать, почему это васъ интересуетъ?

Кимберли съ минуту помолчалъ, ёжась въ своемъ креслѣ подъ пытливымъ взглядомъ адвоката, а потомъ вдругъ выпалилъ:

— Я хочу скупить его векселя.

— А!—придохнулъ опять мистеръ Бэдждъ и, сбросивъ пенснэ, углубился въ свое кресло и соединилъ кончики пальцевъ обѣихъ рукъ. Этимъ вы приобрѣли бы большую власть надъ милордомъ,—сказалъ онъ послѣ довольно продолжительной паузы.

— О, я не для этого!—вскричалъ милліонеръ,—совсѣмъ не для этого! Я такъ, по дружбѣ, увѣряю васъ.

— Вы имѣете въ виду выгоду?

— Мистеръ Бэдждъ,—сказалъ Кимберли поднявъ глаза и тотчасъ же снова опутивъ ихъ,—я долженъ васъ просить не допрашивать меня.

— При всемъ моемъ желаніи помѣшать выполненію вашего плана,—въ раздумьи отвѣтилъ Бэдждъ,—я не въ силахъ это сдѣлать. Но такъ какъ я уже много лѣтъ пользуюсь исключительнымъ довѣріемъ графа Уиндголя, то считаю долгомъ предупредить васъ, что мнѣ было бы крайне непріятно даже косвенно содѣйствовать чему-нибудь такому, что имѣло бы характеръ угрозы или давленія по отношенію къ нему. Я не претендую

на ваше довѣріе, если вы не расположены оказывать его мнѣ, но признаюсь, что для меня было бы очень желательно узнать ваши цѣли въ данномъ случаѣ. Насколько это важно для меня, вы можете судить уже потому, что я рѣшаюсь перечить вамъ, рискуя потерять въ васъ выгоднаго кліента.

— Это только увеличиваетъ мое уваженіе къ вамъ, сэръ,—отвѣтилъ Кимберли.—Но, право, я безъ всякаго злаго умысла. Сохрани меня Богъ желать зла милорду, даже если бы онъ не согласился...

Онъ оборвалъ фразу, смутился и, сдернувъ съ головы свою нелѣпую ермолку, запустилъ пальцы въ волосы.

— Въ такомъ случаѣ, мистеръ Кимберли, я обязанъ предупредить васъ, что на ваше предпріятіе потребуется не мало денегъ, весьма не мало,—замѣтилъ адвокатъ, вдругъ переимѣнивъ тонъ на конфиденціальный.

— Но у меня, я думаю, хватитъ ихъ,—сказалъ Кимберли въ просительнымъ тономъ.

Адвокатъ засмѣялся.

— У васъ-то? О, да, это васъ не раззорить. Однако, все же вамъ не мѣшало бы помнить, что у всякаго мѣшка есть дно, даже если въ мѣшкѣ содержится свыше милліона. Мнѣ случилось видѣть на моемъ вѣку, такое же состояніе, какъ ваше, промотаннымъ до чиста, такъ что бывшій владѣлецъ его умеръ нищимъ. Какъ это ни странно, но это фактъ изъ моего личнаго опыта.

— Во сколько это мнѣ обойдется?—спросилъ Болъсоверъ.

— Прежде, чѣмъ отвѣчать, позвольте мнѣ самому сдѣлать вамъ одинъ вопросъ,—сказалъ адвокатъ.—Можете-ли вы положительно обѣщать мнѣ, что если я буду дѣйствовать за васъ въ этомъ случаѣ, то вы позволите мнѣ вести это дѣло до конца, и никакимъ образомъ,—и никакимъ, мистеръ Кимберли,—не станете оказывать давленія на лорда Уиндголя по поводу этихъ обязательствъ безъ моего вѣдома?

— О, да, общаю вамъ это.

— Мнѣ кажется, что дѣла милорда извѣстны мнѣ вполне,—сказалъ Бэдждъ, помолчавъ.—Онъ такъ думалъ, но ошибался.—Общая сумма его долговыхъ обязательствъ простирается до девяноста тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Имѣніе его не приноситъ и семи тысячъ фунтовъ дохода, а почти двѣ трети этой суммы нужны на уплату однихъ процентовъ кредиторамъ. По нѣкоторымъ изъ векселей истекли сроки и кредиторы требуютъ

уплаты, а деньги теперь дороги, и я могъ бы ихъ достать для милорда лишь за очень тяжелые проценты. Притомъ, же въ публикѣ ходятъ слухи, что онъ близокъ къ банкротству. Это неправда, но такіе слухи не могутъ не подрывать его кредита у людей денежныхъ. Чтобы извернуться, намъ ничего болѣе не остается, какъ продать лѣсъ изъ шольдершотскаго парка, но я былъ бы очень радъ, если бы явилась возможность избѣжать этого.

— Такъ вы возьмете на себя трудъ скупить эти векселя и перевести ихъ на меня?—спросилъ миллионеръ.

— По тому же проценту?—освѣдомился адвокатъ.

— Конечно. Вы скажете милорду, что лѣса вырубать не нужно, но обо мнѣ, пожалуйста, ни полъ-слова. Прошу васъ скупить и перевести на меня и всѣ другіе векселя милорда.

— Лучше бы вы дали мнѣ письменныя инструкціи на этотъ счетъ,—сказалъ адвокатъ.

Кимберли положилъ передъ нимъ бумагу, чернила и перо, и Бэдждъ написалъ формальный документъ, подъ которымъ кліентъ его подписался.

— Теперь вотъ что еще, мистеръ Кимберли,—сказалъ адвокатъ, положивъ письмо въ свой бумажникъ; въ случаѣ, если бы графъ Уиндголь не изъявилъ согласія... нѣтъ, не такъ: въ случаѣ, если бы вы пожелали вынуть деньги, помѣщенные вами предполагаемымъ образомъ, то, согласно вашему обѣщанію, вы не станете оказывать давленія на милорда...

— Никогда,—горячо сказалъ Больсверъ.

— Неблагодарнымъ этого помѣщенія нельзя назвать, но съ чисто дѣловой точки зрѣнія, я не посоветовалъ бы его. Предположимъ, что вамъ явится желаніе дать почувствовать милорду, какъ онъ вамъ обязанъ...

— О, сэръ! какъ это можно!—вскричалъ Кимберли обиженнымъ тономъ.

Повидимому, для робости есть граница, перейдя которую человѣкъ становится смѣлымъ. Больсверъ достигъ этой границы и вдругъ почувствовалъ приливъ храбрости.

— Мистеръ Бэдждъ,—началъ онъ, и адвокатъ инстинктомъ угадалъ, что онъ собирается открыть ему свою тайну;—вамъ извѣстно, чѣмъ я былъ, прежде чѣмъ разбогатѣлъ: простымъ клеркомъ, получавшимъ тридцать пять шиллинговъ въ недѣлю. Но уже и тогда,—голосъ его упалъ, сердце стучало и даже на рукахъ выступилъ потъ,—уже и въ тогдашней моей скромной долѣ у меня

завелась сердечная привязанность. Это было смѣшно, глупо, но вѣдь, я ни на что не надѣялся... Гдѣ ужъ! Я и думать-то не смѣлъ. Но сердце... что подѣлаешь съ сердцемъ?

Кимберли забылъ въ эту минуту и уроки Кэмерона, и «Руководство въ хорошемъ тонѣ».

— Да и кому же,—продолжалъ онъ,—отъ этого могъ быть какой-нибудь вредъ? Страдалъ одинъ я... Предметомъ моихъ была знатная леди, съ которою я никогда въ жизни ни слова не говорилъ, да не могъ и думать, что буду когда-нибудь говорить. А все же я былъ счастливъ этимъ чувствомъ. Я знаю, что самъ по себѣ я ничто,—сознавался бѣдный, маленькій Кимберли,—и, однако, я чувствую, что я сталъ лучше съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ ее. Теперь, когда я сталъ богачемъ, отецъ этой леди пригласилъ меня бывать у нихъ, и я бываю. Но я не сталъ отъ этого счастливѣе; я вижу, какая разница между мною и ею,—о! я вижу это еще лучше прежняго. Но они очень бѣдны для своего званія, а у меня денегъ куры не клюютъ, такъ вотъ мнѣ и хотѣлось бы имѣть эти векселя, чтобы въ случаѣ—я могъ бы предложить ихъ въ видѣ брачнаго подарка. Впрочемъ, я хочу сказать милорду, что, какъ бы онъ ни рѣшилъ, это ничего не перемѣнитъ въ моихъ чувствахъ и намѣреніяхъ.

Въ этомъ признаніи, при всей его безцвѣтности и безсвязности, было нѣчто трогательное.

— Ваши намѣренія дѣлаютъ вамъ честь, мистеръ Кимберли,—сказалъ адвокат послѣ небольшой паузы, поглядѣвъ на маленькаго миллионера, который снова весь стѣжился и понурился.—Но если милордъ не будетъ согласенъ на этотъ союзъ, то онъ не можетъ принять и дара вашего.

— Тогда я сожгу векселя!—вскричалъ Кимберли торжествующимъ тономъ.

— Онъ все-таки пожелаетъ уплатить вамъ этотъ долгъ,—сказалъ Бэдъ, подавляя улыбку.

— Нѣтъ такого закона, который принуждалъ бы брать деньги,—возразилъ миллионеръ.

— Совершенно вѣрно, мистеръ Кимберли,—согласился адвокатъ, широко улыбаясь.—Законы издаются только такіе, въ которыхъ имѣется надобность, а я еще не знавалъ случая, чтобы нужно было принуждать кого-нибудь принять деньги. Ужъ вамъ придется съ лордомъ Уиндголемъ рѣшать этотъ щекотливый вопросъ между собою.

Мистеръ Бэдъ умолкъ и задумался.

— Однако,—размышлялъ онъ, въ немъ произошла замѣтная перемена къ лучшему. Зачѣмъ мнѣ обезкураживать его? Малый онъ хорошій, притомъ же членъ парламента и богачъ. Положимъ, что леди Элла Сантерръ все таки не пара ему; но будь у меня дочь, я назвалъ бы ее душой, если бы она отказала такому жениху.

— Такъ вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ прошу, мистеръ Бэдждъ?—спросилъ Большоверъ.

— Пожалуй, можно,—отвѣтилъ адвокатъ.—Вы хотите, чтобы я устроилъ это поскорѣе?

— О, да, какъ можно скорѣе.

— Такъ я могу успокоить графа на счетъ дѣла?

— Да, да. Скажите, что вамъ удалось найти человѣка, который согласился перевести на тебя векселя на прежнихъ условіяхъ. Не упоминайте только пока моего имени, прошу васъ,—сказалъ Кимберли и, немного погодя, адвокатъ простился и ушелъ.

— Очень романтическая исторія,—размышлялъ онъ дорогой,—хотя наружностью этотъ Кимберли совсѣмъ не похожъ на героя романа. Что-то отвѣтитъ милордъ на его предложеніе? Очень любопытно знать. Впрочемъ, онъ такъ долго барахтается въ затрудненіяхъ, что, я думаю, радъ будетъ всякой рукѣ, которая вытащитъ его изъ нихъ. Однако, мой маленький миллионеръ любить дѣлать дѣло широко. Еще десятокъ такихъ привязанностей,—и онъ перестанетъ быть миллионеромъ.

При этой мысли Бэдждъ засмѣялся. Такіе субъекты, какъ Кимберли, встрѣчаются не часто, поэтому не мудрено, что мысль о немъ цѣлый день не выходила изъ головы его повѣреннаго.

Переводъ векселей совершился безъ всякихъ затрудненій и Бэдждъ не замедлилъ извѣстить графа объ удачной сдѣлкѣ. Тому и въ голову не пришло спросить, кто оказалъ ему эту услугу и спасъ его прадѣдовскій паркъ. Устройство этого дѣла стоило мистеру Бэджду не мало хлопотъ, не принесшихъ его фирмѣ никакой выгоды; но феодальное чувство еще живо въ Англіи, даже среди юристовъ, и фирма Бэдждъ, Баттеръ и Бэггъ охотнѣе согласилась бы не зарабатывать ни одного пенни веденіемъ дѣла графа Уиндогля, чѣмъ потерять такого кліента. Онъ зналъ это, гордился этимъ и нельзя сказать, чтобы не былъ благодаренъ фирмѣ.

Между тѣмъ, Кимберли медлилъ выполненіемъ своего плана даже послѣ того, какъ путь къ нему былъ расчищенъ. Онъ перѣхалъ въ одинъ изъ своихъ домовъ въ Голлоубѣ и часто бывалъ въ Шольдершотъ-Кэстлѣ. Застѣнчивость его еще не про-

шла, но онъ начиналъ привыкать къ своему новому положенію и не тяготился имъ такъ, какъ прежде. Моль продолжала порхать около свѣчи и цѣль этого порханія была для всѣхъ такъ очевидна, что въ городѣ вслухъ заговорили о видахъ миллионера на вторую дочь графа Уиндголя, и о явномъ поощреніи, которое встрѣчаютъ эти виды со стороны ея отца.

Владѣлецъ Шольдершотъ-Кэстли наслаждался въ это время давно неиспытаннымъ чувствомъ успокоенія. Его перестало мучить сознаніе низости своихъ плановъ на Кимберли,—перестало частью оттого, что это чувство притуилось въ немъ, а частью также оттого, что онъ давно привыкъ пренебрегать чужимъ мнѣніемъ. Но, главное, онъ совсѣмъ искренно находилъ въ Больсоверѣ перемѣну къ лучшему, и жертва, которую онъ ждалъ отъ своей дочери, перестала теперь казаться ему такою тяжелою, какою казалась прежде. Лѣсъ его остался на корню, позоръ открытаго банкротства былъ избѣгнутъ и, къ удивленію его, кредиторы какъ будто сговорились оставлять его въ покоѣ. Впрочемъ, милордъ не обманывалъ себя на этотъ счетъ: онъ хорошо зналъ, что за этими безмятежными днями начнутся бури, если дочь его откажетъ предполагаемому жениху и всѣ узнаютъ объ этомъ. Нечего было и разсчитывать, что кредиторы вѣчно будутъ ждать, но Уиндголь все-таки наслаждался данною ему передышкой.

Всякій разъ, когда Кимберли пріѣзжалъ въ замокъ, владѣлецъ его находился между тайнымъ страхомъ и надеждой, ожидая, что тотъ заговорить. И миллионеръ дѣйствительно всякій разъ ѣхалъ съ намѣреніемъ «поговорить», и всякій разъ точно что то связывало ему языкъ. Онъ уже полтора года былъ миллионеромъ и девять мѣсяцевъ членомъ палаты, когда собралъ, наконецъ, достаточно мужества для страшнаго шага.

— Милордъ,—началъ онъ, сидя съ графомъ въ его кабинетѣ, при запертыхъ дверяхъ,—мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

Никто не знаетъ, какую агонію страха, надежды и отчаянія пережилъ бѣдный Кимберли прежде, чѣмъ были произнесены эти роковыя слова, и въ какомъ вихрѣ закружилась его голова съ той минуты, какъ они были произнесены.

— Быть можетъ, я угадываю, о какомъ,—замѣтилъ милордъ, также не совсѣмъ спокойнымъ тономъ.

Къ удивленію его, Кимберли запустилъ руку въ карманъ своего сюртука и вытащилъ оттуда пачку дѣловыхъ бумажъ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко и руки его такъ дрожали, что

подкладка кармана вывернулась и онъ никакъ не могъ вернуть ее обратно.

— Милордъ,—сказалъ онъ,—прежде, чѣмъ я буду продолжать примите отъ меня, пожалуйста, эти бумаги.

Уиндголь взялъ ихъ и повертѣлъ въ рукахъ, съ перваго же взгляда понявъ, что это за бумаги.

— Я... я не совсѣмъ понимаю, въ чемъ дѣло, Кимберли,—отвѣчалъ онъ, озадаченный такимъ страннымъ вступленіемъ къ ожидаемому объясненію.

— Пожалуйста, возьмите ихъ, милордъ!—проговорилъ Кимберли дрожащимъ голосомъ, наклонивъ свое поблѣднѣвшее лицо.— Это мои бумаги и я хочу, чтобы вы взяли ихъ, а не то я ихъ сожгу, что бы тамъ потомъ ни случилось. Я хочу сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, милордъ, отъ котораго будетъ зависѣть счастье моей жизни. Только прежде возьмите бумаги. Это нужно для того, чтобы вы чувствовали себя совершенно свободнымъ, милордъ, и могли сказать «да» или «нѣтъ» по собственному усмотрѣнію.

— Не понимаю,—сказалъ Уиндголь.—Я, правда, человѣкъ небогатый, однако, надѣюсь, вы не такого низкаго мнѣнія обо мнѣ, чтобы пытаться подкупить меня для какой-то цѣли,—прибавилъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ.

— О, нѣтъ, милордъ,—вскричалъ Кимберли;—я не хочу подкупать васъ; оттого я и прошу взять отъ меня эти бумаги прежде, чѣмъ я начну говорить. Видѣ, вы знаете, что это,—прибавилъ онъ, приподнявъ нѣсколько разсыпавшуюся пачку и взглянувъ на Уиндголя.

— Знаю,—отвѣтилъ тотъ.

— Такъ вотъ...

Кимберли всталъ, подошелъ къ камину и бросилъ всю пачку на уголья. Уиндголь бросился вслѣдъ за нимъ, схватилъ шипцы и быстро сбросилъ бумаги за каминную рѣшетку. Уголья еще не разгорѣлись и бумаги только немного запачкались, но не загорѣлись.

— Кимберли,—сказалъ онъ серьезно,—если бы я допустилъ до этого, то это значило бы, что я принимаю отъ васъ такое одолженіе, послѣ котораго я не въ правѣ быть бы ни въ чемъ отказатъ вамъ. Я никому въ мірѣ не хочу быть такъ много обязанъ.

— Это ваши бумаги, милордъ,—сказалъ Больсоверъ;—я ни за что не возьму ихъ назадъ. Никакая человѣческая сила не за-

ставить меня принять хотя бы одинъ пенни въ уплату по этимъ бумагамъ.

— Но, милый мой, я не могу принять ихъ! Скажите, что вы желаете получить взамятъ ихъ. Иначе я не могу ихъ взять.

— Ничего, милордъ, — отвѣтилъ Кимберли и съ минуту помолчалъ. Что-то придало ему мужество; онъ чистосердечно посмотрѣлъ графу въ глаза и сказалъ: — Простите меня, если вы найдете въ моихъ словахъ и поступкахъ что-нибудь безтактное. Я не получилъ хорошаго воспитанія и не имѣлъ времени многому выучиться. Но я хочу сказать... Я желалъ бы, чтобы вы поняли, милордъ, что вы ничѣмъ не обязываетесь передо мною, рѣшительно ничѣмъ. Вы можете, если захотите, просто на просто сказать мнѣ, чтобы я убирался вонъ.

— Господи! — вскричалъ милордъ, красный отъ стыда и униженія, и все-таки чувствуя, что онъ не въ правѣ сердиться. — Но поймите же, какъ все это оскорбительно, унижительно для меня! Скажите, что вы хотите взамятъ?

— Очень жаль, милордъ, что вы понимаете это въ такомъ смыслѣ. Я совсѣмъ не то думалъ... А ужъ бумагъ я ни за что не возьму назадъ, милордъ. Съ ними дѣло кончено. Теперь на вашемъ имѣнии не лежитъ никакихъ долговъ, и что бы вы ни говорили, а ужъ этого никакъ нельзя перемѣнить.

Милордъ шумно вздохнулъ.

— Ну, говорите же, что вы хотите...

— Ничего, милордъ, за это я ничего не жду. Вы мнѣ совсѣмъ не обязаны; рѣшительно ничѣмъ не обязаны. Но...

Лицо его зардѣлось, голосъ прервался, онъ сталъ неистово тереть себѣ руки и, запинаясь, договорилъ:

— Я хотѣлъ бы, милордъ, просить у васъ руки вашей дочери, леди Эллы.

XIV.

Уиндголь стоялъ пораженный не только удивленіемъ, но почти ужасомъ отъ этого признанія. Ему и во снѣ не снилось, что Кимберли попроситъ руки Эллы, онъ тайлъ въ душѣ надежду, что тотъ сдѣлаетъ предложеніе его младшей дочери. Графъ почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который, думая схватить легкую тяжесть, схватилъ тяжелую; или, думая идти по ровному мѣсту, вдругъ оступился. Съ минуту онъ ничего не могъ сказать, а минута много значить въ подобномъ случаѣ.

— Милый мой, Кимберли, — началъ онъ, наконецъ, понявъ неловкость такого долгаго молчанія, — извините, — но это такая не-

ожиданность... Я не былъ приготовленъ... то-есть, я ожидалъ, но...

Обычное самообладаніе милорда рѣшительно измѣнило ему на этотъ разъ. Элла! Вѣдь, это совсѣмъ другое дѣло. Элла старше Алисы, лучше знаетъ свѣтъ и можетъ лучше судить о вещахъ. По правдѣ сказать, графъ побаивался своей старшей дочери, не смотря на всю ея кротость и любовь къ нему. Она держала себя королевой и относилась ко всякому низкому поступку съ уничтожающимъ презрѣніемъ.

Кимберли снова упалъ духомъ. Онъ... онъ смѣлъ поднимать глаза такъ высоко, смѣлъ надѣяться и просить... Никто въ мірѣ не могъ бы понять яснаго его самого всей дерзости его поступка. Видимое изумленіе графа не обидѣло его, не задѣло его самолюбія, а разбило его надежды. Два года тому назадъ онъ не питалъ никакихъ надеждъ; онъ вздыхалъ и краснѣлъ, мечталъ о своемъ предметѣ въ тишинѣ одинокихъ ночей, но предметъ этотъ всегда сіялъ въ его робкихъ мечтахъ на астрономическомъ разстояніи отъ него. И тогда онъ былъ счастливѣе.

— Я не могу вамъ дать никакого отвѣта, — сказалъ милордъ.

— Я передамъ ваше предложеніе моей дочери, но я тутъ совершенно безсиленъ, — совершенно! Не хотите-ли... безъ сомнѣнія, вамъ желательно узнать отвѣтъ поскорѣе. Не спросите-ли Эллу теперь же, если вы можете подождать здѣсь?

Но Кимберли извелъ весь запасъ своего мужества и нервы его не могли долѣе выдерживать.

— Нѣтъ, ужъ лучше я поѣду домой, милордъ, — сказалъ онъ.

— Будьте такъ добры, пришлите мнѣ отвѣтъ.

Онъ ушелъ, оставивъ бумаги разбросанными по столу, онъ даже не вспомнилъ о нихъ. Уиндголь видѣлъ ихъ, но промолчалъ. Вѣдь, если, паче чаянія, Элла дастъ свое согласіе, то онъ можетъ взять ихъ, и тогда конецъ всѣмъ его тревогамъ и заботамъ! А если она не дастъ его?

Графъ проводилъ гостя до экипажа, горячо и возбужденно пожалъ ему руку и, воротясь въ свой кабинетъ, сталъ рассматривать многозначительные для него документы. Онъ начиналъ яснаго понимать поступокъ Кимберли, и въ него закрадывалось невольное уваженіе къ характеру этого чудака. Онъ поступилъ неловко, безтактно, но побужденія его были несомнѣнно честны, безкорыстны и великодушны.

Если бы Кимберли умѣлъ яснаго выражать свои мысли, то просто заявилъ бы графу, что не желаетъ, чтобы дочь его была

чѣмъ-нибудь стѣснена въ своемъ выборѣ. Онъ былъ бы счастливъ, если бы она спустилась къ нему добровольно со своихъ горныхъ высотъ, удостоивъ взять себѣ его въ рабы, со всемъ его богатствомъ; но для него была невыносима самая мысль, что она можетъ сдѣлать это противъ своей воли, изъ желанія помочь отцу въ его затруднительномъ положеніи.

Какъ бы то ни было, а немного нашлось бы отцовъ, которые остались бы недовольны подобнымъ предложеніемъ. Девяносто тысячъ фунтовъ—царскій выкупъ за невѣсту, и они даже предлагались не въ этой формѣ, а просто въ видѣ дружеской услуги. Положимъ, что принять ее невозможно, но равно невозможно и заставить Кимберли взять деньги обратно. Въ этой мысли милордъ нашелъ себѣ нѣкоторое утѣшеніе. Вѣдь, если бы Кимберли исполнилъ свою угрозу и сжегъ бумаги, или просто на просто, отослалъ ихъ обратно, когда онъ будутъ посланы ему, то графу ничего болѣе не оставалось бы, какъ покориться оскорбленію и удержать ихъ у себя. Уиндголь былъ слишкомъ бѣденъ для того, чтобы гордость его не могла примириться съ этою мыслью.

Ему мелькнула мысль,—отнюдь не въ видѣ искушенія, а просто какъ фантазія,—какъ легко было бы для него бросить эти бумаги въ огонь и потомъ написать Кимберли, что предложеніе его не можетъ быть принято. Но на это онъ не былъ способенъ. Онъ позвонилъ и велѣлъ позвать къ себѣ леди Эллу.

Та вошла, улыбающаяся, но увидѣвъ озабоченное лицо отца, сдѣлалась серьезна. Она заключила, что съ нимъ случились нѣкія-нибудь новыя непріятности.

— Сядь, милая,—сказалъ графъ, придвигая для нея стулъ къ своему письменному столу.—Мнѣ нужно поговорить съ тобою.

Самъ онъ продолжалъ ходить по комнатѣ, не зная, съ чего начать.

— Прежде всего, я хочу, чтобы ты вполне поняла, душа моя,—сказалъ онъ, остановившись и нервно передвигая нѣкоторыя вещицы на столѣ, — что ты вольна поступить въ настоящемъ случаѣ какъ тебѣ заблагоразсудится. Я играю роль посредника, не болѣе.

Элла только-что вернулась съ прогулки по парку и ничего не знала о посѣщеніи Кимберли; тѣмъ не менѣе, ей мелькнуло подозрѣніе, что отецъ ведетъ рѣчь къ предложенію ей жениха.

— Предварительно я долженъ рассказать тебѣ нѣкоторыя обстоятельства,—продолжалъ онъ, снова принимаясь ходить по комнатѣ.—Видишь-ли ты эти бумаги на столѣ? Здѣсь болѣе де-

вѣнства тысячь фунтовъ стерлинговъ, и они предложены мнѣ сегодня утромъ въ даръ, безъ всякихъ кондицій. Принявъ ихъ, я избавился бы отъ долговыхъ обязательствъ, которыя съ молодыхъ лѣтъ камнемъ висятъ у меня на шеѣ.

Элла встала со стула и, облокотившись руками на спинку, слѣдила глазами за ходившимъ по комнатѣ отцомъ.

— И вы не можете принять этихъ денегъ? — спросила она.

— Повторяю, онѣ были предложены мнѣ безусловно, — отвѣчалъ отецъ. — Предлагающій объявилъ, что онъ ни за что и ни въ какомъ случаѣ не возьметъ ихъ назадъ. Но въ то же самое время...

Онъ остановился въ полъ-оборота, покосился на дочь и, встрѣтивъ ея упорный взглядъ, договорилъ съ видимымъ волненіемъ:

— Въ то же самое время онъ просилъ у меня твоей руки.

Говоря это, онъ рѣшился взглянуть на дочь, которая стояла теперь, опустивъ глаза, сильно поблѣднѣвшая. Пальцы ея впились въ полинялую подушку стула.

— Претендентъ твой, Элла, очень богатъ, — продолжалъ графъ, — и ему извѣстны мои дѣла. Повидимому, онъ хотѣлъ поставить меня этимъ царскимъ подаркомъ въ такое положеніе, въ которомъ я не чувствовалъ бы себя связаннымъ никакими обязательствами. Такой подарокъ могъ бы показаться унижительнымъ, даже оскорбительнымъ, но онъ былъ сдѣланъ такъ деликатно, что... словомъ, человѣкъ этотъ поступилъ, какъ джентльменъ.

Молодая дѣвушка молчала. Графъ также замолчалъ и снова принялся ходить по комнатѣ.

— Элла, — сказалъ онъ наконецъ, — робко кладя руку на ея плечо, — вѣдь, ты, конечно, увѣрена въ томъ, что я никогда не потребую отъ тебя ничего такого, что сдѣлало бы тебя несчастною... на вѣкъ несчастною.

Онъ какъ будто старался убѣдить въ этомъ самого себя, а не ее.

— Увѣрена, папа, — отвѣтила она, не поднимая глазъ.

«Подозрѣваетъ-ли она, кто претендентъ?» — спрашивалъ себя графъ. — Не происходитъ-ли и въ ней такая же позорная борьба, какая происходила въ немъ самомъ? Онъ почти желалъ, чтобы она отказала.

— Мнѣ, разумѣется, ничего болѣе не оставалось, — продолжалъ онъ, — какъ спросить твоего мнѣнія. Я не могъ бы и отказать безъ твоего вѣдома. Бываютъ, однако, обстоятельства...

— Знаю, папа,—отвѣтила она сдержанно.

— Тебѣ извѣстно, въ какомъ положеніи наши дѣла, Элла,—началъ онъ было просящимъ тономъ, но вдругъ краска стыда окатила его съ головы до ногъ и онъ быстро отошелъ отъ дочери.—Я не хочу неволить тебя въ такомъ дѣлѣ, душа моя. Поступай, какъ знаешь. Ты... ты даже не спрашиваешь имени, Элла...

Она взглянула на отца, замѣтила его усиліе улыбнуться и, вдругъ подбѣжавъ къ нему, обвила руками его шею. Изъ глазъ бѣднаго аристократа скатились двѣ горькія слезы.

— Голубушка... голубушка моя,—началъ онъ прерывающимъ голосомъ,—я не неволю тебя... помни... Я не такой безсердечный. Не дѣлай этого для меня, чтобы не раскаяваться потомъ всю жизнь.

— Если отъ меня зависить облегчить васъ отъ заботъ, папа, то я на все готова,—сказала Элла.

— Но угадываешь-ли ты, кто онъ?—спросилъ графъ упавшимъ голосомъ, чувствуя, что дальнѣйшее умалчиваніе имени только ухудшаетъ дѣло. — Могу-ли я обрадовать Кимберли? — прибавилъ онъ робко.

Онъ стоялъ, обнявъ дочь за талію, а она, будучи выше его ростомъ, обвивала руками его шею. Въ позѣ ея было что-то покровительственное. На послѣдній вопросъ его, она посмотрѣла на него сверху внизъ и просто сказала:

— Да.

— Ты лучшая дочь въ мірѣ.

Элла покачала головой съ грустной улыбкою и, нагнувшись, поцѣловала отца. Послѣ этого онъ тихо высвободился изъ ея объятій и снова началъ ходить по комнатѣ, между тѣмъ, какъ Элла медленно подошла къ окну и стала глядѣть на оголенный паркъ.

— Дать тебѣ время подумать, Элла?—спросилъ графъ, останавливаясь возлѣ нея.

Она обернулась и поглядѣла на него съ блѣдною и холодною улыбкой, которую онъ долго потомъ не могъ забыть.

— Нѣтъ, папа, я не измѣню своего рѣшенія,—проговорила она.

— Но ты будешь несчастна! Ты загубишь свою жизнь!—вскричалъ бѣдный графъ.—Я не могу... не могу продать свое дитя!

Это было непоследовательно, но естественно. У графа было не дурное сердце, но холодное воображеніе. Онъ тогда только

понялъ, что будетъ значить осуществленіе его желанія, когда оно было рѣшено.

— Я не буду несчастлива, милый папа,—сказала Элла.— Не будемъ болѣе говорить теперь объ этомъ. Вы напишите мистеру Кимберли, или увидите съ нимъ?

— Я обѣщалъ прислать ему отвѣтъ.

Графъ облегчилъ свою совѣсть: онъ протестовалъ, удерживалъ дочь, и дѣлалъ это совершенно искренно; но нельзя сказать, чтобы онъ былъ недоволенъ ея настойчивостью. Да и, наконецъ, не напрасно-ли онъ такъ волнуется? Не одно-ли глупое воображеніе рисуетъ ему такіа мрачныя картины? Вѣдь, у Эллы будетъ все, когда она сдѣлается женой Кимберли. Въ домѣ своемъ она, конечно, будетъ полною хозяйкой. Она и сестрѣ своей поможетъ сдѣлать блестящую партію, и это будетъ для Эллы такою радостью, которая за многое вознаградитъ ее. Можетъ быть, Элла и сама смотреть на вещи такимъ образомъ, а въ такомъ случаѣ предложеніе Кимберли должно казаться ей большимъ счастьемъ. Положимъ, что онъ не представительнъ; но сотни людей, не лучше его, втираются въ высшее общество и находятъ себѣ въ немъ мѣсто; застѣнчивость его только говоритъ въ его пользу: онъ не станетъ выставляться и предоставитъ женѣ царить въ своихъ салонахъ, а Элла, при своемъ происхожденіи, красотѣ и деньгахъ, несомнѣнно, займетъ завидное положеніе въ обществѣ. Эти соображенія разсѣяли понемногу его горе и раскаяніе, которыя казались ему теперь глупо-преувеличенными. Элла была не ребенокъ, она знала свѣтъ, знала, какія преимущества доставитъ ей въ немъ богатство.

Правда, въ памяти его мелькала ея блѣдная улыбка, но даже и это не будило въ немъ болѣе раскаянія. Онъ сѣлъ къ столу и взялся за перо, чтобы написать Кимберли. Элла, не говоря ни слова, подошла къ нему, наклонилась, поцѣловала его и вышла изъ комнаты. Онъ замѣтилъ, однако, что, наклоняясь, она оперлась на столъ и случайно прикоснувшись рукой къ одной изъ бумагъ, оставленныхъ Больсверомъ, быстро отдернула руку, словно эта бумага обожгла ее.

По уходѣ дочери, Уиндголь нѣсколько минутъ просидѣлъ покурившись и грызя свое перо. Ему вдругъ стало холодно и онъ почувствовалъ себя старымъ.

«Милый Кимберли», написалъ онъ и остановился, уставивъ глаза на эти два слова; потомъ вдругъ снова схватилъ перо, чтобы поскорѣе покончить со всѣмъ этимъ.

«Съ удовольствіемъ извѣщаю васъ, что я' передалъ ваше предложеніе моей дочери и она...» — Онъ опять остановился и опять сталъ грызть перо.

— Да чортъ его возьми! — вскричалъ онъ. Неужели еще придумывать для него выраженія? — «и она уполномочила меня извѣстить васъ, что ваше лестное предложеніе принято».

— Лестное — лестное! Ахъ! чортъ бы его побралъ! — вскричалъ милордъ и продолжалъ писать:

«Надѣюсь, что вы дадите мнѣ вскорѣ случай лично поздравить васъ».

«Весь вашъ Уиндголь».

Онъ надписалъ адресъ, позвонилъ и послалъ слугу съ письмомъ въ Голлоубэй.

Всѣ эти часы Кимберли провелъ, какъ на горячихъ угляхъ, испытывая всевозможныя нравственныя муки. Даже извѣстіе о согласіи Эллы не сдѣлало его счастливымъ; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ онъ долженъ держать себя въ этомъ новомъ для него положеніи дѣла, и мысль, что въ большомъ свѣтѣ установленъ для этого какой-нибудь особый, неизвѣстный ему этикетъ, не давала ему покоя. Летѣтъ-ли ему сейчасъ къ Эллѣ, чтобы выразить ей свой восторгъ? (но восторга онъ что-то не чувствовалъ, хотя любилъ Эллу всѣми силами своей души) или нужно сдѣлать сначала формальный визитъ ея отцу? Или дожидаться, чтобы отецъ первый пріѣхалъ къ нему?

«Руководство въ этикетѣ», къ несчастію, не давало на этотъ счетъ никакихъ указаній, хотя Кимберли перелистывалъ его отъ первой страницы до послѣдней; а человѣка, съ которымъ онъ могъ бы посоветоваться, у него не было. Онъ пригласилъ слугу милорда отдохнуть и велѣлъ своимъ людямъ угостить его чѣмъ-нибудь; а тотъ, въ признательность за это, передалъ имъ всѣ подробности событій этого дня, насколько они были извѣстны немногочисленной дворнѣ Шольдершотъ-Кэстля. Покуда Кимберли наверху изучалъ свое «Руководство», дамы и кавалеры внизу узнали, что его милость, графъ Уиндголь, провелъ въ это утро цѣлый часъ взаперти съ ихъ хозяиномъ, что по отъѣздѣ гостя, милордъ послалъ за леди Эллой, съ которою также оставался взаперти цѣлый часъ, что послѣ этого леди Элла была блѣдна и разсѣянна, и что изъ всего этого явствуется, что миллионеръ имѣлъ виды вовсе не на леди Алису, какъ всѣ думали до тѣхъ поръ, а на леди Эллу.

Камердинеръ Кимберли, грѣвшійся у очага, былъ того мнѣнія, что въ немъ только и есть, что одно его богатство, на что слуга графа заявилъ, что его господа, при своей бѣдности, удовольствуются и этимъ.

Между тѣмъ, Кимберли, послѣ долгаго обдумыванія, стоившаго ему необычайнаго умственнаго напряженія, рѣшился написать письмо, на которое извелъ полъ-дести бумаги; письмо вышло блѣднымъ и безцвѣтнымъ, но не такимъ глупымъ, какъ оно ему казалось.

«Дорогой лордъ Уиндголь,—писалъ онъ,—много обязанъ вамъ за скорый отвѣтъ. и глубоко признателенъ за честь, которую вы оказываете мнѣ, принимая мое предложеніе. Мнѣ было бы пріятно узнать, когда я могу явиться засвидѣтельствовать мое почтеніе леди Эллѣ и вамъ».

Милордъ отвѣчалъ по почтѣ:

«Милый Кимберли, намъ было бы пріятнѣе, если бы вы оставали церемоніи въ сторонѣ. Завтра, если вы не заняты, пріѣзжайте къ намъ завтракать, и считайте себя отнынѣ же членомъ нашей семьи».

Кимберли поспѣшилъ отвѣтить на приглашеніе, хотя далеко не былъ приготовленъ считать себя членомъ семьи. Леди Элла протянула ему руку, холодную, какъ мраморъ; онъ наклонился надъ нею и поцѣловалъ ее. Завтракъ былъ томительно скученъ. Всѣ трое тяготились, но въ особенности миллионеръ. Элла въ своемъ страданіи находила утѣшеніе, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что она жертвовала собою за другихъ, исполняла свой дочерній долгъ. Объ отцѣ ея нечего и говорить: въ конторкѣ его лежало самое осязательное утѣшеніе, какого онъ только могъ желать. У Кимберли же не было никакого утѣшенія; онъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, но чувствовалъ себя, не смотря на удачное сватовство, несчастнѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Въ это утро онъ купилъ у лучшаго изъ голлоубэйскихъ ювелировъ великолѣпное кольцо и набирался храбрости, чтобы поднести его послѣ завтрака своей невѣстѣ. Онъ осмѣлился взять ея руку и надѣть кольцо ей на палецъ.

— Леди Элла, я не могу вамъ выразить, какъ я счастливъ,—сказалъ онъ уныло, отъ души желая въ эту минуту, чтобы поднимъ разверзся полъ и поглотилъ его.

Элла ничего не отвѣтила, но отецъ ея, чтобы показать хотя наружное довольство, обнялъ ее за талію и поцѣловалъ. Щека ея была холодна, какъ ледъ, и всѣ мышцы ея лица трепетали.

— Пойдемте сюда, Кимберли; намъ съ вами есть о чемъ по-толковать,—сказалъ графъ съ какою-то вымученною веселостью.

Кимберли расшаркался передъ Эллоу, которая отвѣтила наклоненіемъ головы. Графъ, съ поддѣльною живостью, подхватилъ его подъ руку и поспѣшилъ увести въ свой кабинетъ, не полагаясь ни на свою собственную сдержанность, ни на твердость Эллы.

Та, оставшись въ комнатѣ одна, прислушивалась къ удаляющимся шагамъ, покуда они не затихли, потомъ ушла въ свою комнату, повернула ключъ въ замкъ и, бросившись ничкомъ на свою постель, чтобы не видѣть ненавистнаго свѣта, зарыдала со стонами, словно изъ нея вырывали сердце.

(Продолженіе будетъ).

БАБУШКА АЛЕНА.

Разсказъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я была вольноприходящею слушательницей при одной изъ женскихъ больницъ въ С.-Петербургѣ. Приходилось часто дежурить тамъ по двое, по трое сутокъ; иногда бывало много дѣла, отдохнуть нѣкогда, если же больныхъ было мало, то скука донимала еще хуже, чѣмъ усталость. Такимъ образомъ, дежурство для всѣхъ насъ, учившихся, представлялось тяжелою повинностью.

Но въ одно изъ отдѣленій больницы я всегда ходила съ удовольствіемъ, точно въ родную, дружескую семью. Это было то отдѣленіе, гдѣ помѣщались больныя продолжительными (хроническими) болѣзнями; онѣ большею частью не лежали, а расхаживали по корридору и палатамъ въ коричневыхъ, давно полинявшихъ, казенныхъ халатахъ и сыromятныхъ туфляхъ.

Больница, о которой я говорю, славилась чистотой. Какъ войдете—свѣтлыя сѣни, большая стеклянная дверь, за нею прямой корридоръ съ мозаичнымъ поломъ; въ противоположномъ концѣ корридора широкое, во весь простѣнокъ. окно, выходящее на одинъ изъ каналовъ. Нигдѣ ни пылинки: все прочищено, промыто и блеститъ, какъ зеркало. Направо, только-что изъ дверей — кухня, гдѣ на горячей плитѣ цѣлый день шипѣлъ и распѣвалъ

кубъ, точно приглашалъ заваривать скорѣе чай. И такъ заманчива была его пѣсня и легкій парокъ надъ нимъ, что почти весь день смѣнялись около него жаждущіе, съ чайниками въ рукахъ, и онъ, весело бурля и пофыркивая, одѣлялъ всѣхъ кипяткомъ. Дальше за кухней начинался рядъ небольшихъ, бѣлыхъ, уютныхъ палатъ; изъ оконъ ихъ вѣчно, отъ нечего дѣлать, глазѣли больныя на проходящихъ по двору и, улыбаясь, кивали головой знакомымъ барышнямъ (ученицамъ). Въ самой крайней угловой палатѣ въ окно виденъ уже былъ не дворъ, а открывалась широкая панорама вдоль рѣки на красивый мостъ, на уходящіе полукругомъ ряды высокихъ домовъ, а еще выше подымался въ воздухъ синій, усеянный золотыми точками, куполъ большого собора.

Больныя встрѣчали меня привѣтомъ и шутками. Были между ними молодыя, нетерпѣливыя; тѣ повѣдывали мнѣ свои огорченія и радости; имъ до того наскучило проводить мѣсяцъ за мѣсяцемъ въ больницѣ, что съ одной изъ нихъ, хорошенькою блѣдною Любой, сдѣлался разъ нервный припадокъ, когда она увидѣла на дворѣ за окномъ свою собаку. Квартирная хозяйка пришла навѣстить Любу, — собака прибѣжала съ ней, но въ больницу животныхъ не впускаютъ, и вѣрная мордашка въ тревогѣ металась по двору, когда хозяйка увидѣла ее, и расплакалась, и расхохоталась вмѣстѣ. Эта Люба стала, наконецъ, совсѣмъ какъ ребенокъ: все просила родныхъ принести ей въ Рождество елку, и ей точно принесли маленькую, игрушечную, съ тремя свѣчами. Люба зажгла ихъ, и въ восхищеніи носила свою елочку по всѣмъ палатамъ. Ея радости сочувствовали: больныя вообще жили дружно.

Но интереснѣе всѣхъ прочихъ была для меня одна деревенская старуха, бабушка Алена Оленчикова. Еще лѣтомъ пришла она со своею мучительною болѣзнью, пѣшкомъ за 60 верстъ, между тѣмъ, какъ другая въ ея положеніи едва на улицу можетъ изъ дома выходить. А у

ней и лапотки были цѣлы, въ которыхъ она совершила свое путешествіе: хранились въ мѣшкѣ съ ея «собственною» одеждой, и она ихъ показывала, наряжаясь въ нихъ, тѣмъ изъ дежурныхъ, къ которымъ особенно благоволила.

Бабушкѣ Алентъ минуло 70 лѣтъ. Это была высокая старуха, болѣе сухая, чѣмъ полная, прямая, какъ тополь, бодрая, съ ровною поступью и неторопливою разумною рѣчью. Говоря, она не сводила съ собесѣдника спокойно-привѣтливаго взгляда. Я никогда не видѣла ее смѣющейся, да это и не шло бы къ ней. Она только улыбалась, и то одними глазами: губы не раздвигались. Ничего уродливо-старческаго вы не нашли бы въ ея правильныхъ чертахъ, которыя старость отмѣтила лишь тѣмъ, что покрыла ихъ морщинами, да придала ровный восковой отбѣнокъ кожѣ. Все въ этой деревенской женщинѣ дышало какою-то врожденною величавостью.

А между тѣмъ, она почтительно вставала при входѣ каждаго доктора, низенько кланялась даже ученицамъ, — но и вытянувшись въ струнку, и кланяясь, она все смотрѣла одною изъ тѣхъ древнихъ пустынницъ, которыхъ пишутъ, завернутыми въ черныя мантии, на стѣнахъ церквей. Виднѣлась въ ней труженица и глава семейства, въ долгій вѣкъ свой безъ усталы, въ потѣ, поработавшая землѣ и взростившая своею твердою рукой гнѣздо такихъ же честныхъ и строгихъ работниковъ земли.

Отъ всѣхъ перенесенныхъ трудовъ и нужды, отъ сыраго болота, гдѣ она косила осоку, отъ напряженія и наклонки за жнитвой, у нея подъ старость образовалась тяжелая женская болѣзнь. Она терпѣла, пока это не мѣшало ей работать, когда же почувствовала, что не можетъ «обряжаться у печки» и нянчиться съ дѣтьми въ страдную пору, — стало быть, сдѣлалась бесполезна въ семьѣ, — то пошла лечиться. Еще съ начала, какъ только ей стало здѣсь лучше, она «отнусада» въ деревню другой старухѣ, страдавшей тѣмъ же недугомъ, что: «въ Питерѣ добрые

люди помощь большую даютъ отъ нашей скорби», — и 60-лѣтняя подруга ея пришла на ея зовъ и поселилась съ нею въ больницѣ. Эта вторая бабушка была изъ очень богатой семьи, но, несмотря на это, относилась къ Алентъ съ какимъ-то привычнымъ почтеніемъ. Надо правду сказать, не очень была она толкова. Лицо у нея было круглое, сморщенное въ комочекъ, глаза красные, воспаленные; но зато въ лицѣ и глазахъ выражалось смиренное добродушіе безъ конца. Въ больницѣ она не чувствовала себя какъ дома, — робѣла и малодушествовала порой, жалуясь на скуку и боль при операціи. Бабушкѣ же Алентъ подобныя слабости были чужды: ей дѣлали нѣсколько операцій, которыя она выдерживала такъ, что доктора удивлялись. И не такія тяжести выносила она въ жизни на своихъ крѣпкихъ плечахъ, сдавая въ рекрутъ живыхъ сыновей, хороня мертвыхъ, смотря въ невольномъ оцѣпененіи въ день неожиданнаго пожара, какъ надъ селомъ волновалось огненное море, какъ трещали и сквозили чернымъ транспарантомъ на золотистомъ фонѣ всѣ бревна ея новаго дома, готоваго рухнуть. Не физической боли было сломить ея энергію.

Бабушка Алена чувствовала глубокую благодарность ко всѣмъ завѣдывающимъ и служащимъ въ больницѣ, и молилась Богу за каждаго изъ нихъ отдѣльно. Кромѣ того, она старалась найти себѣ какое-нибудь дѣло, для того-ли, чтобы хоть немного быть полезною пріютившему ее заведенію, или по привычкѣ не сидѣть сложа руки. Бумажные мѣшочки для порошковъ она свертывала тысячами. Случалось на дежурствѣ, встанешь утромъ—работы куча. Человѣкъ десять лежащихъ больныхъ надо умыть и убрать, бѣлье на постеляхъ переменить, температуру и пульсъ измѣрить, чаемъ напоить. Начинаешь съ бабушекъ: у тѣхъ уже все приготовлено, только самое необходимое остается сдѣлать. Пойдешь къ другимъ; пока всѣхъ уберешь, да градусники поставишь и снимешь,

пройdetь добрыхъ полъ-часа. Возвратившись къ первой, чтобы начать смѣну бѣлья, видишь: все уже сдѣлано, лежить больная въ чистомъ бѣльѣ и чайникъ передъ нею съ чашкой стоитъ. Переходишь къ другой, — та тоже на убранной постелѣ чай распиваетъ. У третьей — тоже, и, наконецъ, застаешь бабушку Алену или обѣихъ бабушекъ вмѣстѣ, убирающихъ послѣднюю больную. Или ночью: спишь чутко, зная, что надо раза три-четыре въ ночь ледъ наколоть и перемѣнить у трудно больныхъ, да если кто позоветъ, сейчасъ вскочить и подать что нужно. Спишь и не спишь, а всѣ члены будто скованы и подниматься ужъ какъ не хочется! Слышишь въ просонкахъ, зовутъ: «Барышня!» И надо встать, и не можешь голову оторвать отъ подушки. «Барышня!..» Но въ ту же минуту высокая, сухая фигура старой бабушки Алены появляется въ корридорѣ. И почти безсознательно, успокоенная, полнѣе отдаешься сну. Она сдѣлаетъ что нужно. Немного погодя, опять чувствуешь въ просонкахъ, что бабушка въ своемъ халатѣ безшумно движется мимо тебя къ другой больной.

А иногда наклонится надъ спящею, руку на плечо тихонько положить, и шепчетъ ласково: «Барышня, милая! Ледокъ перемѣнить въ шестой палатѣ надоть». Она бы и сама сходила за льдомъ, если бы ей это не было строго запрещено, а теперь напоминала дежурной для того, чтобы той не досталось отъ начальства, ежели найдутъ больную безъ мѣшка со льдомъ.

Гдѣ ты и что съ тобой теперь, милая бабушка Алена? Не забыть мнѣ твоихъ простыхъ рассказовъ, не забыть твоихъ трудовъ за меня по ночамъ и всей твоей величавой фигуры. Помню, однажды, въ родительскую субботу, когда ты, надѣвъ казенный салопъ невозможнаго фасона, съ мѣшками вмѣсто рукавовъ, ворохомъ складокъ и сборокъ за спиной, отправилась къ обѣднѣ, и только-что успѣла подать отъ себя и другихъ больныхъ цѣлую дю-

жину просвирокъ, за тобой вдругъ является посланный изъ больницы. Директоръ собирался читать лекцію и на тебѣ хотѣлъ демонстрировать болѣзнь. И вотъ тебя привели изъ церкви, посадили въ аудиторіи. Директоръ вышелъ въ бѣломъ передникѣ съ большими круглыми очками, и сталъ читать, указывая на тебя и твою рану, какъ на образецъ интересной болѣзни. Около тебя толпились, то черныя какъ смоль, то русыя и бѣлокурыя дѣвичьи головки; до твоей раны дотрогивались десятки пальцевъ. А ты сидѣла и смотрѣла на всѣхъ насъ добрыми и серьезными глазами, точно хотѣла сказать: «учитесь на мнѣ, родныя, это вамъ на пользу». Никакая тѣнь смущенія или досады не омрачала твоего кроткаго лица.

Кончилась лекція, мы окружили тебя, цѣлуя и здороваясь. Но ты спѣшила, отвѣчая на поцѣлуи: «Не задерживайте, милыя мои барышни, въ другой разъ побесѣдуемъ, извините меня... просvirки взять хочется, пока обѣдня не отошла, да и за родителей еще помолиться хотя немного...»

Въ другой разъ мнѣ нездоровилось; противъ обыкновенія, я скучала и хандрила, дежуря въ четвертомъ отдѣленіи. Наступилъ вечеръ. Сидѣла я въ угловой палатѣ у стола, возлѣ окна съ опущенною сторой; бабушка Алена опустила въ кресло рядомъ, не сводя съ меня глазъ, словно придумывая, чѣмъ бы меня развлечь? Другая бабушка стояла, прислонившись къ кровати въ глубинѣ комнаты, и посматривала на насъ. Вдругъ она догадалась.

— А Расскажи, Алена, барышнѣ, какъ ты здѣсь маленькая отца разыскивала.

— Ахъ и вправду! — встрепелась она. — Вѣдь я не въ первый разъ сюда въ Питеръ попала. Послушайте, ежели угодно.

— Расскажи, бабушка.

Она усѣлась поглубже въ креслѣ (къ спинкѣ, однако

же, не прислонилась), поправила платокъ на головѣ и начала:

— Мы были прежде крѣпостные, графскіе. Я осталась отъ матушки десяти лѣтъ. Нѣ было ни тетки своей родной, ни бабушки,—отецъ одинъ. И я у него одна. Потомъ моего батюшку взяли въ Петербургъ сюда, къ госпожѣ, а я осталась у дяди. А за дядей тетка мнѣ не родная, и онъ такой сурьезный, меня не жалѣлъ, и очень было прискорбно, потому я чужая, — у нихъ свои дѣти. Все хотѣлось: какъ бы къ отцу попасть? А того не думаю, куда я одна пущусь въ большой городъ? И не боюсь ничего. Хоть не вовсе маленькая была я, да народъ тогда проще былъ. Думаю: надо попасть! И пошла къ Сижку, старостѣ сельскому. Прихожу; говорю: дядюшка свези меня въ Питеръ къ батюшкѣ. Онъ говоритъ: «ладно, ладно, косынька; свезу, матушка, свезу. Завтра къ ночи свезу». Онъ это въ шутки, а я думаю вправду.

Прихожу на другой вечеръ — ужъ онъ и уѣхавши. Тогда я начала скучать больше. Каждую ночь мнѣ снится отецъ. И приходитъ телятникъ съ другой деревни, верстъ за пять, съ Баголина — вотъ откуда она взята, — прибавила бабушка, съ улыбкой оборотившись къ своей подругѣ, которая внимательно и съ видимымъ удовольствіемъ слушала, безъ сомнѣнія, давно ей знакомый рассказъ. — Помнишь телятника?

— Какъ не помнить! Имя-то, признаться, запомняла, — все Морозомъ его кликали.

— Вотъ этого самаго Мороза я и стала просить: дядюшка, свези меня въ Питеръ къ батюшкѣ. Ну, онъ говоритъ: поѣдемъ. Набралъ телятъ, — я пришла, онъ и меня съ телятами посадилъ въ возъ. Въ дорогу тронулись, у меня было только двадцать копѣекъ денегъ съ собой. На станціи, первую ужину поужинала съ ними, да взяла одинъ фунтъ ситнаго на дорогу. Ужъ у меня это и всѣ деньги вышли. А хлѣбца было деревенскаго еще оставши.

На третій день мы приѣхали въ Петербургъ. Поутру рано, еще даже не было разсвѣтши, какъ приѣхали на площадку съ телятами. Морозъ пошелъ въ трактиръ, а меня оставилъ возы караулить. Потомъ, выходитъ Морозъ, приносить мнѣ булку оттудова и пряникъ. Какъ теперь гляжу, такіе были толстые пряники, нонѣ ужъ такихъ не пекутъ. Это за то, что стерегла я тутъ. И опять въ трактиръ ушелъ. Ждала я, ждала, ужъ и вечера началось: и скука меня забрала. Тошнехонько. Думаю: отецъ тутъ близко, я сижу, не знамо чего. Подумала я, подумала, поѣла пряника; ну теперь, думаю, и отца просто найти. Взяла да и пошла, не дожидаясь Мороза; только попросила какого-то старичка, что у воротъ сидѣлъ, за возами поглядѣть. По Фонтанкѣ отправилась, куда глаза глядятъ. Знаю, что отецъ на дачѣ, а не знаю, гдѣ она, эта дача находится; ну, думаю, спрошу. Отошла подальше, и не видать ужъ площади; встала къ стѣнѣ, руки сложила и стою; думаю: надо народъ пропустить, къ обѣднѣ торопятся. Однако, народъ все идетъ, не убываетъ. Пойду еще — опять у стѣны встану, прижмусь: пускай народъ пройдетъ — просторнѣй будетъ идти. Нѣтъ, не проходитъ народъ, еще больше валить. Наскучило мнѣ, а вижу, что сколько ни стой, не переждать народа, — опять впередъ подвигаюсь по Фонтанкѣ. Ужъ я и приустала и не знаю, куда иду. И думаю, что надо спросить у кого-нибудь, гдѣ бы мнѣ батюшку найти?

Идетъ господинъ—шинель съ капюшономъ. Теперь-то знаю, что господинъ, — тогда всѣ дядюшки были. Я и говорю:

— Дядюшка, не знаешь-ли ты, гдѣ батюшку бы мнѣ отыскать?

Онъ видитъ, что я въ скучномъ положеніи, спрашиваетъ:

— Какого же тебѣ батюшку? Священника?

Я говорю:

— Нѣтъ, моёво, роднова, я къ нему изъ деревни пріѣхала.

— Гдѣ же твой батюшка живетъ? У кого?

— У графини на дачѣ.

— У какой графини?

А я имя-то не знала.

— Здѣсь дачъ много. На которой дачѣ?

И того не знаю.

— Кто же тебя привезъ?

— Да Морозъ багольницкій.

— Какой такой морозъ?

— Да телятникъ Морозъ.

— Какъ же онъ тебя могъ отпустить? Иди къ нему назадъ скорѣй, чтобъ отыскалъ онъ твоего отца.

Я опять назадъ и вернулась, по старымъ слѣдамъ, а ужъ сама и устала, и ѣсть хочу, и сѣсть мнѣ негдѣ, и народъ мѣшаетъ; иду, сама плачу. Пришла на площадь: воза ужъ нѣтъ, уѣхавши, и площадь подметена. Вотъ тогда-то я горько заплакала. А дѣваться некуда, не знаю, что дѣлать. Опять побрела по Фонтанкѣ къ Невскому; вышла на Невскій, стою, а ноги такъ и подкашиваются. Идетъ мимо духовный — косы заплетены (тогда, вѣдь, дѣвочки носили косы заплетенныя), и съ узелкомъ. Онъ спрашиваетъ:

— Ты чего, малютка, плачешь?

— Да батюшку не найдти, — пріѣхала изъ деревни.

— Какъ же пріѣхала?

— Морозъ привезъ, да и уѣхалъ

Онъ въ ту пору — дай ему Богъ царство небесное! — догадался, что нужно.

— Не проживаетъ-ли у тебя какой знакомый въ Питерѣ землякъ?

— Есть, говорю, Сеня Рысинскій живетъ, постоянный дворъ содержитъ.

— Гдѣ онъ содержитъ дворъ?

— Да подъ Невскимъ гдѣ-то.

— Пойдемъ же я тебя, сведу подъ Невскій, я самъ въ монастырь иду.

Вотъ и хорошо. Дошли до угла, онъ говоритъ:

— Я пойду прямо въ Невскій. А ты иди къ будочнику, спроси.

Пошла я до будочника по панели, сама въ ворота заглядываю. И вижу противъ однѣхъ воротъ во дворѣ Семеновъ братъ закладываетъ лошадь легковую. Я, какъ вскочу на дворъ-то съ панели,—обрадовалась, закричала: «дядюшка, дядюшка, дядюшка!» Онъ меня схватилъ: «Что ты, что ты, кто тебя?» Думаетъ, что меня кто обидѣлъ на проспектъ.

— Ты чего?

Я говорю:

— Да я васъ ищу.

— А ты кто такая?

— Да со Пчевы—Аленка.

— А-ахъ!—говоритъ.—Какъ ты сюда попала?

— Да къ батюшкѣ пріѣхала, да его не найдти.

Онъ меня взялъ за руку и повелъ къ своей невѣсткѣ, къ Архиповнѣ. Архиповна была баба—одно слово...

— Баба важеватая—вставила и вторая бабушка. Такихъ не много сыщешь.

— Ну, приняла меня, угощаетъ, кормить пирогомъ сладкимъ. «Погоди, говоритъ, може отецъ сюда навѣдается. Однако, день проходитъ и другой, отца нѣтъ, а я тоскую и ѣда на умъ нейдетъ. Она мнѣ гостинцевъ накупила,—ничего не утѣшало меня. Наконецъ, она рѣшилась нанять извозчика и отправила меня на извозикѣ къ отцу. Рассказала ему, гдѣ дача. Посадили меня, полость застегнули и повезли. Другіе извозчики смѣются. «Куда даму повезъ? Эй, сударыня, не угодно-ли на лихачѣ прокатиться?» Я заглядываю себѣ и не понимаю ничего, только интересно, что я катаюсь, на хорошіе санки посажена, и на дома хорошіе гляжу. Пріѣхали мы. Ужъ на дворѣ вечерѣтъ

начало. Извозчикъ оставилъ меня на саняхъ, а самъ пошелъ къ калиткѣ звонокъ подавать, чтобъ вышли кто-нибудь. Я смотрю черезъ верхъ воротъ въ садъ, мнѣ съ дороги видно дорожка прямая разметена, промежъ деревъ — аллея значить; деревья снѣгомъ занесены, и вижу, батюшка идетъ аллеей съ фонаремъ отпирать калитку. Онъ, видите, тамъ садовымъ мужикомъ жилъ и сторожемъ. Я привскочила въ саняхъ и кричу извозчику: охъ, это батюшка, батюшка идетъ! «Ну, сиди: «батюшка!»

Пришелъ, отперъ калитку, — смотреть на меня и глазъ не вѣрять.

— Какъ ты сюда попала?

— Да я по тебѣ встосковалась, рассказываю. Ну, взялъ меня къ себѣ. И онъ обрадовался, что я приѣхала, — говорить: здѣсь съ нами жить будешь.

Жила я тутъ до великаго поста, ходила къ дѣтямъ садовника, весело было, привыкла. Вдругъ приѣзжаетъ графиня изъ чужихъ земель. Я стала бояться и къ садовнику ужъ не ходила. Черезъ мѣсяцъ, такъ, графиня обо мнѣ, должно, провѣдала. Посылаетъ садовника за мной.

Заробѣла я, прижалась къ отцу. Садовникъ, говоритъ:

— Ты не бойся ее, она, вѣдь, добрая барыня. Ты съ ней поздоровайся, ручку поцѣлуй. А зови ваше сіятельство.

Графиня остановилась тогда не на дачѣ, а въ городскомъ домѣ. Привелъ меня туда садовникъ, ввелъ въ горницы и къ дверямъ подвелъ, указалъ, которая графиня, а самъ не пошелъ со мной. Она сидѣла въ креслѣ и компаньонка возлѣ нея въ креслѣ, молодая. На обѣихъ платья шелковыя, и серьги въ ушахъ свѣтятся. Красивыя обѣ такія (графиня, конечно, постарѣе). Очень онѣ мнѣ понравились. Смотрятъ на меня — и я на нихъ смѣло столь гляжу, — весело мнѣ смотреть на нихъ. Я, вѣдь, бойкая была, и не боюсь: садовникъ не велѣлъ бояться. Спрашиваетъ графиня:

— Соскучилась объ отцѣ?

— Соскучилась, ваше сіятельство.

— А вотъ что, матушка, я хочу тебя спросить, не желаешь-ли въ услуженье за барышней, ко мнѣ изъ Москвы скоро барышня пріѣдетъ.

— Желаю, говорю, ваше сіятельство.

Онѣ посмотрѣли другъ на дружку, поговорили по французски между собой, графиня на меня обратилась, а я стою, жду.

— Только вотъ что, матушка, мнѣ тебя въ этомъ платьѣ не надо.

— Да оно у меня, ваше сіятельство, не приросши: можно снять, да другое одѣть.

Опять по французски начали говорить и смѣются промежду собой. Наконецъ, сказала графиня:

— Иди теперь; Катенька завтра съѣздитъ въ гостинный, привезетъ на платье для тебя, и дѣвушки мои сошьютъ. А ты черезъ недѣлю являйся служить.

Черезъ недѣлю пріѣзжаю я въ городъ съ батюшкой: онъ цѣпты привезъ. Барышни еще нѣтъ: ожидаютъ надняхъ. Барышня эта была племянница графини, я, впрочемъ, такъ ее и не видѣла. Платья на меня почти что готовы; примѣряли на меня дѣвушки, потомъ живо докончили и нарядили меня. Столь хороши платья, думала— не наглядѣться. Отвели мнѣ комнату на антресоляхъ, ночевала я ночку, а поутру встаю, мнѣ скучно такъ, — и чѣмъ далѣ, тѣмъ скучнѣе, и платья ужъ не тѣшатъ; не легче того, какъ искала батюшку. Никто ко мнѣ не приходитъ, я ничего не знаю... Кушанье хорошее принесли съ барскаго стола, а я не привычна. Рябчикъ былъ, поразбиралась—однѣ косточки; желе тоже: сладко, душисто, а возьмешь въ ротъ — и нѣтъ ничего. Ъла, ѡла, все голодна.

Подъ вечеръ Катерина Ивановна, компаньонка, приходитъ, а я примолкла, сижу въ уголкѣ. Говорить:

— Алена, ты не скучаешь-ли? — Я заплакала.

— Ты что же, стало быть, не хочешь служить?

— Нѣтъ, говорю, хочу, да мнѣ скучно.

— Отчего же скучно?

— Ъсть, говорю, хочется.

— Развѣ тебѣ не приносили ѣдать?

— Приносили, да я этого не хочу.

— Такъ чего же тебѣ хочется?

А я и сама не знаю—чего.—Капусты бы мнѣ, говорю.

Послала она въ людскую за капустой, отыскивали капусты, подали. Поѣла, а все не легче. Еще ночь прошла, и на утро сижу, плачу. Приходить Катерина Ивановна.

— О чемъ же опять?

А я боюсь сказать, что скучаю, и не знаю, что выдумать.

— Рѣдьки бы мнѣ, говорю.

Поглядѣла она, усмѣхнулась.

— Не къ отцу-ли тебѣ надо, вѣрнѣй?

У меня слезы такъ и брызнули.

— Хорошо, говорить, я переговорю съ графиней.

Графиня, — царство ей небесное! Точно добрая была барыня, — ни сколь на меня не разсердилась, домой приказала отвезти, и платья даже мнѣ отдала. Ну вотъ, я и рада: къ отцу ѣду и платья со мной нарядныя.

Она остановилась. Другая бабушка тихо улыбалась, видимо, отдаваясь воспоминаніямъ. Я поняла, что въ подругѣ своей молодости она видитъ теперь не эту сморщенную, худую старуху, а прежнюю, полную красы и здоровья, дѣвушку.

— Любила ты нарядиться, и пѣсню спѣть, и проплясать, — вымолвила она съ чувствомъ. — Даромъ, что изъ бѣднаго мѣста, а безъ тебя на селѣ хороводъ не заводился.

— Да, я такая рѣзвая росла, веселая. А что въ бѣдности, это точно.

— Отчего же? — спросила я. — Расскажи еще что-нибудь о себѣ, бабушка.

— Въ бѣдности оттого, барышня, что работать некому: я мала, отецъ худъ. Графиня наша скончалась въ тотъ же годъ и насъ съ отцомъ отпустили обратно въ деревню. А тамъ, конечно, хозяйство за-ново собирать надо. Перебивались кое-какъ: отецъ иной день по міру ходилъ, — меня-то онъ не пускалъ, чтобъ не избаловалась. Потомъ я подросла, легче жить стало; работать я научилась какъ слѣдуетъ, съ косою отъ мужиковъ не отставала, и сила у меня была. Играть-ли, пѣть-ли, — на все была задорна. Посваталъ меня женихъ изъ дальняго села: верстъ за двадцать пріѣхали сватать. Нахвалили имъ кто-то меня и не посмотрѣли они на сиротство, да на бѣдность. Умное было все семейство: сынъ одинъ, — по Питеру; проживалъ въ каменщикахъ, а старики старые, свекоръ со свекровкой, земли много. Батюшка радъ; свадьбу играли въ мясобѣдъ, а къ Пасхѣ мужъ въ Питеръ уѣхалъ; я одна со стариками осталась. Думала: какъ привыкать будетъ? Вѣдь, я имъ не родное дитя, опять же изъ бѣдности взята.

Вотъ приходитъ весна, люди на поле выѣхали. Пошелъ и нашъ старикъ съ вечера налаживать соху; налаживается, самъ охаетъ:

— Опять моя бѣда пришла! Какъ мнѣ, старому, работу управить? Кости болятъ... нѣтъ у меня замѣны.

На утро лапти обулъ, лошадь запрягъ подъ навѣсомъ, — тутъ я и выхожу.

— Батюшка, говорю, — уставъ соху, я пахать поѣду.

— Что ты, въ умѣ-ли, говорить.

— Я, говорю, дома пахала. — У нихъ, видите, въ сторонѣ не пахутъ женщины, у насъ-то пахутъ завсегда.

Дивится старикъ. «Ну, говорить, поѣзжай». Я выѣхала на поле, а молода была, устатку не чуяла, и лошадь была хорошая, — бороздку за бороздкой только отваливаю. Солнышко ужъ высоко стоитъ, полдничать время и Карька мой морду оборачиваетъ, сѣна просить. Собра-

лась домой и увидала: свекоръ на кочкѣ сидить у кустовъ и плачетъ.

— О чемъ ты, батюшка?—спрашиваю.

— На тебя гляжу, доченька. На старости мнѣ Богъ замѣну послалъ.

Всѣ три пашни мы съ Карькомъ справили. Съ тѣхъ поръ старики на меня не насмотрятся. Года черезъ два померла моя свекровка, а мужъ изъ Питера домой воротился, и я стала большничать въ семьѣ... Мужъ до меня, добрый былъ. Что задумаетъ сдѣлать, всегда все мнѣ скажетъ: Алена, какъ по твоему?

— Гдѣ же онъ теперь? Живъ?

— Живъ, дома остался.

— Какъ ты, я думаю, любишь своего мужа, бабушка?

— Теперь-то нѣтъ, не люблю,—преспокойно отвѣтила она.

— Что ты говоришь!—пришла я въ ужасъ.—И онъ тебѣ не дорогъ, — мужъ?!

— Кто говорить, не дорогъ! Вотъ и здѣсь изъ ума не выходить, что некому за нимъ приглядѣть безъ меня, въ праздникъ некому рубашки заштопать: невестка хотѣ и заштопаетъ, все не какъ я... А любить ужъ гдѣ же, не люблю, стара. Дѣти женатые...

— А теперь, бабушка, ждутъ тебя дома?

— Какъ не ждать? Сынъ и невестка недавно еще полотенце прислали, да письмо, чтобы ворочалась какъ можно скорѣй, а внучата, тѣ, поди, кажинный денекъ считаютъ, скоро-ли съ бабушкой въ лѣсокъ по грибы, да по ягоды побѣгутъ... Оно бы и воротиться пора: вовсе прошла моя хворость. Да нельзя мнѣ скоро-то: пѣшкомъ не велитъ директоръ идти, а нанимать подводу дорого,—ужли еще дѣтямъ на меня, старуху, изъясниться? Вотъ дождусь парохода—любо: къ самому селу подвезутъ, какъ здѣсь, на Фонтанкѣ. Больно дешево!

Она такъ и сдѣлала. Товарка ея, добренькая старушка

съ красными глазами, не выдержала: наняла подводу. А она осталась на всю весну: въ казенномъ, чудовищномъ салопѣ ходила въ церковь на страстной и святой недѣлѣ, проводила выздоровѣвшую и чуть не обезумѣвшую отъ радости возвращенія домой—Любу, проводила многихъ другихъ, насмотрѣлась сама, какъ слѣдуетъ ходить за больными «по ученому», съ тѣмъ, чтобы дома прилагать, гдѣ можно, свои новыя знанія, — и съ первымъ пароходомъ уѣхала на родину. Дѣтей не ввела въ изъяснѣ...

А. Купрянова.

ОБО ВСЕМЪ.

(Критическія замѣтки).

Новый романъ г. Боборыкина—«Изъ новыхъ».

Выдающимися литературными явленіями перваго полугодія можно считать романъ Боборыкина «Изъ новыхъ» и рядъ статей Глѣба Успенскаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», подъ общимъ названіемъ «Мы», т.-е мы—русскіе, похваляющіеся своими превосходствами передъ другими націями. Оба эти произведенія выдавались, впрочемъ, изъ ряда другихъ по совершенно различнымъ причинамъ. Фельетонъ Гл. Успенскаго полонъ живыхъ мыслей, обобщеній, глубокой любви къ родинѣ, любви мучительной, полной страстной боли и тоски. Этотъ фельетонъ наводитъ на множество мыслей и новыхъ обобщеній относительно русской жизни и текущихъ событій. Что же касается романа г. Боборыкина, то онъ выдается... какъ наглядный образчикъ поразительныхъ недостатковъ того направленія въ искусствѣ, которое, считая своими основателями Флобера и Зола, называетъ себя реализмомъ, но, въ дѣйствительности, не имѣетъ ничего общаго съ истиннымъ реализмомъ, какъ мы его знаемъ, напр., въ произведеніяхъ Гоголя, Гончарова и особенно Толстого. На романъ г. Боборыкина особенно легко показать недостатки этого направленія, ибо эти недостатки направленія тутъ не скрываются ни за могучій талантъ, какъ у Зола, ни

за огромную эрудицію, какъ у Флобера. Прежде всего, въ произведеніи нашего російскаго псевдореалиста поражаетъ то, что хотя онъ пишетъ и обширный романъ, со множествомъ лицъ, съ массой самыхъ точныхъ и тонкихъ внѣшнихъ наблюденій, захватывающихъ, повидимому, цѣлую полосу жизни, но когда вы окончите этотъ романъ, весьма искусно написанный во внѣшнемъ отношеніи, у васъ не останется ничего: ни одной мысли, ни одного обобщенія, даже ни одного яснаго и вполне опредѣлившагося типа. И этого мало, что самъ авторъ, повидимому, не имѣлъ никакой опредѣленной и сколько-нибудь интересной мысли о жизни, изображаемой имъ (если бы такая мысль была, она была бы ясна и читателю), мало этого: при всемъ нашемъ желаніи осмыслить романъ Боборыкина, почерпнуть изъ него какой-либо новый, не избитый выводъ или даже типъ, мы этого сдѣлать не въ силахъ. Оно такъ и слѣдуетъ по теоріи псевдо-реализма: романъ есть лишь собраніе человѣческихъ документовъ, а къ чему они послужатъ—писателямъ этого рода нѣтъ дѣла. Главная цѣль этого направленія—вѣрно списать «натуру», но это почти то же, что нарисовать рядъ портретовъ съ живыхъ лицъ, послужившихъ невольными натурщиками. И вотъ почему выведенныя г. Боборыкинымъ лица нарисованы съ такою тщательностью, что, пожалуй, ему позавидовалъ бы любой заурядный портретистъ, гоняющійся только за внѣшнимъ сходствомъ. Давно уже извѣстно, что г. Боборыкинъ рисуетъ въ своихъ романахъ не типы а портреты; это не романистъ и даже не талантливый портретистъ, дающій и въ портретѣ типъ, а портретистъ заурядный, который рабски копируетъ внѣшнія черты оригинала, не задаваясь даже вопросомъ: зачѣмъ онѣ и какое отношеніе имѣютъ къ цѣлому. Такъ, г. Боборыкинъ записываетъ малѣйшіе признаки и особенности въ чертахъ лица, въ манерахъ, въ голосѣ того или другаго лица. За примѣромъ ходить не далеко: напр., въ томъ же ро-

манѣ выведенъ подъ именемъ князя одинъ молодой аристократъ, который описанъ съ такою буквальною точностью, что не забыта даже такая особенность, что у него одинъ глазъ слезится.

Конечно, читатель, не знакомый съ лицомъ, съ котораго списалъ г. Боборыкинъ своего князя, не найдетъ никакого смысла въ этомъ слезящемся глазѣ: какое отношеніе имѣетъ этотъ глазъ къ характеру лица, ко взглядамъ героя и т. п. И, конечно, ни одинъ мудрецъ не догадается, а ларчикъ открывается просто: это записаны всѣ особыя примѣты живаго человѣка, и если бы у него не слезился глазъ, а, напр., была на носу бородавка, авторъ описалъ бы и ее, и сосчиталъ бы даже число волосковъ, въ силу той теоріи, что романъ долженъ быть протоколомъ, а въ протоколахъ, какъ доказало дѣло Сары Беккеръ, волосокъ иногда играетъ великую роль.

Нужно-ли говорить, что манера, голосъ, ростъ, произношеніе, все это также «срисовано» съ подлинника и имѣетъ такой же смыслъ, какъ число волосковъ на бородавкѣ. Но нельзя же въ романѣ описывать только наружность. Должно же быть и дѣйствіе, а для этого нужно же дать герою «качества» и вотъ кое-что извѣстное г. Боборыкину по слухамъ, отчасти по разговору съ оригиналомъ въ теченіи какого-нибудь получаса, онъ вклеиваетъ въ романъ. Такъ, герой является у него поклонникомъ идей одного знаменитаго нашего писателя, онъ заботится о распространеніи этихъ идей, а въ силу этого, авторъ старается изобразить въ его лицѣ нѣкоторые изъ идей вышеупомянутаго писателя,—конечно, насколько ихъ понялъ самъ г. Боборыкинъ. Такъ, молодой аристократъ, живя у себя въ деревнѣ, ѣстъ кушанья изъ людской, ибо г. Боборыкинъ слышалъ, что знаменитый писатель проповѣдуетъ мужицкую простоту; герой учитъ грамотѣ ребятишекъ, ибо г. Боборыкинъ знаетъ, что знаменитый писатель пишетъ для народа. Далѣе, герой не понимаетъ, чего отъ него хочетъ

красивая свѣтская дама, чуть не насильно врывающаяся къ нему, и едва не вѣшающаяся ему на шею при первой встрѣчѣ. Эта черта, конечно, дана потому, что знаменитый писатель проповѣдуетъ чистоту брака и отношеній къ женщинѣ; г. Боборыкинъ, конечно, воображалъ очертить цѣлое направление этими смутными, взятыми наугадъ, чертами; впрочемъ, онъ еще добавилъ отъ себя нѣсколько совершенныхъ нелѣпостей, которыя онъ заставляетъ продѣлывать несчастнаго князя.

Ниже мы покажемъ, какъ авторъ додумался до приписыванія своему герою всѣхъ этихъ нелѣпостей, теперь же осмотримъ путь, который мы прошли. Мы видѣли, изъ какихъ элементовъ создается реалистическій романъ: это, во-первыхъ, внѣшніе портреты живыхъ людей; во-вторыхъ, нѣсколько уловленныхъ по слухамъ или изъ случайнаго разговора свѣдѣній о мысляхъ, дѣятельности и направленіи лица, и, наконецъ, въ третьихъ, то, къ чему мы теперь и должны перейти, это именно то, что реалисты называютъ въ романѣ «дѣланіемъ опытовъ», какъ въ наукѣ, изволите-ли видѣть. Наука строится на опытѣ и наблюденіи, и романъ тоже: въ первыхъ двухъ пунктахъ было наблюденіе, въ третьемъ будетъ опытъ. Но какъ же дѣлать опытъ надъ человѣкомъ? Вѣдь, его не помѣстишь въ реторту, подобно химическому тѣлу. О, это особый опытъ: надо взять (въ воображеніи) человѣка и ставить его (въ воображеніи же) въ разныя условія и положенія. Это и есть опытъ, такъ и поступаетъ г. Боборыкинъ. Запасшись изъ (мы видѣли какихъ) «наблюденій» нѣкоторымъ представленіемъ о человѣкѣ, онъ его ставитъ въ разныя положенія. Вернемся опять къ тому же герою. Г. Боборыкинъ, какъ мы уже сказали, изображаетъ своего героя совершенно незонимающимъ ухищреній опытной и развращенной красавицы-кокетки. Но затѣмъ автора заинтересовалъ вопросъ: а что, если бы она посильнѣе приударила? Мня себя психологомъ, онъ сообразилъ, вѣроятно,

что не можетъ же молодой, здоровый юноша не увлечься, въ концѣ концовъ, красивою женщиной, чуть не вѣшающею ему на шею. А что убѣжденія у него не такія, это пустяки: убѣжденія одно, а баба хорошенькая—другое. И вотъ, тотъ же самый герой вдругъ, ни съ того, ни съ сего, увлекается до такой степени этою же самою барыней, что на балу у своей матери забываетъ и игнорируетъ свою невѣсту, пьетъ при всѣхъ шампанское съ очаровательно развратницей, однимъ словомъ, ни съ того, ни съ сего проявляетъ въ одной главѣ наклонности совершенно противоположныя тѣмъ, которыя ему приписаны въ предыдущихъ главахъ. Но и это еще не все. Что же онъ будетъ дѣлать дальше?—думаетъ авторъ, и рѣшаетъ: на другой день князь вдругъ исполняется раскаяніемъ за свои грѣшныя мысли о чужой женѣ, ѣдетъ къ ея мужу и кается ему, что взиралъ на его супругу, вопреки десятой заповѣди, съ коварнымъ желаніемъ!!

Вамъ ясно теперь, какъ г. псевдо-реалисты, на собственныхъ догадки,—иногда довольно тупоумныя, — объ идеяхъ и направленіи какого-нибудь лица, напояливаютъ свой собственный психологическій опытъ (если хорошенькая женщина за тобой ухаживаетъ, то нельзя не соблазниться), а въ заключеніе на этой чисто-субъективной, психологіи строятъ рядъ дальнѣйшихъ нелѣпыхъ выводовъ, которые навязываютъ герою. Это и называется въ кодексѣ французскаго «реализма» художественнымъ опытомъ, о которомъ мы говорили, т.-е. этимъ выполняется правило: взять извѣстное лицо и вообразить его въ разныхъ положеніяхъ. Это-де есть «опытъ», въ родѣ научнаго. Вы лучше всего видите на приведенномъ примѣрѣ, что подобный опытъ менѣе всего напоминаетъ научный, ибо автору приходится судить о поведеніи героя въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ совершенно произвольно и субъективно; такъ, мы видимъ, что онъ навязываетъ своему герою совершенно непонятную въ ти-

пахъ этого рода похотливость, судя, быть можетъ, по случайному или даже собственному опыту, и забывая, что не всѣ же люди одинаково устроены и одинаково слабы по этой части. По крайней мѣрѣ, съ другими чертами героя (повидимому, болѣе достовѣрными, т.-е. написанными по слухамъ) совершенно не вяжутся эти авторскія измышленія.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить то почти аскетическое погруженіе въ идею, которое описывается въ началѣ, погруженіе, заставляющее князя почти не слышать и не видѣть того, что дѣлается кругомъ; какъ примирить это почти фанатическое, не на словахъ, а на дѣлѣ, поклоненіе идеалу любви, всепрощенія, бѣдности; это стремленіе служить народу, — какъ все это примирить съ моментально загорающеюся страстью, совершенно безпричинною и не обоснованною? Если бы дѣло шло о юношѣ менѣе свѣтскомъ по своему воспитанію, средѣ, привычкамъ, если бы это былъ не князь, не аристократъ, а какой-нибудь обыкновенный студентъ или бѣдняга-писатель, котораго неожиданно приласкала красивая свѣтская кокетка, дѣло было бы еще понятнѣе: новизна типа, неизвѣстнаго бѣднягѣ, очарованіе непривычной свѣтскости и утонченности могли бы еще объяснить намъ такое увлеченіе, какъ оно, на примѣрѣ, объяснимо у Базарова, увлекшагося Одинцовой. Да и Базаровъ увлекся Одинцовой болѣе потому, что держался возрѣній, въ силу которыхъ развлекаться такимъ образомъ съ бабенками считается чуть не долгомъ мыслящаго «реалиста», понявшаго суть жизни. Будь на мѣстѣ Базарова какой-нибудь Рахметовъ и уже дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ, въ силу иныхъ возрѣній Рахметова на любовь и отношенія къ женщинѣ. Рахметовъ могъ бы увлечься, быть можетъ, и пустою женщиною, ибо мало-ли чего не можетъ случиться съ человѣкомъ, но въ этомъ увлеченіи не могла бы играть роль одна только чувственность, это была бы какая-нибудь особая, роковая страсть,

съ совершенно особыми условіями и причинами, а слѣдовательно, пройти въ одинъ, въ два дня она бы не могла. Но князь въ романѣ Боборыкина, это лицо именно Рахметовскаго типа, по своему аскетизму и ригоризму, но, видимо, г. Боборыкинъ о типѣ вовсе и не подумалъ. А сообразить онъ не хотѣлъ, что идеи, если онѣ охватываютъ личность такъ, какъ они охватили князя, т.-е. почти до аскетизма, должны же были имѣть почву въ душѣ, т.-е. въ характерѣ героя. Не мало людей держатся идей евангельскихъ, но тѣ изъ нихъ, которые доходятъ при этомъ до состоянія, въ какомъ мы видимъ князя, конечно, личности исключительныя, и эта исключительность зависитъ, разумѣется, отъ особаго склада характера такихъ людей, способныхъ отдаваться идеѣ до самозабвенія. Въ рецептахъ Зола нѣтъ предписаній на счетъ того, какъ изготовлять типы, да и нельзя на это составить рецептовъ (на подобіе рецепта обѣдовъ или подарка молодымъ хозяйкамъ), для этого нуженъ или талантъ, или умъ способный къ синтезу и глубокому проникновенію въ жизнь, это и есть наиболѣе важная способность великихъ художниковъ, она безсознательно дѣйствуетъ и въ самомъ Зола. Но за то у лицъ, пишущихъ по его рецептамъ, вы, конечно, не найдете ни малѣйшаго пониманія — что такое типъ. Мы можемъ подтвердить это другимъ примѣромъ: героиня романа, г-жа Рынина, та самая обольстительная кокетка, о которой мы уже упоминали, въ началѣ романа ненавидитъ мужчинъ и даже брыкается ногой какого-то владѣтельнаго принца, который, стоя на колѣняхъ, объясняется ей въ любви. И эта же самая ненавистница мужчинъ выходитъ замужъ за некрасиваго, угреватаго, бѣднаго офицера-карьериста, не только не любя его, но ненавидя и презирая его; мало этого: она, львица заграничныхъ курортовъ, особа вполне «эманципированная», позволяетъ ему всячески насиловать себя, тратитъ значительную часть своего капитала на покупку его родоваго имѣнія, отъ

души ненавидя это имѣніе, какъ и всю Россію! Извольте сопоставить все это и вынести понятіе о такомъ «типѣ». Этого мало: львица, брыкнувшая блестящаго принца, соблазняетъ на водахъ въ Липецкѣ какого-то гимназиста и доигрывается съ нимъ до скандала; а затѣмъ, до безумія, до покушенія на убійство увлекается вышеописаннымъ княземъ, который въ рассказѣ г. Боборыкина является идиотомъ. Если г. Боборыкинъ хотѣлъ нарисовать психопатку, у которой нѣтъ никакого характера, а лишь одни порывы (а это возможно, ибо отецъ у этой барыни сумасшедшій, а, какъ извѣстно, Зола въ своихъ романахъ проводитъ законъ наслѣдственности, стало быть, и г. Боборыкину нужно проводить законъ наслѣдственности), и такъ, если г. Боборыкинъ хотѣлъ «провести» законъ наслѣдственности въ романѣ, то ему слѣдовало бы проводить его до конца, а между тѣмъ, въ концѣ, перебѣсившись, героиня становится наипрактичнѣйшею дамою, рѣшается бѣжать съ мужемъ въ провинцію губернаторшей, содѣйствовать его административной карьерѣ и пр. Должно быть, ларчикъ и здѣсь открывается такъ же просто, какъ и относительно князя, т.-е., вѣроятно, эта героиня сложена по тому же псевдо-реалистическому рецепту: т.-е. сперва «списанъ» съ кого-нибудь портретъ, до родимыхъ пятнышекъ включительно, затѣмъ собраны кое-какіе слухи о поведеніи, а въ заключеніе продѣлывается научный «опытъ»: дама воображается, во-первыхъ, замужемъ за ненавистнымъ человѣкомъ, во-вторыхъ, въ столкновеніи съ фанатикомъ «изъ новыхъ» и пр., и пр. Вѣроятно, и въ этомъ опытѣ дама поступаетъ, какъ и князь ранѣе, по личному случайному самого автора, иначе трудно объяснить, почему и она отличается тѣми же свойствами, какъ и князь, когда дѣло идетъ объ особахъ другаго пола, т.-е. то брыкается, то сходится съ ума отъ страсти, и вся состоитъ изъ противорѣчій.

По этимъ двумъ героямъ можете судить и о другихъ.

Мы болѣе разбирать героевъ г. Боборыкина не намѣрены, а зададимъ въ заключеніе вопросъ: есть-ли и даже можетъ ли быть какой бы то ни было смыслъ въ романахъ, написанныхъ по такимъ рецептамъ? Что они намъ даютъ, или точнѣе, что могутъ они дать? Рядъ портретовъ, интересныхъ развѣ для близкихъ знакомыхъ; рядъ свѣдѣній объ этихъ портретахъ, почерпнутыхъ изъ слуховъ и сплетень, и, наконецъ, рядъ выдумокъ, изобрѣтенныхъ авторомъ, о походеженіяхъ этихъ портретовъ, — выдумокъ, построенныхъ на той великой и новой психологической истинѣ, что всѣ люди способны влюбляться во всякую дрянь! Какой же выводъ, какая идея можетъ быть въ такомъ романѣ или можетъ быть изъ него выведена? Ровно никакой. Для чего же все это пишется, печатается, набирается, читается?

Могу сказать одно, что дамы, и особенно провинціальныя должны были читать этотъ романъ съ восторгомъ и съ великою благодарностью его автору. Дѣло въ томъ, что г. Боборыкинъ свою протокольность направилъ, между прочимъ, на самое точное росписаніе костюмовъ у дамъ, и едва-ли не пятая часть романа посвящена критическимъ замѣткамъ, какой костюмъ, какой фасонъ, отъ какой модистки въ Парижѣ или Гамбургѣ приличенъ и какой неприличенъ. Это, во-первыхъ, можетъ замѣнять провинціальнымъ дамамъ выписываніе «Моднаго магазина», «Вазы» и т. п. модныхъ журналовъ, во-вторыхъ, это замѣняетъ модныя картинки нѣкогда прикладывавшіяся даже къ толстымъ журналамъ.

Кромѣ того, у г. Боборыкина множество описаній обѣдовъ, ужиновъ, винъ, ликеровъ и т. п., съ поясненіемъ (конечно, изъ устъ кого-либо изъ дѣйствующихъ лицъ) какъ нужно держать себя въ свѣтѣ и во что одѣваться. Это можетъ замѣнить отчасти книгу «Домашній столъ» или «Опытная хозяйка», отчасти книжку о томъ, какъ себя держать въ обществѣ. Что же? Очень полезно! И

вотъ на что новѣйшій псевдо-реализмъ свелъ искусство! Это—сразу описаніе моды, обѣденная книга и книга приличій.

Для будущаго человѣчества это искусство, пожалуй, можетъ послужить документомъ или протоколомъ, но только документомъ того невыразимаго паденія искусства, до котораго оно дошло во второй половинѣ XIX вѣка, въ лицѣ такихъ рабскихъ подражателей «французамъ», какъ г. Боборыкинъ, и въ лицѣ массы ему подобныхъ. Впрочемъ, есть даже подражатели непосредственно самому г. Боборыкину!

Какимъ контрастомъ послѣ такого романа является свѣжій, полный жизни, наблюденій, чувствъ и ума фельетонъ Гл. Успенскаго, о которомъ мы упомянули въ началѣ, но о немъ мы поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ.

Созерцатель.

НАУЧНЫЕ РЕФЕРАТЫ.

Свѣченіе у наѣдомыхъ.

По работамъ Дюбуа.

Читателю, вѣроятно, приходилось видѣть въ лѣсахъ такъ называемыхъ свѣтляковъ. Его, конечно, занималъ вопросъ: откуда является свѣтъ у этихъ крохотныхъ существъ? Свѣтъ, въ нашемъ ежедневномъ опытѣ, до того нераздѣленъ съ теплотой, что и свѣченіе наѣдомыхъ, съ перваго взгляда, кажется, не можетъ обходиться безъ теплоты; многіе, по крайней мѣрѣ, боятся взять въ руки свѣтляка, ожидая обжoga; другіе наивно спрашиваютъ, видя, что вы держите свѣтляка, не горячс-ли вамъ. Но и въ ученomъ мѣрѣ о причинахъ свѣченія различныхъ породъ свѣтящихся животныхъ извѣстно еще очень мало. Въ июльскомъ номерѣ нѣмецкаго журнала «Humboldt» мы находимъ небольшой рефератъ о работахъ по этому вопросу французскаго физиолога Рафаэля Дюбуа. Онъ посвятилъ обширную диссертацию такъ называемымъ Элатеридамъ, и особенно американскому виду *Pyrophorus Noctilucus*. У этихъ свѣтящихся жучковъ свѣтятся даже личинки въ то время, когда еще находится въ яичникѣ. У совершенно молодой личинки замѣчается свѣченіе только послѣ предварительнаго раздраженія, которое можетъ быть вызвано или механически, или электричествомъ, или теплотой. Свѣтъ у выростающей личинки исходитъ изъ опредѣленныхъ пунктовъ задней части брюшка, а именно изъ трехъ свѣтящихся, находящихся на одномъ членикѣ (одинъ въ серединѣ, два по бокамъ). Напротивъ, образовавшійся жучекъ обладаетъ двумя свѣтящимися органами: передъ грудью и въ серединѣ нижней стороны перваго задняго брюшнаго кольца. Эти органы, когда они не свѣтятъ, представляются въ видѣ желтовато-бѣлыхъ пятенъ, которыя окружены только болѣе бѣлымъ мѣлоподобнымъ ободкомъ. Они образованы

изъ значительнаго числа клѣточныхъ цилиндровъ, которые расширяются на подобіе зонтиковъ,

Свѣтъ зеленоватый и обладаетъ достаточнымъ числомъ химическихъ ¹⁾ лучей, чтобы его можно было фотографировать. Опытъ такого фотографированія приложенъ къ работѣ Дюбуа.

Въ свѣтящихся клѣточкахъ происходитъ гистолитическій процессъ, сопровождающійся значительнымъ образованіемъ двояко-преломляющихъ кристалловъ гуанина. Сопоставленіе возникновенія этихъ кристалловъ съ развитіемъ свѣта и его особенными оптическими свойствами позволяетъ заключить, что животное свѣченіе вызывается кристаллизацией. Съ другой стороны, Дюбуа установляетъ различные факты, позволяющіе думать, что производящее свѣтъ вещество есть бѣлковое вещество, которое вступаетъ въ взаимодействіе съ другимъ, діастазеподобнымъ (ферментоподобнымъ, или образующимъ броженіе) веществомъ, часть энергіи, освобождающейся при этомъ, развивается въ форму свѣта.

Что животное руководится въ своихъ движеніяхъ свѣтомъ, выдѣляющимся изъ него, можно доказать тѣмъ, что одинъ изъ грудныхъ аппаратовъ заклеиваютъ воскомъ. Послѣ этого насекомое движется въ одну сторону, такъ что описываетъ кривую линію. Если заклеить оба фонарика, то животное начинаетъ двигаться медленно и неправильно; оно ползетъ то въ право, то въ лѣво, поводитъ вокругъ щупальцами и, наконецъ, останавливается. Свѣтящійся органъ, находящійся подъ брюшкомъ, начинаетъ дѣйствовать только тогда, когда насекомое поднимается на воздухъ.

Свѣтящаяся тысяченожка, найденная Дюбуа вблизи отъ Гейдельберга, принадлежитъ къ виду *Scolioptanes crassipes*. Это животное находятъ или свободно бродящимъ, или прячущимся подъ травой, землей и опавшими листьями. Свѣтъ его зеленоватый, какъ свѣтъ фосфора, и этотъ свѣтъ исходитъ не изъ опредѣленныхъ мѣстъ, какъ у свѣтящагося жучка, а все тѣло кажется свѣтящимся, исключая головы. Источника свѣта надо искать въ кишечномъ каналѣ. Отъ поверхности кишекъ отдѣляются большія клѣтки, которыя, очевидно, находятся въ состояніи дегенерации и содержатъ большое количество кристалловъ гуанина, вызывающаго свѣтотыя явленія. Свѣтящееся вещество постоянно

---

¹⁾ Химическими лучами, называются такіе лучи спектра, которые производятъ въ тѣхъ или другихъ веществахъ извѣстныя химическія измѣненія хотя при этомъ самыя лучи могутъ быть невидимы.

выбрасывается изъ кишекъ и остается позади животнаго по его пути, гдѣ оно еще короткое время продолжаетъ свѣтиться. Преній взглядъ, что тысяченожки свѣтятся только послѣ того, какъ онѣ были предварительно выставлены на свѣтъ, по словамъ Дюбуа, ошибоченъ. Свѣщеніе усиливается съ возрастающею жизненностью этого животнаго, и когда его возбуждаютъ, желая поимать, оно свѣтится особенно прекрасно, выделяя въ то же время большее количество свѣтящагося вещества.

Дюбуа изслѣдовалъ также свѣтящееся вещество, выделяемое *Liruga armata*. Вещество это имѣетъ кислую реакцію и продолжало еще сильно свѣтить на лакмусовой бумажкѣ, на которой животное было раздавлено, даже и послѣ того, когда это вещество было смѣшано съ слабою кислую жидкостью, тогда какъ пары нашатырнаго спирта тотчасъ заставляли свѣтъ исчезать. Тѣлце этихъ насѣкомыхъ наполнено неправильно очерченными шариками (*lobules*), которые образуютъ выдающіеся точки на частяхъ лежащихъ къ наружи по верхней поверхности и бокамъ каждаго кольца. Лежащія внутри шариковъ клѣтки представляютъ неправильныя очертанія и отсутствіе видимой оболочки; онѣ находятся въ состояніи дегенерации и содержатъ кучки кристалловъ, которые соотвѣтствуютъ кристалламъ вышеописанныхъ пирофоръ, а также кристалламъ кишечнаго канала у тысяченожекъ.

Методъ Пастера передъ судомъ англійскихъ ученыхъ.

Пастеровскій методъ предохранительной прививки бѣшенства, встрѣченный одними съ такимъ довѣріемъ и восторгомъ, нашелъ также и рьяныхъ противниковъ, не только отрицавшихъ научное значеніе открытія Пастера, но даже доходившихъ до обвиненія самого Пастера въ шарлатанствѣ. Мы не будемъ говорить о томъ, всегда-ли одни научныя соображенія руководили этими страстными противниками Пастера, но не можемъ не замѣтить, что ихъ доводы часто отличались болѣе задоромъ, чѣмъ научными достоинствами.

Но все-таки разногласіе относительно значенія метода Пастера существуетъ, и даже между противниками этого метода встрѣчаются люди, пользующіеся заслуженною научною извѣстностью (напримѣръ Бильротъ). Въ виду всего этого, большое значеніе имѣетъ отчетъ комисіи англійскихъ ученыхъ, образо-

ванной Чемберленомъ, когда онъ былъ членомъ министерства Гладстона. Безпристрастіе и компетентность этихъ судей въ сомнѣніи. Вотъ составъ этой комисіи: Предсѣдатель Джемсъ Паджетъ. Члены: Бёртонъ, Флемингъ, Листеръ, Куэвъ, Роско и Бёрденъ Сандерсонъ. Секретарь Викторъ Горсли.

Имена Листера и Роско, вѣроятно, извѣстны всѣмъ нашимъ читателямъ.

Мы даемъ читателямъ переводъ этого отчета, адресованнаго на имя преемника Чемберлена.

II. Меніевскій.

Сэръ! Согласно инструкціямъ, даннымъ письмомъ вашего предшественника, высокопочтеннаго Жозефа Чемберлена, отъ 12 апрѣля 1886 г., при назначеніи насъ въ комитетъ для изслѣдованія пастеровскаго способа лѣченія бѣшенства, — мы просимъ дозволенія представить вамъ нижеслѣдующій отчетъ.

Для разрѣшенія вопросовъ, затронутыхъ изслѣдованіемъ, мы нашли необходимымъ, чтобы нѣкоторые члены нашего комитета, совмѣстно съ секретаремъ Викторомъ Горсли, посѣтили Парижъ и, такимъ образомъ, получили свѣдѣнія отъ самого Пастера, наблюдали его методъ лѣченія и изслѣдовали значительное число сдѣланныхъ прививокъ; затѣмъ, чтобы г. Горсли былъ сдѣлалъ рядъ тщательныхъ опытовъ, выясняющихъ вліяніе прививки на низшихъ животныхъ.

Опыты г. Горсли вполне подтвердили пастеровское открытіе метода, посредствомъ котораго животное можетъ быть защищено отъ зараженія бѣшенствомъ. Общіе факты, установленные ими, могутъ быть изложены такимъ образомъ:

Если собака, кроликъ или другое животное будетъ укушено бѣшеною собакой и умереть отъ бѣшенства, то изъ его спиннаго мозга можно добыть вещество, которое, будучи привито здоровой собакѣ или другому животному, вызоветъ бѣшенство, подобное тому, какое произошло бы отъ непосредственнаго укушенія бѣшенымъ животнымъ, или отличающееся отъ послѣдняго только тѣмъ, что инкубационный періодъ между прививкой и появленіемъ характеристическихъ симптомовъ бѣшенства можетъ быть измѣненъ.

Бѣшенство, переданное такимъ образомъ черезъ прививку, можетъ быть передано посредствомъ подобныхъ же прививокъ цѣлому ряду кроликовъ, причемъ происходитъ замѣтное увеличеніе интенсивности.

Но заразный яд спинного мозга кролика, умершего от привитаго бешенства, можетъ быть такъ ослабленъ посредствомъ высушиванія мозга, что послѣ нѣсколькихъ дней сушенія онъ можетъ быть введенъ въ организмъ здороваго кролика, или другаго животнаго, не подвергая его ни малѣйшей опасности быть зараженнымъ бешенствомъ.

Употребляя же въ каждый послѣдующій день ядъ спиннаго мозга, подвергавшагося сушенію въ теченіи болѣе короткаго періода, чѣмъ тотъ, въ теченіи котораго сушили предыдущую порцію яда, животное можетъ быть почти навѣрное предохранено отъ бешенства, грозитъ-ли оно вслѣдствіе укушенія бешеною собакой или другимъ животнымъ, или вслѣдствіе какой-нибудь прививки.

Дѣйствительность этого предохраненія отъ бешенства можетъ быть доказана тѣмъ обстоятельствомъ, что при укушеніи одною и тою же бешеною собакой нѣсколькихъ животныхъ, предохраненныхъ подобнымъ образомъ, и нѣсколькихъ другихъ, не предохраненныхъ, ни одно животное изъ первой группы не погибнетъ отъ бешенства, и, за рѣдкимъ исключеніемъ, вся вторая группа погибнетъ отъ этой болѣзни, (none of the first set will die of rabies, and, with rare exceptions, all of the second set will so die).

Поэтому, можно считать достовѣрнымъ, что Пастеръ открылъ способъ предохраненія отъ бешенства, подобный тому, какимъ является вакцинація противъ зараженія оспой. Было бы трудно переоцнить значеніе этого открытія, какъ съ точки зрѣнія его практической полезности, такъ и съ точки зрѣнія его примѣненія къ общей патологіи. Оно вводитъ новый приемъ прививки, или, какъ выражается иногда Пастеръ, вакцинаціи, подобный которому можно будетъ, вѣроятно, употреблять для предохраненія людей и домашнихъ животныхъ отъ другихъ наиболѣе сильныхъ заразныхъ болѣзней.

Еще неопредѣлено, какъ великъ періодъ, въ теченіе котораго прививка дѣлаетъ животное неспособнымъ заразиться бешенствомъ; но въ теченіи двухъ лѣтъ, прошедшихъ со времени введенія этого способа, не случилось ничего, указывающаго на ограниченіе этого періода.

Очевидность того факта, что посредствомъ подобной прогрессивной прививки животное можетъ быть защищено отъ бешенства, внушила Пастеру мысль, что и въ томъ случаѣ, если животное или человѣкъ, незащищенные прививкой, будутъ укушены бешеною собакой, роковое вліяніе заразнаго яда можетъ быть

предотвращено своевременнымъ примѣненіемъ ряда подобныхъ прогрессивныхъ прививокъ. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлалъ въ институтъ, учрежденномъ имъ въ Парижѣ, прививку весьма значительному числу лицъ, увѣренныхъ въ томъ, что они были укушены бѣшенными животными; и мы рѣшили удостовѣриться, какъ великъ былъ его успѣхъ въ этомъ дѣлѣ.

На этотъ вопросъ можно было бы отвѣтить съ математическою точностью, если бы можно было опредѣлить относительное число случаевъ заболѣванія гидрофобіей людей, которые, будучи одинаково укушены дѣйствительно бѣшенными животными, одни подвергались, а другіе не подвергались прививкѣ. Но подобная точная числовая оцѣнка невозможна. Ибо: 1) часто трудно, а иногда и невозможно удостовѣриться, дѣйствительно-ли животное, укусившее человека и считаемое бѣшеннымъ, было бѣшеное. Оно можетъ убѣжать, или быть сразу убитымъ, или же быть наблюдаемымъ только людьми, вполне неспособными судить о его состояніи, 2) вѣроятность заболѣванія бѣшенствомъ людей, укушенныхъ дѣйствительно бѣшеною собакою, весьма сильно зависитъ отъ числа и характера укусовъ: были-ли они сдѣланы въ лицо, руку, или другія обнаженные части; если же они были сдѣланы на покрытыхъ частяхъ тѣла, то ихъ опасность зависитъ отъ ткани одежды и отъ того, насколько онѣ были разорваны; сверхъ того, во всѣхъ случаяхъ величина кровотеченія изъ ранъ можетъ вліять на вѣроятность всасыванія заразы; 3) на вѣроятность зараженія отъ укушенія можетъ вліять быстрое прижиганіе или вырѣзываніе пораненныхъ частей, а также различныя промыванія или другіе способы леченія; 4) укушеніе различными видами животныхъ, и даже различными собаками, вѣроятно, по разнымъ причинамъ, неодинаково опасно. Въ прошломъ году, въ Детфордѣ, пять дѣтей были укушены одною собакою и всѣ пять умерли. Въ другой разъ, собака укусила, какъ говорятъ, двадцать душъ, изъ которыхъ одинъ умеръ. Достоверно, что укушеніе бѣшенымъ волкомъ, а быть можетъ, и бѣшеною кошкою, гораздо опаснѣе укушенія собакою ¹⁾).

Неопредѣленность, происходящая отъ этихъ и другихъ при-

¹⁾ Ко всемъ этимъ факторамъ, вліяющимъ на частоту заболѣванія послѣ укушенія, нужно прибавить еще одинъ—количество людей заразъ, укушенныхъ животнымъ: быть укушеннымъ десятымъ, послѣ девяти только что укушенныхъ тѣмъ же животнымъ, не такъ опасно, какъ быть укушеннымъ первымъ.

чивъ, обнаруживается тѣмъ фактомъ, что процентъ смертности среди людей, укушенныхъ собаками, которыхъ считали бѣшенными, и неподвергавшихся прививкѣ или другому какому-нибудь леченію, въ одной группѣ случаевъ былъ признаваемъ равнымъ 5 проц., въ другихъ случаяхъ равнымъ 60 проц., а въ иныхъ случаяхъ равнымъ разнымъ промежуточнымъ (между 5 и 60 проц.) величинамъ. Смертность отъ укушенія бѣшенымъ волкомъ также была въ разныхъ случаяхъ опредѣляема отъ 30 до 95 проц.

Чтобы опредѣлить насколько возможно вліяніе этихъ источниковъ ошибокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Пастеромъ была принята прививка, члены комитета, прибывшіе въ Парижъ, просили Пастера дозволить имъ изслѣдовать, путемъ личнаго наблюденія, нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые подверглись его леченію. Онъ сразу, и весьма любезно, согласился на это, и имена 90 душъ были взяты изъ его списка. При этомъ не было сдѣлано никакого выбора, исключая того, что были взяты имена людей, живущихъ вблизи Парижа, Ліона и Сентъ-Этьена, и бывшихъ самыми ранними пациентами Пастера, у которыхъ, слѣдовательно, періодъ, протекшій со времени прививки, былъ самымъ длиннымъ.

Среди этихъ 90 случаевъ, 24 были такіе, когда пациенты были укушены безспорно бѣшеною собакой въ обнаженные части тѣла, причемъ раны не были ни прижжены, ни подвергнуты какому-нибудь другому леченію, которое могло бы предотвратить дѣйствіе яда; въ 31 случаѣ не было очевидныхъ доказательствъ того, что собака была бѣшеною; въ остальныхъ случаяхъ, хотя животныя были безспорно бѣшенными, но укусы были сдѣланы ими сквозь платье и поэтому могли быть безвредными. Поэтому, возможно, что изъ числа этихъ людей только немногіе умерли бы, если бы имъ и не дѣлали прививки. Мы уже говорили, что процентъ смертности въ подобныхъ смѣшанныхъ случаяхъ оцѣнивается весьма различно. Мы думаемъ, что изъ числа этихъ 90 душъ, включая сюда и 24 укушенныхъ въ обнаженные части тѣла, не менѣе восьми должны были бы умереть, если бы имъ не сдѣлали прививки. Между тѣмъ, во время изслѣдованія, въ апрѣлѣ и маѣ 1886 г., т.-е. спустя, по крайней мѣрѣ, 18 недѣль со времени леченія, никто изъ этихъ людей не обнаруживалъ никакихъ признаковъ гидрофобіи и никто изъ нихъ съ тѣхъ поръ не умеръ отъ этой болѣзни.

Такимъ образомъ, личный осмотръ членами комитета пастеровскихъ случаевъ, насколько онъ простирался, привелъ къ вполне

удовлетворительнымъ результатамъ и убѣдилъ ихъ въ совершенной точности свѣдѣній Пастера.

По прошествіи немногихъ первыхъ мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ Пастеръ прилагалъ свой методъ, ему иногда приходилось, для успокоенія страха, дѣлать прививку людямъ, убѣжденнымъ что они были укушены бѣшеными животными, но не могущимъ представить удовлетворительнаго доказательства этого. Поэтому, можетъ показаться несправедливымъ судить объ общемъ результатѣ пастеровскаго леченія посредствомъ сравненія смертности, встречаемой у него, съ самою меньшею смертностью, вычисленною на основаніи большаго числа случаевъ среди людей, которымъ не было сдѣлано прививки. Самый низшій процентъ смертности можетъ быть принятъ равнымъ 5. Между октябремъ 1885 г. и концемъ декабря 1886 г. Пастеръ сдѣлалъ прививку 2,682 особамъ. Изъ всего этого числа, принимая 5% смертности, должно было умереть, по крайней мѣрѣ, 130 душъ ¹⁾. Въ концѣ 1886 г. число умершихъ, по словамъ Вульпіана, было 31, считая семерыхъ, укушенныхъ волкомъ, причемъ у трехъ изъ этихъ людей симптомы гидрофобіи появились въ то время, когда ихъ еще лечили, ранѣе, чѣмъ рядъ прививокъ былъ законченъ. Со времени 1886 г. умерло еще двое изъ числа этихъ паціентовъ.

Число смертей, принимаемое тѣми, которые стараются доказать бесполезность способа Пастера, насколько мы знаемъ, считается равнымъ 40 изъ 2,682, подвергавшихся леченію; въ это число включено 7 умершихъ отъ бѣшеннаго волка и, вѣроятно, не менѣе четырехъ, относительно которыхъ существуетъ сомнѣніе, умерли-ли они отъ бѣшенства, или отъ другой болѣзни. Вполнѣ признавая существованіе извѣстной неопредѣленности и неразрѣшенныхъ вопросовъ, мы однако, считаемъ достовернымъ, что, за исключеніемъ смертей отъ бѣшеннаго волка, смертность среди остальныхъ 2,634 душъ, укушенныхъ другими животными, заключается между 1% и 1,2%, т.-е. далеко ниже, чѣмъ самый низкій процентъ смертности среди людей, не подвергавшихся лѣ-

---

¹⁾ Если Пастеру приходится иногда дѣлать прививки людямъ, укушеннымъ собакой, бѣшенство которой не доказано, и если, благодаря этому % смертности у него можетъ понижаться, то, съ другой стороны, вѣдь, и при вычисленіи % смертности безъ прививки тоже далеко не всегда было извѣстно, дѣйствительно-ли собака, укусившая человѣка, была бѣшеною. И мы не имѣемъ никакого основанія полагать, почему бы паціенты Пастера ошибались въ этомъ отношеніи чаще другихъ.

ченію Пастера. Такимъ образомъ, даже по самой низкой оцѣнкѣ, этотъ методъ спасъ не менѣе 100 жизней.

Очевидность полезности метода Пастера, указываемая этими числами, подтверждается также разсмотрѣніемъ извѣстныхъ группъ его пациентовъ.

Изъ числа 233 душъ, укушенныхъ животными, бѣшенство которыхъ было доказано (прививкой, сдѣланною изъ ихъ спиннаго мозга, или заболѣваніемъ бѣшенствомъ другихъ животныхъ и людей, укушенныхъ ими), умерло всего 4 человѣка. Безъ прививки нужно было бы ожидать, что умрутъ, по крайней мѣрѣ, 40 душъ.

Изъ 186 человѣкъ, укушенныхъ въ голову или лицо животными (бѣшенство которыхъ было доказано прививкой, или наблюдалось ветеринарными врачами), умерло всего 9, вмѣсто, по крайней мѣрѣ, 40.

Изъ 48, укушенныхъ бѣшеными волками, умерло только 9, тогда какъ безъ предохранительной прививки, смертность согласно съ самыми вѣроятными вычисленіями, была бы равна около 30.

Между концемъ декабря 1886 г. и концемъ марта 1887 г. Пастеръ сдѣлалъ прививку 509 лицамъ, укушеннымъ животными, бѣшенство которыхъ было доказано прививкой изъ ихъ спиннаго мозга, или смертью нѣкоторыхъ, укушенныхъ ими, или свидѣтельствомъ ветеринарныхъ врачей. Изъ числа этихъ 509 душъ умерло всего двое, причемъ одинъ изъ умершихъ былъ укушенъ бѣшенымъ волкомъ за мѣсяцъ до начала прививокъ и умеръ всего послѣ трехъ дней леченія. Если мы опустимъ половину этихъ случаевъ, вслѣдствіе ихъ недавности, то все-таки среди остальныхъ 250 душъ смертность была менѣе 1%, вмѣсто 20% или 30%.

Утверждали, что число лечимыхъ Пастеромъ, который отъ октября 1885 г. до конца 1886 г. сдѣлалъ прививку 1,929 французамъ и алжирцамъ, значительно превосходитъ возможное число людей, укушенныхъ бѣшеными животными. Но до сихъ поръ, вѣдь, подобные случаи не отмѣчались тщательно, и число случаевъ въ этомъ (1887) году не меньше, чѣмъ было въ соответствующей части прошлаго года, когда страхъ передъ бѣшенствомъ былъ наибольшій.

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, мы считаемъ достовѣрнымъ, что прививка, дѣлаемая Пастеромъ людямъ, укушеннымъ бѣшеными животными, предотвратила развитіе бѣшенства у многихъ людей, которые умерли бы отъ этой болѣзни, если бы

имъ не сдѣлали этой прививки. И мы думаемъ, что значеніе его открытія окажется большимъ, чѣмъ это можно думать, судя по его нынѣшней полезности, ибо оно указываетъ на возможность предотвращенія посредствомъ прививки (даже послѣ зараженія) и другихъ болѣзней, кромѣ бѣшенства.

Былъ поднятъ вопросъ, можно-ли прилагать методъ Пастера безъ опасности для жизни или здоровья. Для того, чтобы отвѣтить на этомъ вопросъ, необходимо указать на существованіе двухъ различныхъ методовъ прививки.

Слѣдую первому, который можетъ быть названъ обыкновеннымъ и который былъ употребляемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, предохранительное вещество, добытое изъ спинного мозга кролика, умершаго отъ бѣшенства (первоначальный источникъ котораго было бѣшенство собаки), выпрыскиваютъ подъ кожу разъ въ день въ теченіи десяти дней, постепенно увеличивая силу яда.

Слѣдую второму или усиленному методу (*méthode intensive*), который предлагается Пастеромъ въ случаѣ крайней надобности (вслѣдствіе числа и положенія ранъ или вслѣдствіе давности ихъ происхожденія), выпрыскиваніе постепенно все болѣе и болѣе сильнаго яда дѣлалось въ теченіи первыхъ трехъ дней по три раза въ день, затѣмъ въ теченіи недѣли по разу въ день, и затѣмъ еще нѣсколько дней различное число разъ въ день. Самое сильное выпрыскиваніе, употребляемое при этомъ способѣ, превосходитъ сильнѣйшее выпрыскиваніе перваго метода, и сила его такова, что будучи произведено сразу, безъ предварительныхъ болѣе слабыхъ выпрыскиваній, оно, навѣрное, вызвало бы заболѣваніе бѣшенствомъ.

При первомъ или обыкновенномъ методѣ нѣтъ никакихъ данныхъ и нѣтъ вѣроятности, чтобы кто-либо подвергался опасности умереть или даже быть больнымъ хотя бы самое короткое время. Но послѣ усиленнаго метода случались смерти при такихъ обстоятельствахъ, которыя заставляли предполагать, что онѣ произошли скорѣе отъ прививки, чѣмъ отъ зараженія бѣшенымъ животнымъ.

Существуетъ достаточное основаніе для предположенія, что во многихъ изъ наиболѣе важныхъ случаевъ усиленный методъ былъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ могъ бы быть обыкновенный методъ. Такъ, Пастеръ говоритъ, что изъ 19 русскихъ, укушенныхъ бѣшеными волками, 3, которыхъ лечили обыкновеннымъ способомъ, умерли, а остальные 16, лечившіеся усиленнымъ способомъ, остались жить. Затѣмъ онъ сопоставляетъ случай

шести дѣтей, жестоко искусанныхъ въ лицо и умершихъ послѣ леченія обыкновеннымъ методомъ, со случаемъ, когда 10 дѣтей были такъ же жестоко искусаны, и будучи подвергнуты усиленному способу леченія, всѣ остались живы. Затѣмъ Вульпіанъ заявляетъ, что изъ 186 душъ, тяжело искусанныхъ животными, которыя всего вѣроятнѣе были бѣшенными, 50 душъ, подвергшихся усиленному методу леченія, всѣ остались живы, а изъ остальныхъ 136, лечившихся обыкновеннымъ методомъ, умерло 9.

Процентъ смертности послѣ усиленнаго метода не болѣе процента смертности послѣ обыкновеннаго метода. Ибо изъ числа 624 душъ, лечившихся этимъ усиленнымъ методомъ, умерло всего 6 или 7 (если считать одинъ сомнительный случай). Но что возбуждаетъ подозрѣніе, это родъ смерти у нѣкоторыхъ изъ нихъ; этотъ особенный родъ смерти наблюдался на человѣкѣ, носившемъ имя Гоффи и присланномъ изъ Англіи. 4-го сентября прошлаго 1886 года, онъ былъ жестоко искусанъ бѣшеною кошкою, которою онъ, не смотря на повторенное предостереженіе, подставлялъ обнаженную руку. Было сдѣлано 12 ранъ. Ихъ сейчасъ же подвергли дѣйствию чистой карболовой кислоты, а шесть часовъ спустя ему въ госпиталѣ св. Θомы подъ хлороформомъ обильно вырѣзали пораненныя части кожи, и раны, образовавшіяся отъ этого, опять подвергли дѣйствию карболовой кислоты. Въ тотъ же вечеръ его послали въ Парижъ, и на слѣдующее утро Пастеръ началъ примѣнять надъ нимъ усиленный методъ леченія, которое продолжалось двадцать четыре дня. Въ теченіи этихъ дней больной нѣсколько разъ напивался до пьяна ¹⁾. Однажды онъ упалъ въ Сену, а возвращаясь домой, при переѣздѣ черезъ каналъ, сильно простудился.

10-го октября онъ принялся за свои занятія и, повидимому, былъ въ своемъ обычномъ состояніи здоровья; но скоро онъ сдѣлался нездоровъ: онъ чувствовалъ въ животѣ боль на подобіе коликъ и боль въ спинѣ. 18-го онъ уже имѣлъ частичный двигательный параличъ нижнихъ конечностей, а 19-го—полный двигательный параличъ нижнихъ конечностей и корпуса и частичный двигательный параличъ верхнихъ конечностей и лица. Онъ былъ взятъ въ госпиталь св. Θомы, гдѣ и умеръ 20-го.

До самаго конца онъ не проявлялъ никакихъ обыкновенныхъ симптомовъ бѣшенства, а развитіе его болѣзни и самая смерть

---

¹⁾ Этотъ и нѣкоторые другіе случаи привели Пастера къ мнѣнію, что опасность умереть отъ бѣшенства значительно возрастаетъ вслѣдствіе пьянства.

такъ наминали болѣзнь, известную подъ именемъ остраго восходящаго паралича, или паралича Zandru, что именно этотъ видъ смерти былъ обозначенъ въ протоколѣ coronera. Однако, достовѣрность того, что эта смерть произошла отъ яда бѣшенства, была доказана опытами Горсли. У умершаго была взята часть спиннаго мозга, какъ матеріалъ для впрыскиванія; собака и кролики, которымъ было сдѣлано впрыскиваніе, умерли съ характеристическими признаками паралитическаго бѣшенства, обиденнаго у кроликовъ.

Въ большинствѣ другихъ случаевъ смерти послѣ леченія усиленнымъ способомъ, симптомы были почти такіе же, какъ и въ только-что описанномъ случаѣ; но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ не было примѣнено подобнаго доказательства смерти отъ бѣшенства. Сходство симптомовъ смерти съ симптомами той формы бѣшенства, которая называется нѣмымъ или паралитическимъ бѣшенствомъ, и обыкновенно наблюдается у кроликовъ, какъ мы видѣли, внушило мысль, что эти смерти произошли не вслѣдствіе яда бѣшеной собаки или кошки, но вслѣдствіе яда, впрыснутаго изъ спиннаго мозга кролика. Но это мнѣніе далеко недостовѣрно. Особенно въ случаѣ Гоффи, инкубаціонный періодъ былъ таковъ, каковъ долженъ былъ быть онъ послѣ укушенія кошкой, а не послѣ прививки наиболѣе сильной порціи яда. Также инкубаціонный періодъ у собаки и кроликовъ, которымъ было сдѣлано впрыскиваніе изъ спиннаго мозга Гоффи, былъ таковъ, каковъ наблюдался послѣ впрыскиванія яда, взятаго не только у кроликовъ, которымъ былъ сдѣланъ Пастеромъ рядъ прививокъ, но и у собаки, кошки и волка, умершихъ отъ обыкновеннаго бѣшенства. Поэтому, легко могло случиться, что усиленная прививка какъ у Гоффи, такъ и у другихъ, умершихъ послѣ нея, не была сама по себѣ пагубна, но что она только не могла предотвратить развитіе болѣзни, происшедшей вслѣдствіе укушенія. Она могла также измѣнить форму проявленія бѣшенства, придавши ему характеръ паралитическаго бѣшенства, обыкновеннаго для кроликовъ, вмѣсто конвульсивной формы, обыкновенно, но не всегда¹⁾, замѣчаемой у людей послѣ укушенія собакой или кошкой.

¹⁾ Случаи паралитическаго бѣшенства замѣчались, хотя рѣдко, среди людей, укушенныхъ бѣшеными животными и не подвергавшихся леченію прививкой. Можно предполагать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ случаевъ «остраго восходящаго паралича» были произведены этою формой гидрофобіи, хотя, вслѣдствіе полного отсутствія обыкновенныхъ буйныхъ симптомовъ, никто и не подозрѣвалъ о причинѣ болѣзни.

Этотъ вопросъ, вѣроятно, останется неразрѣшеннымъ; ибо для избѣжанія возможной, хотя и мало вѣроятной, опасности при усиленномъ леченіи, Пастеръ значительно видоизмѣнилъ его, и даже въ этомъ измѣненномъ видѣ употребляетъ только въ крайнихъ случаяхъ.

Послѣ разсмотрѣнія всего этого, естественно возникаетъ вопросъ: могутъ-ли бѣшенство и гидрофобія быть уничтожены въ Англіи?

Если бы прививка застраховала навсегда отъ возможности заболѣть бѣшенствомъ, тогда эта болѣзнь могла бы быть уничтожена посредствомъ прививки всѣмъ собакамъ; но мало вѣроятно, чтобы подобная прививка была добровольно принята всѣми владѣльцами собакъ, или чтобы ихъ можно было принудить къ этому.

Полицейское регулированіе могло бы быть достаточнымъ, если бы оно было строго примѣнено. Чтобы оно было дѣйствительнымъ, необходимо: 1) чтобы было приказано уничтожать, при извѣстныхъ условіяхъ, всѣхъ собакъ, не имѣющихъ хозяина и бродящихъ въ городѣ или деревнѣ; 2) чтобы желаніе держать безполезныхъ собакъ было уменьшено налогомъ или другими мѣрами; 3) чтобы ввозъ собакъ изъ странъ, гдѣ часто встрѣчается бѣшенство, былъ воспрещенъ или подвергнутъ карантиннымъ мѣрамъ; 4) чтобы въ мѣстностяхъ, въ которыхъ часто случается заболѣваніе бѣшенствомъ, употребленіе намордниковъ было обязательно, и всякая собака внѣ дома, которая не имѣетъ намордника или которую не ведутъ на цѣпочкѣ, была забираема полиціей, какъ «подозрительная». Въ этомъ отношеніи можетъ быть сдѣлано исключеніе для овчарокъ и другихъ собакъ на то время, когда они заняты дѣломъ, ради котораго ихъ держатъ.

Существуютъ достаточные примѣры, доказывающіе, что регулируемыя такимъ или подобнымъ способомъ, бѣшенство, а слѣдовательно и гидрофобія могли бы быть уничтожены въ Англіи или сведены къ размѣрамъ далеко меньшимъ, чѣмъ какой-либо изъ до сихъ поръ извѣстныхъ размѣровъ.

Если подобное сокращеніе не будетъ сдѣлано, то нужно считать достовѣрнымъ, что ежегодно значительное число людей будутъ нуждаться въ способѣ Пастера. Ежегодно среднее число людей, умиравшихъ отъ гидрофобіи въ теченіи десятилѣтія, окончившагося въ 1885 г., было для всей Англіи 43, а для одного Лондона 8,5. Если принять, что это число представляетъ собою 5 проц. укушенныхъ (процентъ, который мы принимали для суж-

денія полезности пастеровскаго метода леченія), то окажется, что въ предохранительномъ леченіи ежегодно нуждаются 860 душъ во всей Англіи, и 170 въ одномъ Лондонѣ. Ибо невозможно сказать, кто изъ числа укушенныхъ стоитъ внѣ опасности заболѣть гидрофобіей, а на предохраненіе посредствомъ прижиганія, вырѣзыванія и другихъ пріемовъ нельзя полагаться.

Слѣдуютъ подписи членовъ комитета.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА,

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 46, противъ
Гостиннаго двора,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Баранцевичъ, К. Маленькіе рассказы («Юморист. Сборникъ»). Спб., 1887 г. Ц. 60 к.

Батюшковъ, К. К. Сочин. 3 т. Спб., 1887 г. Ц. 15 р.

Веръ, Жюль, «Гекторъ Сервадѣ». Путешеств. и приключ. въ солнечн. мірѣ. Москва, 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Дельвингъ, А., баронъ. Полное собр. стих. Съ портр. и біогр. (Деш. библ.). Ц. 20 к.

Диккенсъ. «Оливеръ Твистъ». Романъ. 2 т. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Кольцовъ. Стих. Изд. 9-е. Москва, 1887 г. Ц. 20 к.

М. Н. Т. «Въ собачьемъ обществѣ». Водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1887 г. Ц. 50 к.

Толстой, Л. Н. «Власть Тьмы». Драма въ 5-ти дѣйств. Спб., 1887 г. Ц. 10 к.

Юсуповъ, Н. Б. «Тайна». Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 80 к.

Ясинскій, І. (М. Бѣлинскій). Повѣсти и рассказы. «Наташка». — «Катря». — «Тертіи Ивановичъ». — «Лилія». — «Ворбей». — «Новый годъ». — «In's Grüne». — «Проводы». Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Его же. «Вѣрочка». — «Спящая красавица». — «Тенденціозная прогулка». Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ФИЛОСОФІЯ.

Алексѣевъ. Анализъ газовъ. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гейденрейхъ. Прибавленіе къ 1-му изданію методовъ изслѣдованія низшихъ организмовъ, съ 30 рисунками въ текстѣ. Спб., Ц. 60 к.

Клаузіусъ, І. О запасахъ энергии въ природѣ и пользованіи ими для нашего блага. Спб., 1887 г. Ц. 30 к.

Сидоровъ. Вооруженіе растений и защита ихъ отъ враговъ. Спб., Ц. 75 к.

Станкевичъ, А. Гигіена. Главныя средства для достиженія и сохраненія здоровья. Спб. Цѣна 25 к.

Шоненгаузъ, А. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ полного собранія твореній Шоненгауэра Юліусомъ Фрауэнштедтомъ, съ приложеніемъ статьи о воспитаніи. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юделевичъ, Я., врачъ. Употребленіе минеральныхъ водъ. Практическіе совѣты больнымъ относительно діеты, образа жизни и другихъ предосторожностей во время леченія минеральными водами. 2-е изданіе, доп. Вильна, 1887 г. Ц. 25 к.

ИСТОРІЯ И ПРАВО.

Борткевичъ, І. Нѣсколько словъ о гербовыхъ пошлинахъ и оналогѣ на наслѣдственныя имущества, съ приложеніемъ. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Грегоровіусъ. Исторія города

Рима въ средніе вѣка. Т. IV. Спб., 1887 г. Ц. 2 р.

Дубровинъ, Н. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Т. V. Спб., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Пясецкій, И. Наглядная таблица всемірной исторіи. Съ объясненіемъ. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

ХОЗЯЙСТВО И ТЕХНОЛОГІЯ.

Баръ, Ф. Организация сельскихъ имѣній и абсентеизмъ. Москва, 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Алибеговъ, М. Г., и В. К. Долининъ. Керосиновые лампы, выборъ ихъ и уходъ за ними. Съ приложеніемъ таблицъ и чертежей. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 35 к.

Андерсонъ. Руководство для поисковъ золота и другихъ металловъ. Перев. съ англійскаго. Москва, 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлелюбскій, Н. А., и Богуславскій. Таблицы для подбора поперечныхъ сѣченій и исчисления вѣса частей желѣзныхъ сооружений. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 85 к.

Веберъ, К. К. Значеніе сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ для нашего хозяйства. Спб., 1887 г. Ц. 1 р.

Головинъ, К. Сельская община въ литературѣ и въ дѣйствительности. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Гулишамбаровъ, Ст. Нефтяное отопленіе комнатныхъ, кухонныхъ, хлѣбопекарныхъ и друг. печей. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кленце, фонъ, др-ръ. Молочное хозяйство. Практическое руководство къ уходу за молочнымъ скотомъ къ обработкѣ молока и приготовленію масла и сыру. Съ 115 рисун. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Котельниковъ, В. Г. О воздѣ-

лываніи широколиственныхъ мучнистыхъ растений. Спб., 1887 г. Ц. 25 к.

Куманинъ, О. А. Новыя прѣвила о производствѣ на дрожжево-винокуренныхъ заводахъ сухихъ дрожжей и спирта. Москва. 1887 г. Ц. 50 к.

Сербиновичъ. Поземельный кредитъ, его прошлое, настоящее и будущее. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Усѣвхъ мукомольнаго и крахмального производствъ. 1887 г. Кн. I. Спб. Ц. 2 р.

Черноглазовъ, Л. А., и Кичуновъ, Н. И. Огурцы, дыни, арбузы и тыквы. Описаніе породъ и уходъ за ними. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

ПЕДАГОГИКА.

Кривенко. Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лесгафтъ, П. Краткій курсъ общей анатоміи человѣка, разборъ простыхъ физическихъ упражненій и описаніе школъ для приготовленія учителей гимнастики для арміи въ государствахъ Западной Европы. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

СМѢСЬ.

Кайгородовъ, Д. О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 20 к.

К. Е. Т. Справочная книга для уѣздныхъ предводителей дворянства. Спб., 1887 г. Ц. 50 к.

Лаврентьевъ, В. Справочно-памятная книжка для охотниковъ. Спб., 1887 г. Ц. 2 р.

Майновъ, В. Путеводитель по Финляндіи. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михневичъ, Н. П. Военно-исто-

рические примѣры; приложения ко второй части «Учебника тактики» Д. К. Дуропа. Изд. 2-е, исправленное (съ чертежами). Спб., 1887 г. Ц. 1 р.

Потемкинъ, Д. Д. Велосипедъ и примѣненіе его въ военномъ дѣлѣ. Спб., 1887 г. Ц. 50 к.

Симоновъ, Л., д-ръ. Иллюстрированный словарь практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни всякому. Вып. 9-й. Ц. 2 р. Подписная цѣна на все изданіе

(2 т.) 10 р., съ пересылкой 11 р. 50 к.

Служба въ учебныхъ лагеряхъ и въ походахъ въ мирное время. Спб., 1887 г. Ц. 25 к.

Составъ чистокровнаго отдѣленія государственнаго хрѣновскаго конскаго завода въ 1886 году. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шаверновская, Н. В. Новая практическая метода изученія французскаго языка, приспособленная для русскихъ. Изд. 4-е. Спб., 1887 г. Ц. 30 к.

Въ редакціи «Русскаго Богатства»:

Физиологія ума. Соч. В. Карпентера. 2 тома. Цѣна за 2 тома 4 руб. Выписывающіе черезъ редакцію за пересылку не платятъ. Одинъ первый томъ 2 рубля.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

«ПОСРЕДНИКЪ»

(оптовая и иногородная продажа картинъ и книгъ для народнаго чтенія) ПЕРЕВЕДЕНЪ на Мойку, д. № 12, кв. 25.

АМЕРИКАНКА.

Полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки бѣлья въ обыкновенной комнатной водѣ. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 руб., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Веніамину Ильичу Шлемензону, въ Одессу.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ.

Прошу васъ выслать мнѣ за прилагаемые 10 руб. еще двѣ „Американки“, которыя дѣйствительно оказались пригодными для мытья бѣлья не только въ семейномъ быту, но даже въ ротахъ нижнимъ чинамъ, что предоставляю вамъ отъ меня опубликовать. 13 мая 1886 г. Адресъ: Командиру 3 роты 52 резервнаго баталіона, капитану Рогозинскому, въ городъ Грайворонъ, Курской губ.

Подлинный отзывъ хранится при дѣлахъ редакціи газеты „Свѣтъ“.

Фабричное клеймо на снарядѣ:

В. Шлемензонъ — Симферополь.

СОДЕРЖАНІЕ VIII-й КНИГИ.

Беллетристика:

	СТР
ПРИНЦЕССА МАЯ. Стихотвореніе К. Фофанова	20
ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ. Н. Д. Кившенко.	21
СТИХОТВОРЕНІЕ	76
МИЛЛІОНЕРЪ. Романъ Кристи Муррей (съ англ.).	77
БАБУШКА АЛЕНА. Разсказъ А. Куприяновой	121

Научный отдѣлъ.

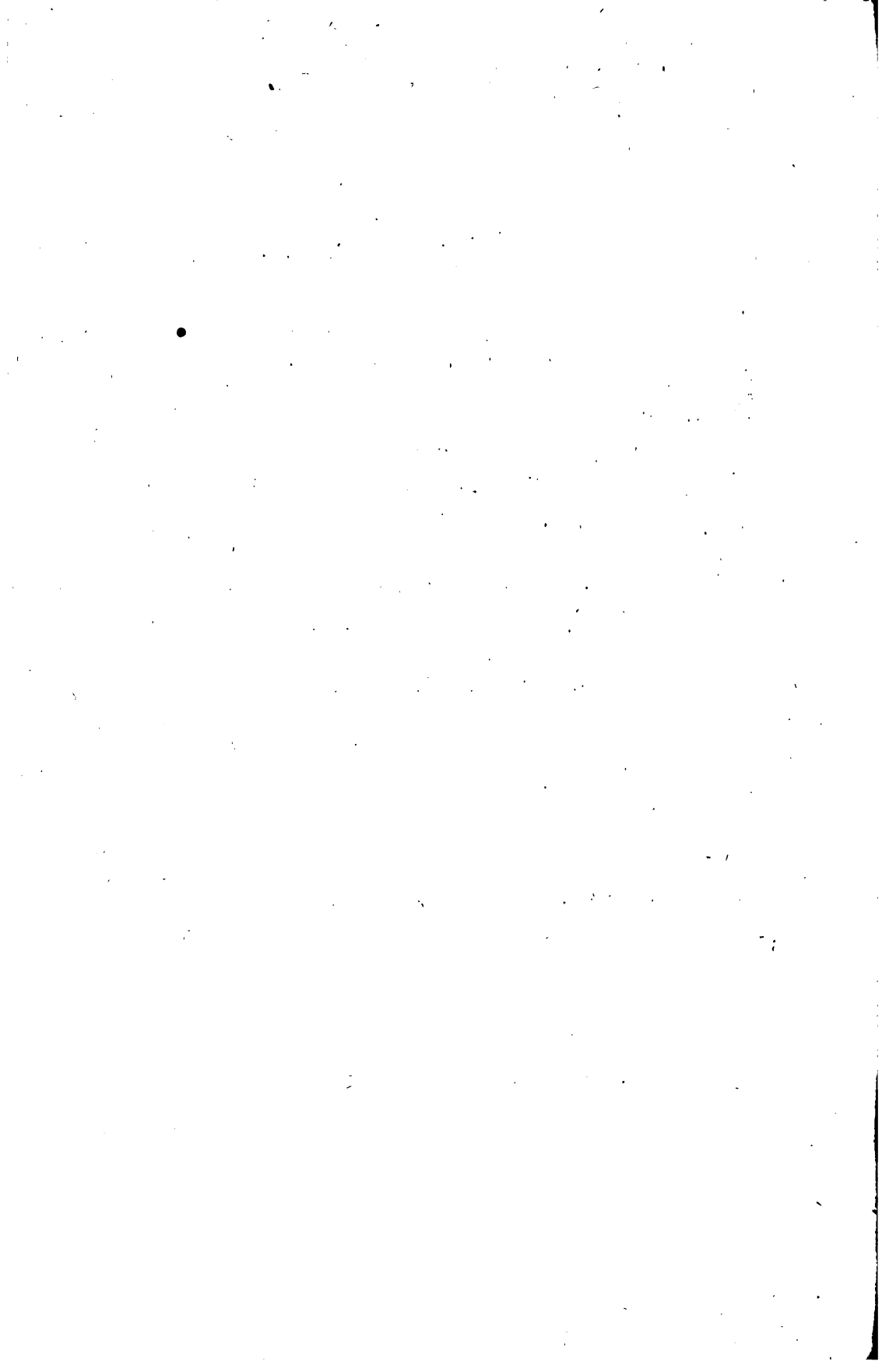
ЭТЮДЫ ПО ВОПРОСАМЪ ОБЩЕЙ ЗООЛОГІИ. Наслѣд- ственность. Проф. Н. Холодковского	13
СВѢЧЕНІЕ У НАСѢКОМЫХЪ. Рефератъ по работамъ Дюбуа. Л. О.	13
МЕТОДЪ ПАСТЕРА ПЕРЕДЪ СУДОМЪ АНГЛІЙСКИХЪ УЧЕНЫХЪ. Рѣфератъ. Н. Мокіевскаго	13
ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ПСИХОЛОГІИ ВЪ ЕЯ ПРИМѢ- НЕНІИ КЪ ВОСПИТАНІЮ. Джемса Селли. Листы 16-й, 17-й и 18-й. . . . . (въ концѣ кн.)	
ЭТИКА. Исслѣдованіе фактовъ и законовъ нравственной жизни. Вильгельма Вундта. Листы 19, 20 и 21. (въ концѣ кн.).	

Общественный и критическій отдѣлъ.

ОБО ВСЕМЪ. Новый романъ г. Боборыкина—«Изъ но- выхъ». Созерцателя.	123
---	-----

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . (въ концѣ книги и на обложкѣ).

врожденных способностей, частью отъ различій въ условіяхъ и воспитаніи.

Хорошая способность сужденія предполагаетъ врожденную ловкость въ расчлененіи предмета изслѣдованія, въ сравниваніи, различеніи и т. д. Но эта такая способность, которая большую часть своего своеобразнаго характера пріобрѣтаетъ опытомъ и воспитаніемъ. Сужденіе есть результатъ опыта и мѣняется съ нимъ. Мало того: зрѣлая способность сужденія въ какой бы то ни было области опыта предполагаетъ специальное упражненіе въ этой области. Для того, чтобы судить о сомнительномъ пунктѣ въ классификаціи растений, требуется развитыя ботаническія познанія. Точно то-же можно сказать и о способности разсужденія. Люди съ самаго начала бываютъ одарены не равными способностями къ абстракціи, къ открыванію подобія, замаскированнаго кажущимся различіемъ,—способностью, необходимою для разсужденія. Но специальныя направленія, въ какихъ будетъ развиваться способность разсужденія, въ широкой мѣрѣ зависятъ отъ практики. Мальчикъ активнаго склада ума съ наклономъ къ механикѣ и любящій наблюдать дѣйствія естественныхъ силъ, будетъ стремиться стать искуснымъ мыслителемъ въ этой области.

Развиваніе способности сужденія. Развиваніе дѣтской способности сужденія начинается въ тѣсной связи съ упражненіемъ наблюдательности. Слѣдуетъ пріохочивать ребенка къ сравненію величины и формы предметовъ, къ наблюденію признаковъ разстоянія и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ заставлять его выражать словами результаты его наблюденій, описывать видѣнные предметы, рассказывать то, что съ нимъ случается. Въ дополненіе къ этому, надо упражнять его въ старательномъ повтореніи слышаннаго, а также заставлять принимать и отвергать чужія положенія. Здѣсь родители или наставникъ должны имѣть цѣлью развиваніе осторожности въ сужденіяхъ. Естественная склонность принимать какъ достовѣрное все, что согласуется съ нашими желаніями и склонностями, должна быть сдерживаема ¹⁾. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ упражнять ребенка въ точности при составленіи положеній. Надо тщательно слѣдить за естественною склонностью ребенка къ преувеличенію и противодействовать ей. Надо пріучать ребенка хорошенько думать о словахъ, которыя онъ употребляетъ

---

¹⁾ «Этотъ пунктъ самовоспитанія, заключающійся въ томъ, чтобы научить душу противостоять ея желаніемъ и склонностямъ, пока не доказано, что они правильны, есть важнѣйшій изъ всѣхъ» (Фарадей).

еть, чтобы онъ могъ ясно видѣть, какъ то, что въ нихъ заключается, такъ и то, что они опровергають. Такими упражненіями мы заставимъ его размышлять о собственныхъ душевныхъ процессахъ, и этимъ самымъ придавать большую точность своимъ мыслямъ ¹⁾. И здѣсь знаніе логическихъ отношеній предложеній, обнимаемыхъ терминомъ противоположеніе, а также процессовъ обверсіи ²⁾ и конверсіи окажется полезнымъ для наставника. Въ то же время такое регулированіе сужденія есть дѣло тонкое. Дѣти любятъ живыя и картинныя положенія, и легкій оттѣнокъ преувеличенія, быть можетъ, извинителенъ. Слишкомъ строгое требованіе точности въ раннемъ возрастѣ легко можетъ породить въ ребенкѣ недовѣріе къ собственнымъ силамъ и повести къ преждевременному колебанію въ сужденіяхъ.

Трудная задача въ развиваніи сужденія, это—провести границу между чрезмѣрною индивидуальною независимостью и излишнимъ уваженіемъ къ авторитету. Способность сужденія, какъ мы видѣли, упражняется полнѣе тогда, когда ребенокъ составляетъ мнѣніе самостоятельно, чѣмъ тогда, когда онъ принимаетъ его пассивно отъ матери или наставника. Упражненіе сужденія состоитъ, такимъ образомъ, въ развиваніи способности самостоятельнаго сужденія. Это совершенно выполнимо въ нѣкоторыхъ областяхъ наблюденія, напримѣръ, въ сужденіяхъ о красотахъ природы и произведеніяхъ искусства. Съ другой стороны, ясно, что по отношенію къ другимъ предметамъ дѣтская свобода сужденія должна быть ограничиваема. Невозможно позволить маленькому ребенку съ его ограниченнымъ опытомъ рѣшать, что возможно или вѣроятно въ мало-мальски сложныхъ положеніяхъ, и еще менѣе допускать его судить о справедливости или несправедливости того или другаго поступка. Комбинированіе авторитета и индивидуальности въ сужденіяхъ требуетъ большаго ума и искусства со стороны развивателя юношества. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ принимать въ расчетъ различія дѣтскихъ темпераментовъ. Болѣзненный, робкій ребенокъ, лишенный увѣренности въ себя и слишкомъ склонный полагаться на другихъ, требуетъ

---

¹⁾ «Ребенокъ, который старается хорошо выбирать термины, знаетъ и судить мысль, которую хочетъ выразить; въ немъ видно то обращеніе интеллекта къ самому себѣ, въ которомъ и заключается размышленіе». (Г-жа Неккеръ).

²⁾ Бэнъ въ логикѣ (кн. I, гл. III) говоритъ по поводу обверсіи, съ помощью которой каждое утвердительное предложеніе можетъ быть выражено какъ отрицательное, или наоборотъ.

жного режима, чѣмъ такой нуженъ слишкомъ самоувѣренному ребенку.

По мѣрѣ развитія дѣтскаго интеллекта, слѣдуетъ давать ребенку большій просторъ для упражненія его сужденія. Такъ, расширяя сферу свободной дѣятельности ребенка, родители заставляютъ работать его практическое сужденіе. Важная область для свободного проявленія этой способности есть область изящнаго вкуса. Слѣдуетъ поощрять ребенка судить самостоятельно о томъ, красиво-ли то или другое и т. п. Способность рѣшать въ сомнительныхъ вопросахъ о побужденіяхъ, разумности и доказательности можетъ быть упражняема разумнымъ изученіемъ исторіи. Здѣсь есть также мѣсто упражненію нравственнаго сужденія. Наконецъ, изученіе литературы упражняетъ специальнымъ способомъ критическое или эстетическое сужденіе.

Развиваніе способности разсужденія. Развиваніе въ дѣтяхъ обдуманныхъ процессовъ разсужденія должно идти рука объ руку съ развиваніемъ способности сужденія. Въ самой ранней стадіи (приблизительно, съ начала четвертаго года) дѣло матери удовлетворять дѣтскому любопытству или требованіямъ объясненій. Этотъ періодъ очень важенъ для послѣдующаго развитія ребенка. Родители склонны думать, что дѣти часто задаютъ вопросы полумеханически, безъ всякаго настоящаго желанія получить объясненіе, а скорѣе для того, чтобы приставать. Однако, этотъ взглядъ, какъ мы увидимъ ниже, по всей вѣроятности, ошибоченъ. Безъ сомнѣнія, дѣти прихотливы въ своихъ вопросахъ; любознательность ихъ ограничена въ объемѣ и мимолетна по степени продолжительности. Тѣмъ не менѣе, вообще слѣдуетъ принимать въ расчетъ эти вопросы, какъ выражающіе хотя бы преходящее стремленіе къ знанію. И поскольку это такъ, постольку слѣдуетъ обращать на нихъ вниманіе и по возможности удовлетворять имъ. Надо, повидимому, принять за правило давать объясненія тамъ, гдѣ природа предмета допускаетъ простое объясненіе. Вотъ совѣтъ Локка: «Всячески поощряйте его любознательность, удовлетворяя его требованіямъ и обогащая его сужденіе, насколько оно къ этому подготовлено».

Въ то же время, отвѣчая на дѣтскіе вопросы, воспитатель долженъ остерегаться, чтобы не допустить ребенка до интеллектуальной лѣности и вялой зависимости отъ другихъ. Слѣдуетъ возбуждать въ дѣтяхъ желаніе отыскивать до извѣстной степени самостоятельно причины явленій. «Два-три слова (пишетъ г-жа Неккеръ), съ цѣлью направить его на путь, часто съ цѣлью помочь ему

открыть, что если онъ хорошенько подумаетъ о вопросѣ, онъ будетъ въ состояніи отвѣтить на него самъ, — эти два-три слова, говорю я, будутъ сѣменами, которыя дадутъ плодъ современъ».

Безъ сомнѣнія, въ иныхъ случаяхъ дѣтскіе вопросы могутъ быть неудобными, такими, на которые нельзя даже отвѣтить. Такъ, одна дѣвочка 4½ лѣтъ поставила передъ своею матерью одну изъ самыхъ трудныхъ философскихъ задачъ такимъ образомъ: дѣвочка видитъ на оконномъ стеклѣ осу и хочетъ взять ее. Мать говоритъ: «Не тровь, она тебя ужалитъ». Ребенокъ: «Отчего же она не жалитъ стекла?» Мать: «Оттого, что стекло не можетъ чувствовать». Ребенокъ: «Почему оно не чувствуетъ?» Мать: «Потому что у него нѣтъ нервовъ». Ребенокъ: «Почему нервы чувствуютъ?» Надо приучать дѣтей къ той идеѣ, что есть множество вещей, которыхъ они не могутъ еще понять, и къ тому, чтобы они принимали на вѣру нѣкоторыя истины и не требовали непремѣннаго отвѣта на вопросъ — «почему». Джорджъ Эллиотъ говоритъ гдѣ-то: «Попробуйте разсуждать съ ребенкомъ обо всемъ, и вы сдѣлаете изъ него чудовище, лишенное всякаго чувства благоговѣнія, всякихъ привязанностей».

Но развиваніе способности разсужденія обнимаетъ собою не только отвѣты на самопроизвольные вопросы ребенка. Наставникъ долженъ, въ свою очередь, спрашивать учащихся о причинахъ явленій и всего, что вокругъ нихъ происходитъ. Вопросъ заставляетъ ребенка думать, поднимаетъ въ его душѣ новыя задачи, и этимъ самымъ возбуждаетъ его мыслительныя способности. Кроме того, вопросы «зачѣмъ и почему» помогаютъ ознакомить дѣтскую душу съ тою истиной, что все имѣетъ свою причину и свое объясненіе. Родители и наставники должны стремиться къ укрѣпленію въ юной душѣ привычки къ изысканіямъ, постоянно направляя ея вниманіе на окружающія явленія и поощряя ее отыскивать самостоятельно, какъ они происходятъ. Разумѣется, при этомъ нужно большое искусство въ выборѣ задачъ; задачи должны быть таковы, чтобы ребенокъ могъ вполне обнять ихъ съ помощью своего прежняго знанія. Такое упражненіе дѣтской души въ открываніи причинъ явленій требуетъ развиванія способности систематическаго воспроизведенія, обращенія къ прошлому опыту за полезными аналогіями и къ пріобрѣтеннымъ принципамъ за вѣрными объясненіями.

Систематическое развиваніе способности разсужденія должно имѣть цѣлью избѣгать ошибокъ, свойственныхъ процессамъ

индукціи и дедукціи. Такъ, слѣдуетъ предостерегать дѣтей противъ слишкомъ поспѣшной индукціи, слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы они не принимали простаго, случайнаго спутника за условіе или причину, и не забывали того факта, что одинъ и тотъ же результатъ можетъ имѣть нѣсколько причинъ. Систематически руководить индуктивными процессами ребенка можетъ несравненно успѣшнѣе человѣкъ, изучавшій правила индуктивной логики. Точно такъ же долженъ наставникъ стараться направлять юнаго мыслителя въ выводахъ заключеній изъ правилъ, указывая ему границы правила, помогая различать случаи, подпадающіе и не подпадающіе подъ это правило, и знакомя его съ опасностями, кроющимися въ двусмысленности языка. Въ этомъ можетъ много помочь нѣкоторое знакомство съ правилами дедуктивной логики.

Предметы, упражняющіе способность разсужденія. Развиваніе способности разсужденія должно бы начинаться матерью или начальнымъ преподавателемъ въ связи съ пріобрѣтеніемъ общаго, обыденнаго знакомства съ предметами. Завершеніе этого развиванія принадлежитъ, однако, болѣе поздней стадіи методическаго школьнаго обученія. Нѣтъ предмета изученія, который въ рукахъ интеллигентнаго и дѣятельнаго наставника не оказался бы полезнымъ для этой цѣли. Такъ, изученіемъ физической географіи слѣдуетъ пользоваться для упражненія ребенка въ разсужденіи о причинахъ явленій природы. Исторіей, если ее преподавать какъ слѣдуетъ, можно также воспользоваться, чтобы пріучить учащагося отыскивать аналогіи, открывать причины и слѣдствія человѣческихъ поступковъ и выводить частные результаты изъ доказанныхъ принциповъ.

Преподаваніе науки есть великій двигатель для усиленія и развитія способности разсужденія. Наука есть общее знаніе, выраженное въ возможно точной формѣ, и изученіе ея придаетъ точность всѣмъ мыслительнымъ процессамъ. Далѣе, наука есть систематическое расположеніе знанія, согласно его относительной зависимости. Она исходитъ изъ принциповъ, достигнутыхъ индукціей, и затѣмъ систематически выводитъ дедуктивнымъ путемъ слѣдствія изъ этихъ принциповъ. Такимъ образомъ, она развиваетъ способность разсужденія, пріучая ее къ правильной методической дѣятельности.

Однѣ науки представляютъ скорѣе индуктивный характеръ, другія — дедуктивный. Естественныя науки всѣ, до извѣстной степени, индуктивны, такъ какъ въ широкой мѣрѣ пользуются наблюденіемъ, опытомъ и доказательствами закона фактами. Нѣко-

торыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, химія и фізіологія, индуктивны по преимуществу. Въ этихъ наукахъ изучающій въ значительной мѣрѣ занятъ наблюденіемъ и анализомъ явленій и отыскиваніемъ ихъ законовъ. Поэтому, онѣ лучше другихъ упражняютъ душу въ терпѣливомъ и точномъ изслѣдованіи фактовъ и осторожномъ построеніи общихъ истинъ на твердомъ базисѣ наблюденія дѣйствительности. Наоборотъ, математическія науки почти всецѣло дедуктивны. Здѣсь принципы, будучи просты и очевидны сами въ себѣ, ставятся съ самаго начала въ видѣ аксіомъ, и наука развивается, комбинируя эти принципы постоянно новыми способами и достигая все новыхъ результатовъ, съ помощью процессовъ строгой дедукціи. Такой процессъ вывода доказательствъ, показывающій, какимъ образомъ заключенія неизбежно вытекаютъ изъ принциповъ, имѣетъ особенную цѣну, какъ упражненіе логической способности. Вслѣдствіе этого, математика всегда считалась лучшимъ орудіемъ дисциплинированія души и приученія ея къ точности и связности мысли.

Методъ преподаванія. Всѣ науки, по мѣрѣ того, какъ прогрессируютъ, стремятся стать дедуктивными; другими словами, дедукція начинаетъ играть въ нихъ все большую и большую роль. Это видно изъ возрастающаго приложенія математика, или науки о числахъ, къ естественнымъ наукамъ: химіи и другимъ. Въ этихъ наукахъ законы, полученные путемъ индукціи, ставятся съ самаго начала, какъ первые научные принципы, изъ которыхъ выводится объясненіе отдѣльныхъ явленій. Слѣдовательно, мы видимъ тутъ, что настоящій порядокъ изложенія предмета, когда знаніе его закончено, уклоняется отъ естественнаго порядка достиженія знанія индивидуальной душой, когда она представлена самой себѣ. Другими словами, «методъ обученія» не долженъ быть обязательно тѣмъ же, что и «методъ открытія». Такъ какъ преподаватель представляетъ результаты всѣхъ прошлыхъ изслѣдованій, онъ можетъ начать съ принциповъ, достигнутыхъ послѣдними въ исторіи человѣческихъ открытій, и затѣмъ показать слѣдствія этихъ принциповъ. Въ то же время никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида естественнаго порядка открытій. Въ иныхъ случаяхъ, какъ при обученіи правиламъ грамматики, желательно, чтобы преподаватель дѣйствовалъ согласно «индуктивному методу», т.-е. начиналъ съ разсмотрѣнія словъ въ ихъ дѣйствительномъ употребленіи, и затѣмъ переходилъ къ объясненію управляющихъ ихъ употребленіемъ законовъ. И ни въ какомъ случаѣ принципы не должны преподаваться прежде,

чѣмъ будетъ дано хоть нѣсколько примѣровъ. Въ настоящее время признано, что элементарные законы чиселъ или простыя ариѳметическія положенія лучше преподавать индуктивнымъ методомъ на конкретныхъ примѣрахъ чиселъ. Даже такія очевидныя сами въ себѣ истины, какъ геометрическія аксіомы, требуютъ, какъ хорошо извѣстно учителямъ математики, извѣстнаго количества конкретныхъ поясненій. Даже такое ясное правило, какъ то, что если слагаемыя порознь равны между собою, то и суммы будутъ равны, — должно быть пояснено и упрочено въ душѣ учащагося посредствомъ конкретныхъ примѣровъ. Слова Сенеки, относящіяся къ практическому развиванію, примѣнимы и къ теоретическому преподаванію.

«Longum iter est per praecepta:

«Breve et efficaх per exempla»¹⁾.

И такъ, въ преподаваніи каждаго предмета истинный методъ долженъ до извѣстной степени согласоваться съ порядкомъ открытій.

Полное разсмотрѣніе методовъ преподаванія сюда не относится. Широкое различіе между индукціей и дедукціей помогаетъ намъ только разсмотрѣть ихъ отчасти. Другое важное логическое различіе, касающееся этой задачи, есть различіе между анализомъ и синтезомъ. Въ первомъ мы исходимъ изъ сложнаго и разлагаемъ его на его болѣе простыя составныя части; во второмъ мы обращаемъ задачу другою стороною и, начавъ съ простаго, строимъ изъ него сложное. Это различіе параллельно до извѣстной степени различію между индукціей и дедукціей. Наблюдая факты и приходя къ обосновывающимъ ихъ общимъ принципамъ, мы прибѣгаемъ къ анализу. Наоборотъ, рассуждая дедуктивно, какъ въ Евклидѣ, мы дѣйствуемъ синтетически, комбинируя элементарные факты и принципы. Нерѣдко приходится выбирать между аналитическимъ и синтетическимъ методами, на примѣръ, при обученіи новому языку.

Въ тѣсной связи съ методомъ преподаванія или лучшимъ способомъ преподавать какой-нибудь отдѣльный предметъ стоитъ методъ наилучшаго порядка или расположенія различныхъ предметовъ обученія. Этотъ методъ въ широкой мѣрѣ опредѣляется психологическими принципами, законами развитія способностей.

---

¹⁾ Путь заучиванія правилъ долговъ, а путь примѣровъ коротокъ и дѣйствителенъ.

Психологія говорить, что предметы, требующіе, главнымъ образомъ, памяти и воображенія (какъ-то: географія и исторія), должны предшествовать предметамъ, упражняющимъ способность разсужденія (математикъ, естественнымъ наукамъ). Этимъ устанавливается такъ называемый психологическій порядокъ. Но въ этихъ широкихъ границахъ специальное расположеніе, какому мы должны слѣдовать, будетъ опредѣляться логическими соображеніями. Другими словами, мы должны разсматривать относительную простоту предметовъ и ихъ взаимную зависимость. Это дастъ намъ логическій порядокъ. Съ помощью такихъ соображеній мы приходимъ, на примѣръ, къ тому правилу, что нѣкоторое знаніе математики должно предшествовать изученію физики, что извѣстное знаніе механики, химіи и т. п. должно предшествовать изученію фізіологіи, и т. д.

ГЛАВА XVI.

Чувствованія; природа чувствованій.

Сдѣлавъ краткій обзоръ развитія интеллекта, мы можемъ перейти теперь ко второй крупной фазѣ душевнаго развитія — къ развитію чувствованій.

Опредѣленіе чувствованія. Терминомъ «чувствованіе» обозначаются такія душевныя состоянія, которыя причиняють намъ удовольствіе или страданіе. Эти состоянія могутъ быть связаны непосредственно съ физическими условіями, напримѣръ, съ ощущеніемъ голода, или же могутъ сопровождать какую-нибудь форму душевной дѣятельности, напримѣръ, эмоцію надежды или раскаянія. Хотя всякое чувствованіе характеризуется тѣмъ, что даетъ намъ удовольствіе или страданіе, бываетъ пріятно для насъ или непріятно въ извѣстной степени, однако, есть много чувствованій смѣшаннаго характера. Чувствованія обнаруживаютъ всѣ степени напряженности, отъ спокойнаго удовлетворенія, сопровождающаго сознаніе справедливаго поступка, до сильнаго возбужденія восторженной радости.

Чувствованія образуютъ отчетливую, рѣзко обозначенную фазу или отдѣлъ души. Наши удовольствія и страданія дѣлаютъ то, что нашъ опытъ получаетъ для насъ интересъ, стало быть, они-то представляютъ ту сторону нашего опыта, которая интересна для насъ. Предметы внѣшняго міра имѣютъ для насъ цѣнность лишь постольку, поскольку воздѣйствуютъ на нашу способность чувствованія или задѣваютъ наши чувствованія. Такъ какъ чувствованія суть элементы счастья, и противоположности его — несчастья, то изученіе ихъ представляетъ важную часть науки о благосостояніи.

Но чувствованіе очень важно не только само по себѣ; оно

стоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ двумъ другимъ сторонамъ души. Съ одной стороны, оно связано съ упражненіемъ и развитіемъ интеллекта. Хотя въ болѣе сильныхъ своихъ формахъ чувствованія противоположны интеллекту, но болѣе умѣренная ихъ степень даетъ интересъ, который обостряетъ и возбуждаетъ способности. Слѣдовательно, культура интеллекта находится въ зависимости отъ развитія чувствованій. И обратно, развитіе интеллекта помогаетъ развитію всѣхъ высшихъ и наиболѣе утонченныхъ чувствованій, какъ-то: чувства красоты, правды и т. д. Такимъ образомъ, развитіе знанія и развитіе чувствованія тѣсно связаны и переплетаются между собою.

Съ другой стороны, чувствованіе тѣсно связано съ дѣйствіемъ и волей. Оно служитъ стимуломъ или двигателемъ, возбуждающимъ волю къ дѣйствию. Побудительныя причины или мотивы, заставляющія насъ дѣйствовать, суть непосредственные продукты различныхъ эмоціональных состояній. Привычные способы поведения слѣдуютъ по направленію преобладающихъ чувствованій.

Распространеніе и дѣйствіе чувствованія. Всякое чувствованіе есть родъ душевнаго возбужденія, и какъ таковое, имѣетъ нѣкоторое стремленіе прочно овладѣвать душой. Всѣ наши сильные чувствованія при полной мѣрѣ возбужденія характеризуются постепеннымъ подъемомъ и паденіемъ, стадіи которыхъ легко прослѣдить. У ребенка, находящагося подъ вліяніемъ радостнаго возбужденія или страсти гнѣва, ясно обнаруживается этотъ ходъ постепеннаго подъема и паденія, расширенія и сокращенія чувствованія. Когда, такимъ образомъ, потокъ чувствованія свободно поднимается и вдувается, какъ бываетъ во всѣхъ формахъ страстнаго возбужденія, то замѣчаются рѣзко обозначенныя дѣйствія чувствованій, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя. Сильное чувствованіе волнуетъ душу, ослабляетъ и часто парализуетъ способность правильного и избирательнаго вниманія и нарушаетъ нормальное теченіе мыслей. Такъ, ребенокъ, который находится подъ вліяніемъ страсти горя или гнѣва, подавленъ волненіемъ и не въ состояніи судить и размышлять. Сила эмоціональнаго возбужденія держится за тѣ идеи, которыя соотвѣтствуютъ чувствованію данной минуты и способны поддержать его въ душѣ со всею живостью, и исключаетъ другія. Такъ, душа разсерженнаго ребенка находится подъ властью представленія дѣйствительной или воображаемой обиды и не можетъ безпристрастно изслѣдовать всѣхъ фактовъ даннаго случая. Даже и менѣе волнующія формы чувствованія оказываютъ на душу то же

дѣйствіе, хотя и въ менѣе поражающей степени, заставляя ее слишкомъ внимательно останавливаться на извѣстныхъ сторонахъ предмета, и тѣмъ самымъ приводя къ одностороннимъ и пристрастнымъ взглядамъ.

Ясное пониманіе этого вліянія чувствованія на колебаніе интеллектуальнаго механизма въ высшей степени важно для преподавателя. Мы поясняли уже это, говоря о развиваніи воображенія и сужденія. Преподаватель, который стремится освободить душу ребенка отъ предубѣжденій и придать порядокъ и устойчивость его интеллектуальнымъ процессамъ, долженъ остерегаться вреднаго вліянія опасныхъ силъ эмоціи. Даже хорошія чувствованія, напримѣръ, сочувствіе чужому несчастію, если мы позволимъ имъ овладѣть нашею душою, способны затемнять умственное зрѣніе. Этимъ объясняется хорошо извѣстное дѣйствіе сильнаго состраданія, часто дѣлающаго людей несправедливыми въ ихъ сужденіяхъ. Чрезмѣрное потворство чувству состраданія суживаетъ наше душевное зрѣніе, исключая изъ него много такого, что содѣйствуетъ и необходимо для правильной оцѣнки поступка въ его цѣломъ.

Кромѣ этихъ нарушеній душевной дѣятельности, существуютъ важныя физическія или тѣлесныя дѣйствія чувствованія. Нигдѣ тѣсная связь между душою и тѣломъ не обнаруживается яснѣе, чѣмъ въ непосредственныхъ физическихъ дѣйствіяхъ состояній чувствованія. Всякое эмоціональное возбужденіе отражается на организмѣ, вызывая крупныя измѣненія въ жизненныхъ процессахъ (дѣятельности сердца, дыханія и т. д.), и возбуждая мышцы къ усиленной дѣятельности. Извѣстно, что сильное потрясеніе, все равно—горестное или радостное, вызываетъ серьезныя физическія послѣдствія, изъ чего явствуетъ, что надлежащій контроль и подавленіе всякаго рода сильныхъ чувствованій есть дѣло высокой воспитательной важности въ интересахъ какъ физическаго, такъ и моральнаго благосостоянія ребенка.

Въ дополненіе къ этимъ физическимъ спутникамъ сильнаго чувствованія или страсти, существуютъ характерныя тѣлесныя спутники нашихъ обыкновенныхъ чувствованій, обнимающіе собою тѣ внѣшнія проявленія, которыя называются обыкновенно выраженіемъ, движеніями лица, жестами, измѣненіями голоса, измѣненіями кровообращенія, вызывающими блѣдность и т. п. Удовольствіе и страданіе имѣютъ свои отчетливыя проявленія, какъ-то: радостный взглядъ, гордое положеніе тѣла или грустный, унылый видъ. Тоже относится въ извѣстной мѣрѣ и къ различ-

нымъ родамъ пріятныхъ или тягостныхъ чувствованій, какъ-то: гнѣву, страху, любви. Эта связь между чувствованіемъ и его тѣлесными проявленіями такъ тѣсна, что нерѣдко достаточно бываетъ усвоенія внѣшнихъ признаковъ какой-нибудь эмоціи (вида, жестовъ и т. п.), чтобы вызвать извѣстную степень соответствующаго чувствованія. Мы можемъ видѣть это въ дѣйствіи симпатіи, которая начинается, повидному, съ подражанія внѣшнимъ признакамъ чувствованія, напримѣръ, движеніемъ личныхъ мускуловъ и голосовымъ проявленіемъ горя.

Пониманіе тѣлесныхъ проявленій чувствованія очень важно въ воспитательномъ смыслѣ. Заставляя ребенка усвоивать внѣшнее выраженіе какого-нибудь чувствованія, мы можемъ вызвать въ немъ самое чувствованіе. И наоборотъ, часто мы можемъ подавить чувствованіе, вполне или отчасти, задерживая его тѣлесныя проявленія.

Далѣе, способность читать и понимать проявленія и выраженіе чувствованій очень важно для точнаго наблюденія дѣтскихъ эмоцій. Чувствованія дѣтей, которыя, въ общемъ, не научившись еще искусству самоконтролированія и притворства, очень открытены въ выраженіи своихъ эмоціональных состояній, могутъ быть легко наблюдаемы въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Съ помощью такого наблюденія мы легко сравниваемъ одного ребенка съ другимъ въ отношеніи напряженности какого-нибудь опредѣленнаго чувствованія, напримѣръ, жалости или угрызенія, или же изслѣдуемъ болѣе общія различія, какъ-то: живость и тонкость эмоцій въ ея цѣломъ. Такимъ путемъ мы приобретаемъ болѣе ясное пониманіе особенностей эмоціональнаго темперамента ребенка и получаемъ возможность лучше воздѣйствовать на него для интеллектуальныхъ и моральныхъ цѣлей.

Удовольствіе и страданіе. Два рѣзко противоположные вида чувствованій, удовольствіе и страданіе, имѣютъ свои условія и причины, знаніе которыхъ чрезвычайно важно, какъ въ смыслѣ обезпеченія счастья ребенка, такъ и въ смыслѣ воздѣйствія на его активныя побужденія.

Удовольствіе есть спутникъ умѣренной и правильной дѣятельности какаго-нибудь органа или душевной способности. Умѣренное возбужденіе вкусовыхъ органовъ, какъ и высшихъ чувствъ мышечной энергіи и душевныхъ способностей, сопровождается ощущеніемъ удовольствія.

Но когда возбужденіе переходитъ извѣстную границу, ощущеніе удовольствія уменьшается и быстро сменяется отчетливымъ

ощущеніемъ страданія. Такъ, если свѣтъ восходящаго солнца превышаетъ извѣстную степень напряженности, онъ утомляетъ или «ослѣпляетъ» глаза; равнымъ образомъ, усиленное упражненіе мышцъ или сильное напряженіе душевныхъ способностей непріятно и утомительно.

Страданіе можетъ причиняться также отсутствіемъ надлежащаго стимула. Примѣры этого мы можемъ видѣть въ безпокойствѣ или тревожномъ состояніи дѣтельнаго мальчика, который не имѣетъ возможности предаваться мышечной дѣятельности, и въ душевномъ состояніи, извѣстномъ подъ названіемъ скуки, тоски или апатіи, и вызываемомъ отсутствіемъ здороваго занятія для души. Подобнымъ же образомъ страданіе причиняется всякою помѣхой къ какой бы то ни было дѣятельности. Ощущеніе невозможности поднять извѣстную тяжесть или найти причину извѣстной вещи—непріятно.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что такая дѣятельность, которая давала бы намъ ощущеніе удовольствія, лежитъ между двумя крайностями: чрезмѣрнымъ или напряженнымъ упражненіемъ съ одной стороны и недостаточнымъ или задерживаемымъ упражненіемъ съ другой. Термины «умѣренный», «чрезмѣрный» и «недостаточный» относятся здѣсь къ врожденной силѣ или приобретеннымъ привычкамъ органа или способности. Мальчикъ съ хорошо развитыми мускулами нуждается въ большемъ количествѣ упражненія, чѣмъ мальчикъ со слабыми мускулами. Точно такъ же сильный и дѣятельный мозгъ требуетъ больше матеріала для своей работы.

Дѣйствіе удовольствія и страданія. Правильная и умѣренная дѣятельность каждаго органа благотворна для этого органа и способствуетъ прочности его дѣйствующей силы. Наоборотъ, неправильная и чрезмѣрная дѣятельность вредитъ органу и разрушаетъ его послѣдующую дѣйствующую силу. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что удовольствіе поддерживаетъ, а страданіе нарушаетъ здоровое, дѣятельное состояніе даннаго органа. Мало того: такъ какъ разные тѣлесные органы находятся между собою въ самомъ тѣсномъ соотношеніи, то состояніе какаго-нибудь одного изъ нихъ неизбѣжно вліяетъ на состояніе другихъ. Какъ было указано въ одной изъ предъидущихъ главъ, чрезмѣрное возбужденіе мозга часто нарушаетъ отправленія тѣлесныхъ органовъ. И обратно, теченіе пріятной душевной дѣятельности содѣйствуетъ полному разрѣшенію этихъ отправленій. Такимъ образомъ, всѣ состоянія удовольствія, если они не доходятъ до сте-

пени бурнаго и истощающаго возбужденія, имѣють оживляющее вліяніе на весь организмъ, ускоряя процессы пищеваренія, дыханія и т. д. И обратно, состоянія страданія дѣйствуютъ на весь организмъ угнетающимъ образомъ. Глубокое горе или ужасъ сопряжены съ вреднымъ истощеніемъ нервной энергіи, задерживаютъ дѣятельность сердца и т. д. и ослабляютъ мышечную силу.

Воспитательные выводы изъ этихъ принциповъ очевидны. Цѣли развиванія интеллекта преподають то же правило, что и цѣли гуманности: дѣлайте школьныя занятія по возможности пріятными. Лучшій родъ интеллектуальной дѣятельности есть тотъ, который сопровождается эмоціей удовольствія. Такое удовольствие представляетъ, въ одно и то же время, какъ признакъ того, что дѣятельность нормальна и правильна, такъ и гарантію продолжительности и плодотворности этой дѣятельности. Однимъ изъ величайшихъ приобрѣтеній новѣйшей воспитательной реформы является ясная формулировка того принципа, что ученіе, въ его истинномъ и полномъ смыслѣ, возможно лишь тогда, когда чувство скуки и утомленія уступаетъ мѣсто пріятному сознанию свободнаго и естественнаго движенія.

Это правило еще не значитъ, чтобы преподаватель долженъ былъ всегда стремиться возбуждать въ учащихся наиболѣе сильныя формы наслажденія. Такая цѣль недостижима, да и нежелательна. Умѣренное и тихое удовольствіе лучше всего согласуется со спокойнымъ душевнымъ состояніемъ мышленія. Поэтому, это правило не исключаетъ всего того, что непріятно. Учащійся долженъ встрѣчать трудности, и полезно, чтобы онъ ихъ встрѣчалъ. Чувство раздражающаго затрудненія или сознание легкомысленной небрежности необходимы отъ времени до времени для того, чтобы возбуждать способности до ихъ высшей степени напряженія. Но такія случайныя помѣхи не должны вредить общему удовольствію ученія. Напротивъ того, самое это временное чувство досады, становясь точкой отправленія для болѣе полнаго упражненія душевныхъ способностей, можетъ способствовать болѣе глубокому наслажденію въ концѣ задачи.

Однообразіе и меремѣна. Нашими чувствованіями удовольствія и страданія управляетъ законъ меремѣны или контраста душевныхъ состояній, о которомъ было говорено выше. Причина удовольствія, если она остается неизмѣнною, имѣетъ стремленіе терять свое дѣйствіе. Продолжительная физическая дѣятельность ведетъ къ потерѣ перваго восхитительнаго чувства свѣжести. Наоборотъ, меремѣна дѣятельности извѣстна, какъ причина на-

слаждения. *Variatio delectat*. Переходъ отъ классной къ играмъ, отъ каникулъ къ школьнымъ занятіямъ, отъ города къ деревнѣ и т. п. — оживляетъ. Наслаждение новизной представляетъ лишь болѣе поразительныя примѣры того же принципа.

Подобный этому результатъ обнаруживается и тогда, когда дѣло идетъ о продолжительныхъ причинахъ страданія. Большой мѣнѣе страдаетъ отъ продолжительной физической боли (если предположить, что причина боли не усиливается), и всѣ мы мѣнѣе страдаемъ отъ продолжительныхъ мученій и тревогъ, когда привыкнемъ къ нимъ. Такъ называемое притупленіе самыхъ тонкихъ видовъ чувствительности служить проявленіемъ того же принципа. Такъ, мы притупимъ чувство стыда у ребенка, если будемъ слишкомъ часто задѣвать это чувство оскорбительными словами, насмѣшками и т. п. Ужасъ при видѣ страданій, смерти и т. п. ослабляется съ привычкой. Какъ говоритъ Гамлетъ по поводу могильщика, покоящаго надъ могилой: «чѣмъ меньше руга работаетъ, тѣмъ утонченнѣе она чувствуетъ».

Приспособленіе къ окружающей обстановкѣ. Вліяніе продленія причинъ удовольствія и страданія на уменьшенія напряженности чувствованія, очевидно, подразумеваетъ перемѣну въ состояніи дѣйствующаго органа. Здѣсь происходитъ процессъ приноравливанія или приспособленія организма къ окружающей обстановкѣ.

Поразительнымъ примѣромъ этой способности самопроизвольнаго приспособленія можетъ служить тотъ фактъ, что стимулъ, бывшій вначалѣ отчетливо непріятнымъ, можетъ со временемъ стать не только безразличнымъ, но положительно пріятнымъ. Это показываютъ приобретаемые нами вкусовые пристрастія: любовь къ спиртнымъ напиткамъ, горькимъ приправамъ и т. п. Другимъ примѣромъ являются послѣдствія упражненія органа или способности. Развѣтіе, являющееся результатомъ правильнаго періодическаго упражненія мускула или мозга, подразумеваетъ приспособленіе органа къ увеличившейся силѣ стимула, такъ что количество упражненія, бывшее вначалѣ чреамѣрнымъ и тягостнымъ, приноситъ впоследствии удовольствіе.

Намъ остается коснуться другого дѣйствія продленія или частаго возобновленія стимула. Все привычное, хотя оно и теряетъ первую свѣжесть очарованія, становится намъ дорого именно потому, что оно привычно, такъ что, лишаясь его, мы страдаемъ. Благодаря именно этому принципу, мы можемъ установить ребенка въ извѣстныхъ опредѣленныхъ родахъ тѣлесной и душевной дѣятельности. Ребенокъ находитъ спокойное удовлетвореніе въ

выполненіи круга задачъ и т. д., къ которымъ онъ привыкъ, и тяжело чувствуетъ всякое нарушеніе обычнаго порядка.

Жажда переменъ и привязанность къ привычному суть два противоположные принципа нашего эмоциональнаго опыта. Нѣкоторое количество разнообразія и новизны необходимо для продолжительнаго наслажденія. Но если переходъ отъ стараго къ новому великъ и рѣзокъ, онъ вызываетъ тягостное ощущеніе потери. Въ раннемъ возрастѣ законъ переменъ преобладаетъ. Дѣти страстно любятъ новыя впечатлѣнія и жаждутъ возбужденія переменъ. Поэтому признано за правило, что они скоро забываютъ старыхъ друзей и прежнюю обстановку и почти не знаютъ, сожалѣнія о прошломъ. Это значитъ, что они находятся въ пластическомъ состояніи юности, въ которомъ душа легко приспособляется къ новому и связана лишь слабыми узами привычки. Но въ болѣе напряженной своей формѣ любовь къ переменѣ есть признакъ особенности темперамента, и въ этомъ отношеніи дѣти проявляютъ значительныя индивидуальныя различія. Робкія, привязчивыя натуры несравненно легче привязываются къ привычной обстановкѣ и въ новой обстановкѣ чувствуютъ себя странно и неловко. Вообще мальчики, съ ихъ дѣятельною натурой и любовью къ приключеніямъ, поддаются власти новизны гораздо болѣе дѣвочекъ.

Принципы переменъ и привычки по отношенію къ чувствованіямъ имѣютъ важныя воспитательныя примѣненія. Одинъ изъ современныхъ писателей сказалъ: «Однообразіе есть одинъ изъ величайшихъ враговъ, съ которыми приходится бороться преподавателю». Такъ это или нѣтъ, но достовѣрно, что самый дѣйствительный способъ убить скуку въ ученьи, это вводить въ него какъ можно больше новизны и разнообразія, какъ въ самомъ матеріалѣ, который мы предлагаемъ учащимся, такъ и въ способахъ предложенія этого матеріала. Въ то же время преподаватель не можетъ постоянно открывать ученику новыя и пріятныя перспективы. Онъ долженъ прибѣгать къ повторенію въ интересахъ глубины пониманія и твердости задерживанія. Въ извѣстныхъ случаяхъ онъ даже въ правѣ останавливаться на томъ, что не нравится ребенку, если есть достаточное основаніе надѣяться, что современемъ, съ помощью процессовъ приспособленія и развитія, учащійся освоится съ предметомъ. Какъ постоянное средство, наслажденіе новизной можетъ быть примѣняемо только въ самыхъ раннихъ стадіяхъ обученія. Цѣль преподавателя развивать въ учащихся установившіеся прочныя

интересы, т. е. направлять его эмоціональную енергію на привычные пути. А это, какъ мы видѣли, сопряжено съ извѣстною потерей свѣжести, хотя эта потеря съ избыткомъ вознаграждается развитіемъ сильной привязанности къ тому, что стало привычнымъ и сдѣлалось въ нѣкоторомъ смыслѣ необходимою частью нашего существованія.

Виды удовольствія и страданія. Чувствованія удовольствія и страданія распадаются на двѣ главныя группы: 1) на чувствованія, вытекающія изъ перваго возбужденія, и 2) на чувствованія, зависящія отъ какой-нибудь формы душевной дѣятельности. Первые, извѣстные вообще какъ «ощущенія», могутъ быть названы тѣлесными чувствованіями; вторыя называются эмоціями.

А) Тѣлесныя чувствованія. Эти чувствованія также распадутся на двѣ отдѣльныя группы: а) на чувствованія, связанные съ состояніемъ жизненныхъ органовъ, или на органическія чувствованія и б) на чувствованія, вытекающія изъ упражненія спеціальныхъ органовъ чувствъ и мышцъ.

Первая группа, будучи связана съ разрѣшеніемъ низшихъ растительныхъ отправленій, проявляется первою въ развитіи ребенка. Младенецъ подверженъ множеству нарушеній отправленій пищеваренія, кровообращенія и т. д., и нрушенія эти могутъ поражать значительное количество страданій. Вниманіе къ этимъ признакамъ задержанныхъ отправленій составляетъ важную часть ранняго физическаго воспитанія. Благодаря также тѣсной связи души и тѣла, эти состоянія физическаго благополучія и неблагополучія глубоко вліяютъ на характеръ и душевный складъ ребенка. Ребенокъ, страдающій отъ дурнаго пищеваренія холода и т. п., предрасположенъ къ раздражительности и упрямству. Такіе органическіе пороки, если ими пренебрегать, могутъ даже, производя хроническую раздражительность, воспитать зародыши дурныхъ эмоціональных чертъ, какъ-то: сварливости и придирчивости.

Наслажденія и страданія, связанные съ дѣятельностью органовъ чувствъ, являются чувствованіями болѣе высокаго порядка и проявляются позднѣе въ исторіи развитія ребенка. Наслажденіе красками и звуками обозначаетъ развитіе отправленій, свойственныхъ только высшимъ животнымъ и въ особенности человеку. Въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ жизни ребенка, мы видимъ лишь слабо намѣченный слѣдъ этихъ отправленій; болѣе полное ихъ развитіе предполагаетъ извѣстную долю интеллектуальной дѣятельности, а именно различеніе, и принадлежитъ гораздо бо-

лѣе позднему періоду. Наконецъ, чувствованія, связанныя съ мышечною дѣятельностью, предполагають извѣстное развитіе органовъ и нѣкоторое подчиненіе ихъ волѣ. Упражненіе органовъ движенія даетъ лишь ограниченное наслажденіе младенцу. Только позднѣе, когда онъ станетъ сильнѣе, научится ходить и выполнять множество разнообразныхъ дѣйствій, можетъ онъ реализовать болѣе полныя наслажденія мышечною дѣятельностью¹⁾.

В) Эмоціи. Далѣе, высшія чувствованія или эмоціи распадаются на опредѣленные, рѣзко обозначенные виды воспримчивости къ наслажденію и страданію, каковы: удовлетвореніе и соответственное неудовлетвореніе чувствъ самоуваженія, привязанности, нравственнаго чувства, любви къ прекрасному и т. д.²⁾ Эмоціи, какъ и чувственыя ощущенія, лучше всего разсматривать въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ проявляются. Но прежде чѣмъ разсматривать каждый видъ въ отдѣльности, мы должны разсматривать общіе законы развитія эмоціи.

Развитіе эмоціи. Тѣ же общіе законы душевнаго развитія, которые, какъ мы видѣли, управляютъ развитіемъ интеллектуальныхъ способностей, прилагаются также и къ эмоціямъ. Упражненіе, или какъ мы обыкновенно выражаемся, потворство эмоціямъ придаетъ имъ глубину и прочность; при этомъ происходитъ прогрессъ отъ чувствованій простыхъ по своему составу, требующихъ лишь слабой репрезентативной способности, къ чувствованіямъ по своей природѣ сложнымъ и подразумевающимъ высокую степень репрезентативной дѣятельности.

1) Инстинктивный и наслѣдственный элементы. Наши эмоціи вырастають изъ опредѣленныхъ инстинктивныхъ зародышей. Ребенокъ такъ созданъ, что въ немъ рождаются опредѣленные чувствованія, напримѣръ, гнѣвъ или страхъ, когда къ этому представляются подходящія условія: сознаніе—что ему противорѣчатъ, чувство опасности и т. п. Этотъ инстинктивный зачатокъ эмоціи не во всѣхъ случаяхъ одинаковъ: мы находимъ, что одинаковыя условія и опыты приводятъ у разныхъ дѣтей къ неодина-

---

¹⁾ Говоря объ органическихъ чувствованіяхъ, мы подразумеваемъ ихъ тягостную или непріятную сторону, какъ болѣе выдающуюся. Въ чувствованіяхъ, связанныхъ съ упражненіемъ вѣдшихъ чувствъ, въ особенности слуха и зрѣнія, на первый планъ выступаетъ сторона наслажденія.

²⁾ Въ большинствѣ случаевъ названіемъ эмоціи обозначается, главнымъ образомъ, пріятная сторона чувствованія или воспримчивости, напр., когда мы говоримъ о любви къ одобренію или о самодовольствѣ. Но говоря, напримѣръ, о страхѣ, мы ясно подразумеваемъ тягостное чувствованіе.

жовой напряженности эмоціи; это показываетъ, что дѣти рождаются съ неодинаковыми эмоціональными направленіями или наклонностями. Сумма этихъ врожденныхъ или инстинктивныхъ наклонностей образуетъ эмоціональную природу или темпераментъ ребенка. Такія различія эмоціональных наклонностей связаны съ физическими различіями, обнимающими собою различія не только въ строеніи и способахъ работы мозга и нервной системы, но и въ строеніи мышечной системы и жизненныхъ органовъ, участвующихъ въ зарожденіи и проявленіи чувствованія.

Кромѣ этой способности чувствовать различнымъ образомъ, инстинктивные элементы чувствованія обнимаютъ собою нѣкоторыя унаслѣдованныя ассоціаціи. Напримѣръ, младенецъ, всего нѣсколькихъ недѣль отъ роду, улыбается при видѣ лица своей матери. Это заставляетъ предполагать, что существуетъ наклонность ощущать опредѣленнаго рода удовольствіе въ связи съ опредѣленными впечатлѣніями, напримѣръ, съ видомъ человеческого лица. Далѣе есть основаніе полагать, что ребенокъ ощущаетъ инстинктивный страхъ передъ незнакомыми людьми и нѣкоторыми животными. Такія унаслѣдованныя ассоціаціи указываютъ, повидимому, на вліянія опыта предковъ. Безчисленные опыты наслажденія человеческимъ обществомъ и опасностей, которыя были связаны съ незнакомыми людьми и дикими животными въ теченіи прошлой исторіи расы, оставили свой органическій слѣдъ въ видѣ унаслѣдованной ассоціаціи.

II) Вліяніе упражненія опыта и т. д. Далѣе, каждая эмоція въ своей вполне развитой формѣ предполагаетъ извѣстное количество опыта и процессъ пріобрѣтенія въ предѣлахъ индивидуальной жизни. Чувствованія, подобно интеллектуальнымъ процессамъ, укрѣпляются и совершенствуются упражненіемъ врожденныхъ наклонностей.

Каждый опытъ удовольствія или страданія оставляетъ въ душѣ свой слѣдъ. Какъ каждое упражненіе способностей вниманія оставляетъ душу и, связанные съ этимъ упражненіемъ, мозговые центры измѣненными и предрасположенными къ опредѣленному роду дѣятельности, такъ каждое повтореніе чувствованія стремится укрѣпить соотвѣтствующую наклонность. Ребенокъ, которому позволяли предаваться чувству гнѣва или тщеславія, гораздо легче поддается вновь этому виду чувствованія.

Изъ того, что мы сказали о вліяніи упражненія, слѣдуетъ, что каждое чувствованіе стремится (въ извѣстныхъ предѣлахъ) становиться глубже вслѣдствіе повторенія. Слѣды прошлыхъ одно-

родныхъ чувствованій смѣшиваются съ новымъ чувствомъ, или новое чувство будить эхо прошлыхъ однородныхъ чувствованій. Такимъ образомъ, напримѣръ, чувство благодарности у ребенка къ человѣку, который былъ къ нему всегда добрѣ, постепенно укрѣпляется накопленіемъ эмоціональных слѣдовъ.

Какъ окончательный результатъ такого постоянства эмоціональных слѣдовъ мы имѣемъ такъ называемое воскрешенное или «идейное» чувство. Испытавъ въ дѣйствительности чувство страха или гнѣва, ребенокъ способенъ, если его репрезентативная способность достаточно развита, вызвать въ душѣ или вообразить это чувство. Такъ, онъ можетъ вызвать въ себѣ припадокъ гнѣва, можетъ вообразить себя разсерженнымъ, представивъ себя въ новыхъ условіяхъ; онъ можетъ также раздѣлить чужой гнѣвъ, когда видитъ его выраженіе. Эта способность воспроизводить и реализовать состояніе чувствованія, не предстоящаго нашей душѣ въ данную минуту, представляетъ самое важное пріобрѣтеніе въ эмоціональномъ и моральномъ развитіи.

Ассоціаціи чувствованій. Такое воскрешеніе или представленіе чувствованія управляется закономъ смежности. Чувство удовольствія или страданія вызывается въ душѣ возвращеніемъ къ впечатлѣнію или предмету, которымъ это чувство сопутствовало. Такъ, возьмемъ простой примѣръ: видъ прохладнаго источника въ жаркій день вызываетъ въ насъ пріятное ощущеніе купанья. Присутствіе человѣка, оказавшаго намъ услугу, доставляетъ намъ удовольствіе, вызывая въ нашей душѣ пріятное воспоминаніе объ этой услугѣ¹⁾. Ассоціаціи чувствованія обнимаютъ собою не только предметы и условія, поражающіе чувство, но и побочныя сопутствующія обстоятельства. Такъ, ребенокъ можетъ получить непобѣдимое отвращеніе къ комнатѣ или дому, связаннымъ для него съ непріятнымъ опытомъ. Симпатія къ человѣку можетъ возникнуть изъ совершенно случайной ассоціаціи съ какимъ-нибудь особенно пріятнымъ личнымъ опытомъ.

Развитіе эмоціи зависитъ отъ легкости, съ которою образуются такія ассоціаціи, и отъ силы этихъ ассоціацій. Дѣти живаго эмоціональнаго темперамента быстро облачаютъ предметы, мѣстности и лицъ пріятными и непріятными ассоціаціями, и вслѣд-

---

¹⁾ Пусть читатель сравнитъ это съ тѣмъ, что было сказано въ главѣ IX о вліяніи чувствованія на закрѣпленіе въ душѣ впечатлѣній: чувство, связанное съ впечатлѣніемъ, усиливаетъ это впечатлѣніе, и обратно—само воскрешается имъ.

ствіе этого легко пріобрѣтають сильныя симпатіи и антипатіи.

Многія эмоціи въ полномъ своемъ развитіи являются сложными чувствованіями, составленными изъ нѣсколькихъ болѣ простыхъ чувствованій, какъ тѣлесныхъ такъ и простѣйшихъ эмоціональных состояній, которыя срастаются въ общую массу чувствованія. Такое сращеніе происходитъ съ помощью ассоціацій. Оно есть результатъ множества пріятныхъ или непріятныхъ ассоціацій, послѣдовательно присоединяющихся къ одному и тому же предмету. Такимъ путемъ возникаютъ прочныя пристрастія ребенка къ его любимымъ игрушкамъ и книгамъ, его домашней обстановкѣ, къ ручьямъ и лѣсамъ, которые онъ часто посѣщаетъ, и къ его четвероногимъ и двуногимъ товарищамъ. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе опыты, скомбинированные въ этихъ ассоціаціяхъ, тѣмъ больше будетъ объемъ вытекающаго изъ нихъ чувствованія.

Привычки чувствованія. Высшимъ результатомъ этихъ процессовъ ассоціаціи является образованіе прочныхъ привычекъ чувствованія. Ребенокъ, который пріобрѣлъ сильное влеченіе или отвращеніе къ лицу или мѣсту, не можетъ видѣть этихъ предметовъ или думать о нихъ безъ того, чтобы въ немъ не оживали эти чувства. Такимъ путемъ въ немъ развиваются привычные способы чувствованія къ различнымъ окружающимъ его предметамъ. Образованіе такихъ установившихся привычекъ или наклонностей чувствованія представляетъ одну изъ важныхъ частей эмоціональнаго развитія.

Образованіе установившихся привычекъ чувствованія обуславливается потерей первой напряженности и развитіемъ спокойствія и глубины чувствованія. Дѣтскія чувствованія сильны и бурны; чувствованія взрослыхъ людей спокойнѣе, но продолжительнѣе. Это указываетъ на вліяніе привычки, котораго мы только-что касались. Въ то же время развитіе эмоціональной привычки подразумеваетъ значительное усиленіе потенціальной напряженности. Такъ, болѣе спокойная и зрѣлая любовь пятнадцатилѣтняго мальчика къ матери обуславливается болѣе высокою способностью сильно чувствовать въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда онъ встрѣчаетъ мать послѣ долгой разлуки или получаетъ неожиданное доказательство ея доброты къ нему. Вліяніе повторенія и привычка сказываются также въ усиленіи періодическаго томленія по любимому предмету и въ значительно усилившейся способности страдать при потерѣ чего либо, что мы высоко цѣнимъ.

Порядокъ развитія эмоцій. Эмоціи, подобно интеллектуальнымъ способностямъ, развиваются, повидимому, въ порядкѣ возрастающей сложности и репрезентативности. Такъ, чувство страха появляется однимъ изъ первыхъ, потому что оно просто по составу и требуетъ лишь низкой степени репрезентативной способности. Все, что требуется для развитія этого чувства, это связанное съ нимъ физическое страданіе и извѣстная степень способности задерживанія впечатлѣній, достаточная для построения ассоціацій этого чувства съ предметомъ или мѣстомъ. Чувство привязанности къ лицу приходитъ позднѣе, потому что оно требуетъ большей сложности опыта и болѣе высокой степени способности задерживанія.

Для нашей настоящей цѣли мы можемъ съ удобствомъ раздѣлять эмоціи на три класса, отвѣчающіе въ общихъ чертахъ тремъ степенямъ сложности:

1) Въ первую группу войдутъ такъ называемыя эгоистическія чувствованія. Какъ показываетъ самое названіе, эгоистическія чувствованія касаются самого индивидуума, его нуждъ, интересовъ и благосостоянія. Всѣ они коренятся въ инстинктѣ самосохраненія и самопомощи. Будучи въ высшей степени важны для поддержанія жизни индивидуума, они развиваются первыми. Они обнимаютъ собою хорошо извѣстныя чувства: страхъ, гнѣвъ, любовь къ власти и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: гнѣвъ и зависть, направлены на другихъ лицъ, и такъ какъ они служатъ къ разединенію индивидуумовъ, ставя ихъ въ положеніе взаимнаго антагонизма, то и называются анти-соціальными чувствованіями.

2) Вторая группа состоитъ изъ соціальныхъ чувствованій. Эти чувствованія, какъ показываетъ ихъ названіе, имѣютъ ту общую черту, что благопріятствуютъ другимъ лицамъ и служатъ цѣлямъ человѣческаго сообщества и дружбы. Поэтому, они имѣютъ болѣе высокую нравственную цѣнность, нежели эгоистическія чувствованія. Не будучи связаны съ инстинктомъ самосохраненія и способствуя скорѣе сдерживанію проявленій послѣдняго, они обнаруживаются позднѣе въ исторіи развитія ребенка. Соціальныя чувствованія обнимаютъ собою множество эмоцій весьма неравной цѣнности, отъ исканія чужаго одобренія до вполне безкорыстной симпатіи, и отъ узкой и въ значительной мѣрѣ эгоистической любви къ роднымъ до широкой эмоціи благожелательности.

3) Третья группа состоитъ изъ въ высшей степени сложныхъ

чувствованій, которыя называются обыкновенно высшими чувствами, каковы: патриотизмъ, любовь къ природѣ и къ человечеству. Высшія чувства дѣлятся обыкновенно на три разряда: интеллектуальное чувство или любовь къ истинѣ, эстетическое чувство или восхищеніе прекраснымъ, и нравственное чувство или уваженіе къ долгу. Эти эмоціи въ своемъ полномъ развитіи соединяются съ опредѣленными абстрактными идеями: истиной, красотой и нравственнымъ совершенствомъ. Поэтому, онѣ предполагаютъ несравненно болѣе высокую стадію душевнаго развитія, нежели двѣ другія группы. Культура этихъ эмоцій составляетъ послѣднюю завершающую фазу воспитанія эмоцій.

Характерныя черты дѣтскихъ чувствованій. Чувствованія ранняго возраста являются, какъ можно понять изъ вышесказаннаго, въ широкой мѣрѣ эгоистичными. Въ нихъ можно различить зародышъ привязанности, но привязанность эта едва-ли безкорыстнаго характера. Въ нихъ присутствуетъ и зачатокъ эстетическаго вкуса, но онъ ограничивается чувственною стороною предметовъ (яркостью, цвѣтомъ и т. п.). Въ началѣ дѣтской жизни, тѣлесныя наслажденія и страданія составляютъ главную часть опыта чувствованія. Сюда относятся вкусовые наслажденія и страданія, составляющія такой выдающійся ингредиентъ въ раннемъ опытѣ чувствованія. Даже тѣ слѣды эмоцій въ собственномъ смыслѣ, которые обнаруживаются въ это время, тѣсно связаны съ низшими чувственными ощущеніями. Такъ, раздраженіе является вначалѣ непосредственнымъ слѣдствіемъ физическаго страданія, зависть—слѣдствіемъ жадности, и т. д. Въ первые годы жизни, чувствованіе связано съ тѣлесною жизнью и низшими формами ощущенія.

Вторая характерная черта эгоистическихъ чувствованій, тѣсно связанная съ первой, та, что эмоціональныя состоянія ребенка находятся въ непосредственной зависимости отъ впечатлѣній данной минуты. Страхъ возбуждается видомъ собаки, но не душевнымъ образомъ ея. Другими словами, дѣтскія эмоціи возникаютъ прямымъ путемъ, возбуждаются предстоящими предметами. Низкая степень репрезентативной способности или способности воображенія не допускаетъ еще воспроизведенія и идейныхъ чувствованій.

Это преобладаніе физическаго элемента и подчиненіе чувствованія предстоящимъ условіямъ поможетъ намъ понять другія характерныя черты дѣтскихъ чувствованій. Самыя поразительныя ихъ черты, это напряженность и необузданность. Мы часто го-

воримъ о дѣтской вспыльчивости. Вспышки дѣтской раздражительности, по своей бурной неукротимости и полному господству надъ душой, не имѣютъ ничего подобнаго въ позднѣйшей жизни, по крайней мѣрѣ, у людей, которые научились управлять своими страстями. Такая необузданность эмоціи, имѣющая самое рѣзкое вліяніе какъ на душу, такъ и на тѣло, связана съ отсутствіемъ способности размышлять. Физическое неудобство, пока оно длится, поглощаетъ ребенка всецѣло, потому что онъ неспособенъ призвать на помощь память и размышленіе, или распознать мелкій характеръ причины, мимолетность страданія и т. д. Видъ собаки наполняетъ душу робкаго ребенка преждевременнымъ ужасомъ, потому что душа его неспособна размышлять. Въ то время, какъ интеллектуальная слабость ребенка и низкая степень его репрезентативной способности благопріятствуютъ подчиненію души чувствованію, это чувствованіе поддерживается также и отсталостью нравственнаго развитія ребенка, отсутствіемъ сознанія непристойности и вреда неумѣренной страсти и недостаткомъ силы воли, необходимой для того, чтобы сдерживать и подавлять силы эмоціи.

Необузданность дѣтскихъ чувствованій находится въ тѣсномъ соотношеніи съ другою характерною ихъ чертой, а именно, съ мимолетностью. Вспыльчивый ребенокъ отличается отъ вспыльчиваго челоѣка скоротечностью своихъ вспышекъ. Это ихъ выкупающая сторона. Почти забавно наблюдать, какъ буря страсти у ребенка мгновенно умирается, какъ только въ душѣ его возбуждать отвлекающую цѣпь идей. Маленькій страдалецъ, раздраемый отчаяніемъ отъ того, что у него сломалась игрушка, мгновенно возвращается къ своей обычной ясности духа и веселости, какъ только мы обратимъ его вниманіе на какой-нибудь новый, развлекающій его предметъ.

Эта поверхность чувствованія у дѣтей, или зависимость его отъ предстоящихъ вѣншнихъ обстоятельствъ характеризуется также измѣчивостью и прихотливостью дѣтскихъ эмоцій. У ребенка очень немного установившихся симпатій и антипатій. Сегодня онъ полонъ нѣжности къ своей нянѣкѣ или игрушкѣ, завтра онъ мѣняетъ настроеніе и осыпаетъ оскорбленіями своихъ любимцевъ. Непріятность настоящей минуты не выкупается и не уравнивается воспоминаніемъ прошлаго удовольствія. Каждое чувствованіе является, такимъ образомъ, результатомъ предстоящихъ условій и опыта, а не соединеніемъ результатовъ многихъ послѣдовательныхъ опытовъ.

Воспитаніе чувствованій. Культура чувствованій представляет широкую и важную часть задачи воспитанія. Разсматриваемое съ одной стороны, воспитаніе чувствованій имѣетъ предметомъ счастье самого ребенка. Съ этой точки зрѣнія специальною цѣлю воспитателя должно быть такое регулированіе чувствованій ребенка, которое дало бы ему самыя богатые и разнообразныя средства къ счастью. Эта цѣль сводится, въ концѣ концовъ, къ культурѣ души въ ея цѣломъ и къ развитію интеллектуальныхъ интересовъ и эстетическаго вкуса. Эта сторона эмоциональной культуры связана тѣснѣйшимъ образомъ съ интеллектуальнымъ воспитаніемъ. Но, кромѣ того, воспитатель можетъ разсматривать чувствованія съ практической и этической точки зрѣнія, какъ доставляющія побужденія или пружины къ дѣйствию. И въ этомъ случаѣ специальною его цѣлью будетъ обращать эмоциональную силу въ наилучшій волевой стимулъ; онъ будетъ стараться сдѣлать ребенка способнымъ къ отправленію житейскихъ обязанностей. Эта практическая точка зрѣнія, хотя и имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ индивидуальному счастью ребенка, касается преимущественно требованій другихъ лицъ и обязанностей индивидуума къ обществу. Она тѣсно связана съ цѣлями моральнаго воспитанія.

Когда мы говоримъ, что воспитатель помогаетъ развитію дѣтскихъ чувствованій, мы подразумеваемъ, что на эмоциональную воспримчивость индивидуума воздѣйствуетъ до извѣстной степени его социальная обстановка. Съ перваго взгляда это можетъ показаться не вполне очевиднымъ. Средства воздѣйствія на интеллектуальныя силы ребенка находятся въ рукахъ родителей или воспитателя. Они могутъ выбирать предметы для упражненія его умственныхъ способностей, сообщать ему словесныя знанія и, такимъ образомъ дѣйствовать прямымъ путемъ на его умъ. Но какимъ образомъ вліять на чувствованія ребенка? Какъ, напримѣръ, возбудить въ его душѣ чувство жалости или стыда? Тѣмъ не менѣе, наблюденіе показываетъ, что дѣтскія чувствованія въ значительной мѣрѣ подчиняются контролю людей, съ которыми живутъ дѣти; намъ остается изслѣдовать средства, съ помощью которыхъ достигается это вліяніе.

Культура эмоций распадается на два рѣзко обозначенные отдѣла: а) на отрицательную культуру или надлежащее ограниченіе страстей, и б) на положительную культуру или возбужденіе и развитіе чувствованій.

а) **Подавленіе чувствованій.** Есть эмоции, которыя способны

доходить до чрезвычайности таковы, страхъ и анти-соціальныя чувствованія. Эти чувствованія должны быть до известной степени подавляемы, какъ ради физическаго и нравственнаго блага самого ребенка, такъ и въ интересахъ другихъ лицъ. Одна изъ великихъ цѣлей воспитателя, это — обуздывать неистовство дѣтскихъ чувствованій.

Задача подавленія силы чувствованія въ дѣтяхъ особенно трудна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Какъ мы видѣли, страстныя вспышки ребенка отличаются особенною силой, и вслѣдствіе этого воспитателю бываетъ трудно проникнуть въ душу ребенка и вліять на нее, когда она находится во власти эмоціи. Сверхъ того, когда дѣло касается маленькихъ дѣтей, то, благодаря слабости ихъ воли, мы не можемъ положиться на великую двигательную силу, которая, какъ мы увидимъ ниже, сдерживаетъ силу чувствованія и противодействуетъ ей, а именно, на самообузданіе. Въ то же время подвижность дѣтской души благоприятствуетъ отвлеченію вниманія ребенка отъ причины, возбуждающей страсть, и, такимъ образомъ, въ обыкновенныхъ случаяхъ воспитателю легко усмирить страсть послѣ того, какъ первый пылъ ея миновалъ.

Кромѣ такого старанія—подавлять силу уже возбужденной страсти, разумный воспитатель старается ослаблять обосновывающія страсть ощущенія. Въ дѣлѣ чувствованій особенно ясна та истина, что предупрежденіе лучше леченія. Такъ, воспитатель долженъ заботиться о томъ, чтобы дѣти съ сильною склонностью къ вспыльчивости не подвергались вліяніямъ, могущимъ воспламенить эту страсть. Завистливаго ребенка не слѣдуетъ ставить въ положеніе, которое неизбежно должно возбудить въ немъ чувство зависти. Эмоціональная воспримчивость можетъ быть до известной степени ослабляема и даже умерщвляема посредствомъ отсутствія упражненія.

Далѣе, мы можемъ ослаблять дѣтскія чувствованія, укрѣпляя интеллектуальную сторону дѣтской души, давая ребенку новыя знанія и упражняя его способности размышленія и сужденія. Такимъ образомъ, напримѣръ, исчезаютъ первые безсмысленные дѣтскіе страхи, благодаря постепенному разсвѣнію дѣтскихъ суетвѣрій подъ животворнымъ вліяніемъ болѣе точнаго знанія природы и ея законовъ. Подобнымъ же образомъ сила горя умѣряется развитіемъ способности сужденія и пріобрѣтеніемъ умѣнья сравнивать вещи и видѣть ихъ истинныя размѣры.

Наконецъ, ослабленіе или умерщвленіе непріятнаго или вред-

наго чувствованія лучше всего достигается укрѣпленіемъ противоположнаго типа чувствованія. Такъ, каждое упражненіе ребенка въ чувства уваженія къ хорошимъ качествамъ другихъ лицъ стремится ослабить его самодовольство. Каждое проявленіе доброты и вниманія къ другимъ ослабляетъ побужденіе вражды и зависти. Воспитатель, по замѣчанію Вайтца, стремится къ подавленію и ослабленію низшихъ эгоистическихъ чувствованій ребенка посредствомъ развитія въ немъ высшихъ соціальныхъ и моральныхъ чувствъ.

б) **Возбужденіе эмоцій.** Однако, такъ называемая культура чувствованій въ широкой мѣрѣ касается задачи укрѣпленія и развитія извѣстныхъ эмоцій. Это относится въ особенности къ высшимъ чувствамъ, а именно: къ соціальнымъ чувствованіямъ и абстрактнымъ чувствамъ. Образование высшихъ интересовъ, интеллектуальныхъ и эстетическихъ, и развитіе добрыхъ чувствъ къ ближнему и чувства долга требуетъ, чтобы воспитатель дѣйствовалъ прямымъ путемъ, возбуждая въ ребенкѣ эти чувствованія ¹⁾. Такъ какъ упражненіе развиваетъ чувствованіе, то воспитатель долженъ изыскивать средства для возбужденія опредѣленной эмоциональной восприимчивости къ полной и энергичной дѣятельности. Для этого онъ можетъ пользоваться двумя главными двигателями:

Во-первыхъ, онъ можетъ приводить ребенка въ соприкосновеніе съ предметами или обстоятельствами, способными возбудить опредѣленное чувствованіе. Такъ, обращая вниманіе ребенка на какой-нибудь случай страданія, отецъ или мать стремится подѣйствовать на него прямымъ путемъ, пробудить въ немъ чувство жалости. Подобнымъ же образомъ красивыя вещи, рассказы и т. п. служатъ для возбужденія чувства эстетическаго восторга. Въ дополненіе къ такому подбору подходящихъ предметовъ, воспитатель можетъ, поощряя ребенка къ удовлетворенію его дѣятельнымъ побужденіямъ, помочь ему въ приобрѣтеніи новаго самостоятельнаго опыта, а черезъ это и въ изысканіи новыхъ видовъ наслажденія. Такимъ путемъ, безпечнаго, не честолюбиваго ребенка мы можемъ побудить къ дѣятельности, давъ

---

¹⁾ Вайтцъ очень хорошо аргументируетъ противъ той идеи (возникшей изъ общей воспитательной концепціи Руссо), будто бы дѣло воспитателя, по отношенію къ чувствованіямъ, заключается только въ томъ, чтобы обуздывать, но не возбуждать чувствованія. Онъ указываетъ, что, тогда какъ подавленіе чувствованія является главною цѣлью въ ранней стадіи развитія ребенка, возбужденіе его приобрѣтаетъ все большую и большую важность съ возрастомъ

ему испытать наслажденія успѣха и заслуженнаго одобренія. Всякое интеллектуальное развиваніе стремится къ развитію извѣстных чувствованій или интересовъ посредствомъ возбужденія соотвѣствующихъ видовъ душевной дѣятельности.

Во-вторыхъ, многое можетъ быть сдѣлано окружающими ребенка, если они будутъ постоянно проявлять опредѣленные чувствованія. Дѣти склонны подражать чувствованіямъ, выраженіе которыхъ они видятъ у своихъ родителей, наставниковъ и товарищей. Мы дадимъ объясненіе этого процесса эмоціональнаго подражанія, когда будемъ говорить о симпатіи, здѣсь же достаточно коснуться его, какъ одного изъ величайшихъ орудій, съ помощью которыхъ воспитатель отливаетъ въ форму развивающуюся эмоціональную природу ребенка.

Цѣль воспитателя при развиваніи чувствованій должна заключаться въ созиданіи, сильныхъ и прочныхъ привязанностей къ достойнымъ предметамъ, лицамъ и видамъ дѣятельности. И здѣсь принципы повторенія и ассоціаціи получаютъ важное значеніе. Привязанность къ своему дому, школѣ, къ наставнику и къ школьнымъ занятіямъ, есть чувство въ высшей степени сложное, продуктъ медленнаго процесса накопленія знанія и развитія. Если воспитатель хочетъ развить въ ребенкѣ сильную привязанность къ предмету изученія, онъ долженъ сумѣть представить ему этотъ предметъ въ заманчивомъ свѣтѣ, связать его возможно большимъ количествомъ ассоціацій съ тѣмъ, что пріятно ребенку. Равнымъ образомъ, стараясь возбудить въ ребенкѣ прочное чувство привязанности къ себѣ, онъ долженъ создать для него цѣлую массу пріятныхъ чувствованій. Онъ долженъ помнить также, что даже случайныя ассоціаціи оказываютъ могущественное вліяніе, и долженъ заботиться о томъ, чтобы все, сопутствующее предмету, который онъ хочетъ заставить ребенка уважать, было, по возможности, достойно уваженія и дѣлало на ребенка сильное впечатлѣніе.

Для того, чтобы помочь созиданію такихъ прочныхъ привязанностей, воспитатель долженъ остерегаться, какъ постояннаго потворства чувству, съ одной стороны, такъ и слишкомъ частыхъ уколовъ чувствительности ребенка—съ другой. Ребенокъ, котораго мать постоянно ласкаетъ или наставникъ хвалитъ, склоненъ придавать мало значенія похваламъ и ласкамъ. Ни одно чувствованіе не должно быть доводимо до пресыщенія. Съ другой стороны, воспитатель долженъ имѣть въ виду, что частые уколы какого бы то ни было чувствованія убиваютъ его. Ребенокъ,

котораго никогда не хвалятъ, даже когда, по собственному сознанію, онъ заслуживаетъ похвалы, склоненъ сдѣлаться равнодушнымъ къ похвалямъ. Невознаграждаемая привязанность умираетъ отъ недостатка питанія. Наиболѣе тонкія чувствованія, какъ, напримѣръ, стыдъ, по замѣчанію Локка, «не могутъ жить, если мы постоянно идемъ имъ наперекоръ».

Можно прибавить еще одно общее предостереженіе. Воспитатель долженъ стоять на-сторожѣ противъ фальшивыхъ, болѣзненныхъ дѣтскихъ чувствованій и внѣшней аффектаціи чувствованія. Самая страстность, съ которою родители и наставники стараются развить въ ребенкѣ добрыя чувства, и желаніе ребенка нравиться благопріятствуютъ, какъ указываетъ Локкъ, развитію аффектаціи. Воспитатель не долженъ насиловать чувства; онъ не долженъ, добиваясь отъ ребенка выраженія чувства, наводить его на старанія подражать внѣшности чувства ¹⁾; онъ не долженъ также допускать, чтобы врожденное желаніе ребенка нравиться приводило его къ самопроизвольной аффектаціи красивыхъ чувствъ. Онъ долженъ строго различать подлинное и достойное чувствованіе, напримѣръ, чувство жалости или угрызенія, отъ его недостойнаго и сентиментальнаго подражанія, а тѣмъ болѣе внѣшнюю выставку чувства отъ его внутренней сущности; онъ не долженъ также допускать, чтобы чувствованіе расходилось съ дѣйствіемъ и впадало въ простое потворство эмоціи, вмѣсто того, чтобы становиться дѣйствующею силой, мотивомъ поведенія.

---

¹⁾ Ничто (говоритъ миссъ Эджевортъ) не вредитъ такъ дѣламъ, какъ когда за чувствами ихъ постоянно наблюдаютъ, когда внимательный взглядъ безжалостнаго зрителя слѣдитъ за выраженіемъ ихъ лицъ, измѣряя степени ихъ чувствительности.

Глава XVII.

Эгоистическія и соціальныя чувствованія.

Въ предъидущей главѣ мы дали общій обзоръ природы чувствованій, теперь мы можемъ перейти къ подробному разсмотрѣнію чувствованій. При этомъ мы будемъ слѣдовать порядку развитія и начнемъ съ эгоистическихъ чувствованій, причемъ разсмотримъ вкратцѣ нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся ихъ типовъ, каковы: страхъ, гнѣвъ, любовь къ дѣятельности, съ которыми воспитателю приходится имѣть дѣло по преимуществу.

А) Эгоистическія чувствованія: страхъ. Однимъ изъ первыхъ чувствованій развивается страхъ, болѣе глубокія формы котораго извѣстны подъ названіемъ ужаса. Чувство страха есть простѣйшая форма эмоціи въ чистомъ видѣ, т. е. такое чувствованіе которое лишено всякой примѣси предстоящаго ощущенія, но возникаетъ изъ душевной дѣятельности. Страхъ рождается изъ идеи или ожиданія зла и, такимъ образомъ, обусловливается простымъ актомъ душевнаго представленія. Чувство страха предполагаетъ предварительный опытъ страданія въ той или иной формѣ и образование ассоціаціи между этимъ опытомъ и его причиной или спутниками. Такъ, вошедшая въ поговорку дѣтская боязнь огня есть естественное послѣдствіе опыта, показавшаго ребенку свойство огня жечь. Въ то же время есть основаніе полагать, что нѣкоторыя формы страха поддерживаются унаслѣдованными ассоціаціями. Въ извѣстномъ возрастѣ дѣти склонны обнаруживать страхъ въ присутствіи животныхъ и незнакомыхъ лицъ, прежде чѣмъ личный опытъ могъ научить ихъ связывать идею опасности съ этими предметами. Робость, которую прояв-

лиють дѣти, когда начинаютъ ходить, также не можетъ быть объяснена, какъ результатъ индивидуальнаго опыта¹⁾.

Хотя, такимъ образомъ, для возбужденія чувства страха, опытъ вначалѣ необходимъ, какъ внушающій мысль объ опасности, однако, вовсе не необходимо, чтобы ребенокъ зналъ по опыту опредѣленную форму зла, котораго онъ долженъ ожидать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Разъ душа ознакомилась съ нѣкоторыми видами страданія, дѣйствія воображенія достаточно для возбужденія страха въ присутствіи новыхъ и неизвѣстныхъ золъ. Мы легко возбудимъ страхъ въ душѣ ребенка, внушивъ ему мысль о неизвѣданномъ злѣ, напримѣръ, о паденіи въ воду,—фактъ, хорошо извѣстный многимъ нянькамъ.

Въ наиболѣе глубокихъ своихъ формахъ страхъ всегда сопряженъ съ неопредѣленнымъ представленіемъ угрожающаго зла. Тамъ, гдѣ душа отчетливо реализируетъ точную природу и размѣръ страданія, наиболѣе поразительныя характерныя черты страха отсутствуютъ. Поэтому, нѣкоторыя изъ наиболѣе тягостныхъ формъ дѣтскаго страха возникаютъ изъ неизвѣстной, а потому неизмѣримой возможности зла, напримѣръ, когда ребенку грозятъ, что отдадутъ его полицмену²⁾. Волнующее дѣйствіе страха усиливается неопредѣленностью зла. Неопредѣленное бѣдствіе труднѣе встрѣтить спокойно, нежели опредѣленное.

Такъ какъ страхъ есть тягостная форма чувствованія, то слѣдовало бы ожидать, что онъ будетъ имѣть подавляющее дѣйствіе на душевную и тѣлесную дѣятельность. Но особенность этой эмоціи, это—ея изнуряющій и обезсиливающій характеръ. Интеллектуальные процессы останавливаются, вниманіе приковывается къ возбуждающему страхъ предмету, и воображеніе способно воспламеняться до опасной степени силы. Низкое чувство ужаса лишаетъ душу всякой силы. Этому соответствуетъ физическое изнеможеніе, сопутствующее этому состоянію. Въ крайнихъ своихъ формахъ страхъ можетъ повести къ серьезному физическому разстройству.

Дѣти вообще очень подвержены этой эмоціи. Съ тѣмъ небольшимъ опытомъ, какой они имѣютъ, они уже могутъ реализиро-

---

¹⁾ Вопросъ о которомъ много спорили воспитатели, начиная съ Локкѣ и до нашихъ временъ, это—инстинктивна-ли дѣтская боязнь темноты. Локкѣ утверждаетъ, что боязнь темноты не инстинктивна.

²⁾ Превосходный примѣръ жестокаго дѣйствія такого безграничнаго ужаса даетъ намъ м-ръ Энстн въ своемъ романѣ «The Giant's Bobe» (Этотъ романъ переведенъ въ «Вѣсти. Евр.» подъ заглавіемъ: «Въ панцырѣ великана»).

вать свою крайнюю зависимость отъ всякаго зла, свою физическую слабость, свое невѣжество и неспособность бороться съ опасностью. Этотъ результатъ поддерживается также ихъ инстинктивною наклонностью къ боязни. Повидимому, дѣтству свойственна нѣкоторая робость, и естественно предположить, что врожденная наклонность къ страху представляетъ одно изъ инстинктивныхъ дарованій, служащихъ великой цѣли самосохраненія. Сверхъ того, эта черта тѣсно связана съ самою раннею формою социального инстинкта, а именно стремленіемъ искать общества людей и полагаться на ихъ покровительство и руководство въ интересахъ собственной безопасности ¹⁾.

Воспитателю приходится имѣть дѣло съ чувствомъ страха въ различныхъ его формахъ. Прежде всего, онъ долженъ предостерегать дѣтей противъ всѣхъ неосновательныхъ и унижительныхъ формъ этой эмоціи, въ особенности противъ суевѣрнаго ужаса и боязни темноты. Въ высшей степени важно, говоритъ Локкэ, избѣгать всякихъ поводовъ, могущихъ возбудить въ ребенкѣ страхъ. Безпечные родители, занимая дѣтей сенсаціонными сказками о лѣвшахъ, домовыхъ и т. п., часто возбуждаютъ въ юной душѣ робость, которой она не знала раньше. Воспитатель долженъ тщательно изслѣдовать причины дѣтскаго страха. Идеи об опасности, связываемыя дѣтьми съ предметами, часто являются результатомъ случайныхъ ассоціацій. Мисъ Эджевордъ приводитъ примѣръ боязни ребенка къ барабану, потому что онъ видѣлъ раньше, какъ на барабанѣ игралъ замаскированный человѣкъ. Мы должны противодействовать дѣтской наклонности къ страху, развивая въ дѣтяхъ противоположныя чувствованія смѣлости и самоувѣренности, и упражнять ихъ волю, приучая ее смѣло изслѣдовать источники боязни. Такимъ путемъ мы уничтожимъ многіе дѣтскіе страхи. Наконецъ, великимъ цѣлебнымъ средствомъ противъ низкаго и вреднаго чувства ужаса является развитие интеллекта, разсѣвающее многіе изъ нашихъ раннихъ страховъ, какъ исключительно воображаемые, и дающее намъ возможность опредѣлять точные размѣры и истинное значеніе каждой определенной формы зла.

Хотя, такимъ образомъ, воспитатель долженъ стараться обуз-

---

¹⁾ Въ то же время относительно социальныхъ чувствованій страхъ дѣйствуетъ, какъ могущественное сдерживающее начало; въ особенности сказывается это въ обычной робости и застѣнчивости дѣтей въ присутствіи незнакомыхъ лицъ

дывать страхъ и лишать его всепоглощающей и унижающей силы, онъ долженъ въ то же время охранять это чувство и пользоваться имъ въ его болѣе мягкихъ формахъ. Послѣ известнаго количества опыта робость легко уступаетъ мѣсто сумасбродной безпечности передъ опасностью. Поглощенный первымъ восхитительнымъ сознаніемъ своей развивающейся силы, мальчикъ склоненъ преувеличивать свою способность бороться съ опасностью. На этотъ случай слѣдуетъ развивать въ дѣтяхъ известную осторожность и опасливость. Вообще, противодействуя крайнимъ и вреднымъ видамъ эмоціи страха, какъ-то: боязни быть осмѣяннымъ и т. п., воспитатель долженъ вызывать къ дѣятельности и укрѣплять ее относительно подлежащихъ ей и достойныхъ ея предметовъ, каковы: дурные поступки и потеря уваженія ближняго.

Наконецъ, эмоція страха нужна воспитателю, какъ двигатель. Каждый правитель до известной степени дѣйствуетъ на управляемыхъ страхомъ и наставникъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Однако, онъ долженъ остерегаться, чтобы не возбудить этой эмоціи до обезсиливающей и изнуряющей напряженности. Система принужденія угрозою, если она доведена до жестокой крайности, неизбѣжно обращается во вредъ собственной цѣли. Возбуждая въ дѣтяхъ ужасъ, мы лишаемъ ихъ силы выполнить то, чего мы отъ нихъ требуемъ. Но тамъ, гдѣ зло опредѣленно и размѣры его вполне доступны душѣ ребенка, волненіе ужаса отсутствуетъ, и спокойное опасеніе страданія, количество котораго ребенокъ можетъ реализовать, побуждаетъ его волю къ дѣятельности.

Гнѣвъ, антипатія. Къ тому же классу простыхъ, примитивныхъ чувствованій, къ которому принадлежитъ страхъ, должна быть отнесена и эмоція гнѣва. Гнѣвъ походитъ на страхъ, тѣмъ что также, какъ и страхъ, возникаетъ изъ опыта страданія; но въ противность страху онъ заключаетъ въ себѣ отчетливый ингредиентъ удовольствія. Мы говоримъ объ удовлетвореніи страсти гнѣва. Чувство гнѣва, въ собственномъ смыслѣ, противоположно страху въ томъ отношеніи, что имѣетъ своимъ спутникомъ энергическую форму дѣятельности. Ребенокъ въ состояніи гнѣва не обезсиленъ и не парализованъ, какъ въ состояніи страха, но предается усиленной мышечной дѣятельности. Въ то же время, вслѣдствіе напряженности этой дѣятельности и ея неправильнаго и судорожнаго характера, она становится пагубною и разрушаетъ энергію. Припадокъ гнѣва истощаетъ силы ребенка.

Въ его простѣйшей формѣ, какимъ онъ проявляется въ страстныхъ вспышкахъ младенца въ первые недѣли и мѣсяцы его жизни, гнѣвъ есть прямое послѣдствіе физическаго страданія и можетъ быть приписанъ инстинктивному протесту мыслящаго существа противъ распредѣленія страданія. Позднѣе грубый типъ этого чувствованія, въ которомъ преобладаетъ физическій элементъ, дифференцируется въ эмоцію гнѣва въ собственномъ смыслѣ ¹⁾. У ребенка чувство гнѣва основано на сознаніи чужаго дѣйствія, противорѣчащаго его собственному дѣйствию, и заключаетъ въ себѣ загадочное сознаніе обиды. По своему происхожденію оно тѣсно связано съ животнымъ инстинктомъ борьбы и, по всей вѣроятности, обязано этому обстоятельству своимъ энергическимъ характеромъ. Такимъ образомъ, подобно страху, чувство гнѣва коренится въ инстинктѣ самосохраненія; оно сопутствуетъ проявленіямъ стремленія къ самозащитѣ, къ оборонѣ противъ врага. И глубокое удовольствіе, сопровождающее свободный взрывъ страсти гнѣва, зависитъ, вѣроятно, отъ того обстоятельства, что страсть эта сильнѣе всѣхъ другихъ возбуждаетъ какъ душевную, такъ и тѣлесную энергію, и представляетъ удовлетвореніе самаго могущественнаго изъ нашихъ животныхъ инстинктовъ.

Дѣти замѣчательно легко поддаются этой примитивной страсти. Страніе раздражаетъ ихъ, и раздраженіе это они изливаютъ въ припадкахъ безсильной ярости: они кричатъ, бросаютъ объ землю вещи и въ крайнихъ случаяхъ сами бросаются на полъ въ припадкѣ бѣшеннаго отчаянія. Не будучи въ состояніи въ такіе моменты душевнаго волненія отличить умышленное оскорбленіе отъ неумышленнаго, они вымещаютъ свою ярость на какой-нибудь ни въ чемъ неповинной куклѣ, игрушечной лошаdkѣ или другомъ неодушевленномъ предметѣ, бывшемъ причиною ихъ раздраженія.

Гнѣвъ проявляется въ разнообразныхъ формахъ. Въ его чистой формѣ возмездія, возбуждающею гнѣвъ причиною является представленіе о чьемъ-нибудь оскорбительномъ дѣйствиі или напѣреніи. Будучи тѣсно связано по своему происхожденію съ инстинктомъ борьбы, это чувство сопровождаетъ въ болѣе или менѣе отчетливой формѣ всѣ наиболѣе возбуждающіе виды состязанія. Въ видѣ простаго удовольствія досаждать и обижать, оно

---

¹⁾ Дарвинъ говоритъ, что гнѣвъ въ собственномъ смыслѣ отчетливо проявляется уже на четвертомъ мѣсяцѣ жизни.

часто ассоциируется съ любовью къ власти въ самыхъ жесткихъ и грубыхъ ея формахъ и представляетъ начальный ингрѣдиентъ хорошо извѣстнаго мальчишескаго типа буяна или забіяки. Обыкновенно, оно присоединяется къ сильнымъ разрушительнымъ инстинктамъ ребенка, и вмѣстѣ съ ними порождаетъ жестокость къ животнымъ, въ которой вообще обвиняють дѣтей¹⁾ Его грубый голосъ слышится въ жестокой мальчишеской насмѣшкѣ. Въ менѣе пріятной и торжествующей формѣ чувство гнѣва проявляется въ видѣ зарождающейся ненависти или досады, когда ребенокъ завидуетъ счастью другаго, и въ особенности въ его ревности, когда при немъ хвалятъ и ласкають другаго ребенка.

Когда чувство гнѣва пустить въ душѣ крѣпкіе корни, оно можетъ развиваться въ постоянную антипатію или отвращеніе къ человѣку. Дѣти обнаруживаютъ животноподобную легкость въ приобрѣтеніи такихъ антипатій къ людямъ, которые нанесли имъ (дѣйствительные или воображаемые) вредъ или обиду.

Какъ чувствованіе анте-соціальное, разъединяющее людей, инстинктъ возмездія, хотя полезный и необходимый индивидууму, требуетъ строгаго обузданія и большого умѣнья въ этомъ отношеніи со стороны воспитателя. Для счастья и нравственнаго развитія ребенка безспорно гибельно потакать его раздражительности и не сдерживать въ немъ вспышекъ гнѣва. Животная необузданность дѣтской раздражительности должна быть смягчаема. Но это не можетъ быть достигнуто простымъ примѣненіемъ физической силы. Когда, —возьмемъ примѣръ Руссо,—нянька бьетъ ребенка за то, что онъ сердится и плачетъ, такая дисциплина едва-ли успокоитъ его гнѣвъ и излечитъ его отъ раздражительности,

Имѣя дѣло со вспыльчивыми дѣтьми, слѣдуетъ дѣйствовать на ихъ челоуѣчную сторону и разсудокъ. Такъ, слѣдуетъ избѣгать всякихъ поводовъ къ сильному гнѣву; родители не должны, на примѣръ, выводить изъ себя раздражительнаго ребенка, возбуждая въ немъ чувство зависти. Будучи поставлены въ необходимость прибѣгать къ мѣрамъ строгости, причиняющимъ ребенку много непріятнаго, они должны особенно стараться о томъ, чтобы смягчить его мстительныя чувства по отношенію къ себѣ. Для

---

¹⁾ По словамъ Бэна, въ зрѣлищѣ страданія есть для насъ инстинтивное наслажденіе, въ которомъ и коренится наслажденіе удовольствіемъ злобной страсти. Но Локкъ думаетъ, что жестокость есть слѣдствіе дурнаго воспитанія.

этой цѣли, въ своемъ обращеніи съ ребенкомъ они должны избѣгать малѣйшей тѣни беспорядочности, прихоти и несправедливости. Чувство справедливости основано на обычаяхъ, и ребенокъ, приученный къ извѣстной снисходительности, страдаетъ отъ рождающагося въ немъ сознанія несправедливости, когда этой снисходительности измѣняютъ. Такъ, мать, которая въ девяти случаяхъ изъ десяти позволяетъ ребенку засыпать со свѣчей, а въ десятомъ запрещаетъ это, возбуждаетъ въ немъ законное чувство гнѣва, близко аналогичное нравственному негодованію.

Далѣе, воспитатель долженъ вызывать къ дѣятельности дѣтскую способность размышлять, и развивать въ ребенкѣ правильный и здравый взглядъ на вещи. Какъ вѣрно говорить миссъ Эджевортъ, по поводу усмиренія вспышекъ дѣтской раздражительности: «для того, чтобы измѣнить его чувствованія, вы должны измѣнить его привычки мышленія и взглядъ на вещи». Такъ, раздражительному и сварливому ребенку слѣдуетъ показывать, что многое такое, что кажется ему умышленною обидой, въ дѣйствительности не имѣетъ такого характера; что товарищъ его легко могъ не предусмотрѣть своихъ поступковъ, и что его родители и наставники—его друзья, горячо принимающіе къ сердцу его истинные интересы. По мѣрѣ развитія умственныхъ силъ ребенка, слѣдуетъ дѣйствовать на его волю, заставляя его сдерживать и подавлять буйные порывы страстей. Наконецъ, слѣдуетъ ограничивать и уравнивать его анти-соціальныя побужденія старательнымъ развиваніемъ въ немъ соціальныхъ и добрыхъ чувствованій. Дисциплины и развивающагося сознанія непристойности неумѣренной страсти можетъ быть достаточно для того, чтобы сдерживать ея порывы; но только достаточная охрана противъ потворства внутренней злобѣ, ненависти и другимъ нечестивымъ чадамъ гнѣва способствуетъ образованію чelовѣчнаго и великодушнаго характера.

И здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ, воспитатель долженъ помнить, что дѣло его заключается вовсе не въ искорененіи чего-то такого, что дурно по существу. Импульсъ гнѣва есть необходимое дарованіе и имѣетъ свое законное поле дѣйствія. Несомнѣнно вѣрно то, что общество, взявъ въ свои руки наказаніе самыхъ гнусныхъ преступленій, лишаетъ индивидуума возможности вполне предаваться своимъ мстительнымъ инстинктамъ. Но въ то же время одинаково вѣрно и то, что оно предоставляетъ ему нѣкоторое скромное поле для упражненія и проявленія импульса возмездія. Нѣтъ формы правленія, будетъ-ли

это школа, или государство, которая освобождала бы индивидуума отъ всякой необходимости самозащиты. Напротивъ того, отъ каждаго ожидается, что онъ будетъ самъ возстановлять свои права и встрѣчать обиду проявленіемъ тѣхъ инстинктовъ, которыми надѣлила его природа для его самощиты. Трусливый и вялый ребенокъ, позволяющій буну пробовать надъ нимъ свою власть сколько его душѣ угодно, доказываетъ свою неспособность участвовать въ жизненной борьбѣ. И воспитатель не только не долженъ хвалить такой рабской покорности, но долженъ, если нужно, выставить ее, какъ дурной примѣръ.

Мало того, гнѣвъ необходимъ для того, чтобы придавать жизнь и энергію высшимъ и благороднѣйшимъ чувствамъ. Инстинктъ возмездія, грубый и жестокій, когда онъ не укрощенъ, можетъ быть смягченъ и обращенъ въ весьма почтенное чувство. Въ негодующемъ протестѣ дѣтской души противъ самой идеи жестокости, къ человѣку или къ животному — безразлично, гнѣвъ не только лишается своего непривлекательнаго характера, но становится привлекательнымъ и даже достойнымъ восхищенія. Развивая въ ребенкѣ широкую симпатію къ чужому страданію, воспитатель можетъ способствовать очеловѣченію гнѣвныхъ инстинктовъ, преобразуя ихъ въ неподдѣльно безкорыстное и безпристрастное чувство справедливости.

Любовь къ дѣятельности и къ могуществу. Теперь мы перейдемъ къ чувствованію другого порядка, а именно, любви къ дѣятельности. Это чувство эгоистично, такъ какъ удовольствіе, испытываемое ребенкомъ, когда онъ упражняетъ свои силы, связано съ поддержаніемъ его, какъ индивидуума, и служить этому поддержанію. Въ то же время это такое чувство, которое воспитатель долженъ скорѣе поддерживать и утилизировать, какъ двигательную силу, нежели подавлять; оно представляетъ одинъ изъ хорошо извѣстныхъ воспитательныхъ двигателей.

Какъ было указано выше, всякая дѣятельность, если она соответствуетъ упражняемымъ въ ней силамъ, сопровождается чувствомъ наслажденія. Тамъ, гдѣ имѣются на лицо крѣпкіе тѣло и мозгъ и надлежащее возстановленіе силъ періодическимъ отдыхомъ, рождается сильное стремленіе къ дѣятельности, такъ что малѣйшая возможность или стимулъ схватываются и утилизируются. Эта готовность дѣйствовать называется «самопроизвольною дѣятельностью» ребенка. Здоровыя дѣти страстно жаждутъ дѣятельности. И эта самопроизвольная энергія находитъ исходъ не только въ мышечной дѣятельности, но и въ упражненіи орга-

новъ чувствъ и мозга наблюденіемъ предметовъ. Удовольствіе, прямо вытекающее изъ разрѣшенія нервной силы и сопутствующее ему, образуетъ чувственный базисъ любви къ дѣятельности.

Это чувство возвышается до эмоціи, когда самопроизвольная дѣятельность встрѣчаетъ временную задержку. Задержка ведетъ къ усиленному приложенію энергіи и несравненно болѣе отчетливому сознанію того, что дѣятельность исходитъ отъ насъ самихъ. Мы легко можемъ наблюдать зародышъ этого чувствованія у двухъ или трехъ-мѣсячнаго ребенка, когда онъ поглощенъ какимъ-нибудь волнующимъ его усиліемъ: когда онъ старается, напримеръ, поднять тяжелый предметъ или достать предметъ, за которымъ ему надо далеко тянуться. Преодоленіе трудности сопровождается гордымъ взглядомъ и звуками удовольствія. Здѣсь мы видимъ первый грубый слѣдъ эмоціи могущества. Усиленіе напряженности и продолжительности дѣятельности подъ влияніемъ стимула препятствія пробудило въ ребенкѣ болѣе ясное и полное сознаніе его силы.

Ребенокъ испытываетъ пріятное чувство могущества, когда ему удастся сдѣлать что-нибудь такое (безразлично, будетъ-ли это дѣйствіе физическимъ или душевнымъ актомъ), чего онъ не могъ сдѣлать раньше, или думалъ, что не можетъ. Это чувство является и тогда, когда какое-нибудь дѣйствіе, казавшееся раньше труднымъ, становится ощутительно легче. Такимъ образомъ, оно связано съ прогрессомъ или развитіемъ и заключаетъ въ себѣ прямое удовлетвореніе въ сравненіи между прошедшимъ и настоящимъ. Далѣе, значительная доля удовольствія, заключающагося въ чувствѣ могущества, зависитъ отъ соціальной обстановки. Несомнѣнно, что въ сравненіи со старшими—родными, наставникомъ и т. д.—ребенокъ сознаетъ скорѣе свою слабость, чѣмъ свою силу. И это чувство низшаго могущества легко можетъ повести къ отчетливо тягостному чувствованію. Но дѣти умѣютъ вознаграждать себя за униженіе съ этой стороны тѣмъ превосходствомъ надъ другими дѣтьми, которое они всячески стараются выставить, если только могутъ имъ похвалиться. Въ этомъ заявленіи своего превосходства надъ другими они способны найти самое живое удовлетвореніе своему чувству могущества. Однако этотъ видъ удовлетворенія эмоціи могущества имѣетъ анти-соціальный характеръ. Острота наиболѣе сильныхъ его формъ во многомъ зависитъ отъ примѣси къ нимъ элемента злобнаго удовольствія, будетъ-ли это наслажденіе буйна, побившаго слабого, или не столь

низкая радость противника, одержавшаго верхъ надъ равнымъ себѣ.

Чувство могущества способно развиваться въ постоянную и привычную эмоцію, пріятное сознание своей ловкости и искусства. Это высшая форма этой эмоции, требующая болѣе выработанныхъ процессовъ сравненія и абстракціи. Въ этой постоянной формѣ эмоции чувство могущества переходитъ въ такъ называемую гордость или самоуваженіе.

Развитіе любви къ дѣятельности и могуществу въ извѣстныхъ направленіяхъ должно быть сдерживаемо. Дѣти, какъ замѣчаетъ Локкъ, жаждутъ господства и стремятся къ превосходству надъ другими не только въ отношеніи физической и интеллектуальной силы, но и въ отношеніи матеріальной собственности. Желаніе властвовать должно быть умѣряемо и сдерживаемо въ надлежащихъ границахъ. Въ этихъ границахъ оно становится однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ побужденій къ дѣятельности. Законное честолюбіе достигнуть успѣха, пріобрѣсти силу, знаніе и искусство есть главный источникъ произвольнаго напряженія юныхъ силъ.

Очевидно, что для того, чтобы ребенокъ испытывалъ чувство могущества, онъ долженъ имѣть нѣкоторую свободу, дѣйствій. Страданіе, причиняемое ему ограниченіемъ его свободы заключается въ сознаніи задержанной энергіи. Ребенокъ только тогда приложитъ къ чему-нибудь всѣ старанія, когда онъ наслаждается чувствомъ самопроизвольнаго упражненія своихъ силъ, чувствомъ самодѣтельности. Самое вѣрное средство поднять энергію ребенка до полной ея напряженности—это придать школьнымъ занятіямъ видъ самопроизвольности. Безъ сомнѣнія, дѣтскіе сады своею популярностью между дѣтьми во многомъ обязаны тому факту, что занятія въ нихъ представляются дѣтямъ чѣмъ-то въ родѣ игры, но только болѣе серьезной.

На болѣе высокихъ стадіяхъ воспитанія для проявленія этого принципа представляется, повидимому, меньше простора. Ученіе не можетъ быть сведено къ доставляющей глубокое наслажденіе самодѣтельности. Самая концепція преподаванія подразумѣваетъ внѣшнія ограниченія, которыя исключаютъ полное наслажденіе самопроизвольною дѣятельностью. Кромѣ того, преподавателю приходится во многомъ приходить на помощь способностямъ ребенка и тѣмъ самымъ напоминать ему объ его интеллектуальной слабости. Однако, благодаря именно этому обстоятельству, тѣмъ важнѣе обезпечить ребенку нѣкоторую возмож-

ность наслажденія сознаниємъ своей свободы и могущества. Способъ обученія, въ конецъ унижающій ребенка и отнимающій у него возможность самопроизвольнаго упражненія его способностей, подчеркивая фактъ его чудовищнаго неумѣства, такъ же губителенъ для интеллектуальнаго развитія, какъ и непріятенъ ребенку. Поскольку это согласуется съ требованіями обученія, преподаватель долженъ дѣйствовать на способности учащагося, заставляя его самостоятельно доискиваться объясненія вещей для того, чтобы онъ зналъ по опыту пріятное сознаніе самостоятельной работы, представляющее самый могучій стимулъ къ дѣятельности.

Мало того: чѣмъ больше преподаватель вліяніемъ своей личности освобождаетъ свой способъ преподаванія отъ всякаго намека на ограниченіе дѣтской свободы и поднимаетъ ученье на степень исполненнаго достоинства изслѣдованія, заниматься которымъ является для ребенка привиллегіей и честью, тѣмъ болѣе вѣроятія, что ученики всѣмъ сердцемъ предадутся своимъ занятіямъ. Никогда дѣти не чувствуютъ такъ живо своихъ развивающихся силъ, какъ когда на нихъ возлагаютъ какую-нибудь новую и важную задачу. Извѣстно, что даже самые непривлекательные роды работы становятся не только пріятными, но даже желательными, когда они бываютъ облечены видомъ отвѣтственности и достоинства ¹⁾. Слѣдуетъ приучать дѣтей, чтобы на каждую новую стадію ученья они смотрѣли, какъ на болѣе широкую привиллегію, какъ на признаніе ихъ развившихся силъ и шагъ впередъ къ полному отпращиванію обязанностей зрѣлаго возраста.

Наконецъ, слѣдуетъ по возможности приводить дѣтей къ реализаціи преимуществъ, которыя приносятъ съ собою интеллектуальное развитіе. Мы уже касались этого, говоря о развиваніи памяти. Возрастающая возможность разговаривать съ окружающими, являющаяся послѣдствіемъ расширенія интеллекта, представляетъ сама по себѣ не малую выгоду для ребенка. Мы часто можемъ наблюдать, съ какимъ выраженіемъ тягостнаго недоумѣнія слушаетъ ребенокъ разговоръ родителей о чемъ-нибудь такомъ, что превышаетъ его пониманіе. Почти всѣ мы можемъ припомнить, какое воспитательное чувство, сознаніе, что мы «большіе», испыты-

---

¹⁾ Маркъ Твенъ приводитъ воспитательно-забавный и въ то же время поразительно вѣрный примѣръ этого въ томъ способѣ, которымъ Томъ Сойеръ возбудилъ въ другихъ мальчикахъ страстное желаніе освободить его отъ его работы (онъ штукатурилъ заборъ), замѣтивъ имъ, что «не всякій день выпадаетъ человѣку счастливый случай оштукатурить заборъ».

тывали мы, когда намъ позволяли оставаться вечеромъ со старшими и слушать ихъ чтеніе. И поскольку ребенокъ чувствуетъ, что приобретаемыя имъ въ школѣ знанія приближаютъ его къ болѣе широкому и таинственному кругу возмущающихъ идей, постольку эти знанія приобретаютъ для него новое очарованіе, удовлетворяя его честолюбію. По той-же причинѣ каждое новое открытіе практической пользы знанія обостряетъ стремленіе къ знанію.

Чувство соперничества. Въ тѣсной связи съ любовью къ дѣятельности находится эмоція соперничества. Эта эмоція также возникаетъ изъ сознательной дѣятельности. Чувство соперничества сопутствуетъ приложенію энергіи въ состязаніи съ другимъ человекомъ. Это обыкновенная форма эмоциональнаго возбужденія, сопряженнаго со всякою борьбой. Возбужденіе это является отчасти результатомъ усиленной дѣятельности, пробуждаемой стимуломъ состязанія. Но главный его ингредиентъ—это наслажденіе борьбой, доказательствомъ нашего превосходства надъ другимъ, въ какомъ-нибудь проявленіи силы или искусства. Высшая степень этого чувства выражается въ гордости побѣды.

Чувство соперничества развивается однимъ изъ первыхъ. Оно коренится въ инстинктѣ борьбы, проявленія котораго мы ясно видимъ, какъ въ дѣтскихъ играхъ, такъ и въ болѣе серьезныхъ состязаніяхъ дѣтей и молодыхъ животныхъ. Дѣти очень легко поддаются этому чувству. Общество другихъ дѣтей представляетъ постоянные поводы для состязанія. Не одного ребенка, который, будучи предоставленъ самому себѣ, оказался бы сравнительно бездѣятельнымъ, этотъ стимулъ побуждалъ къ усиленной дѣятельности.

Чувство соперничества проявляется въ разнообразныхъ формахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ его анти-соціальный характеръ едва замѣтенъ, тогда какъ въ другихъ онъ проявляется очень рѣзко. Большая доля дѣятельности ребенка заключаетъ въ себѣ элементъ соперничества, хотя при этомъ и не развивается отчетливаго чувства антагонизма, уже не говоря о гнѣвѣ. Это замѣчаніе приложимо ко многому изъ того, что дѣлаютъ дѣти подъ вліяніемъ стимула примѣра и чьего-нибудь руководительства. Ребенокъ, пробуя свой силы, стараясь сдѣлать то, что дѣлаетъ другой ребенокъ, желаетъ скорѣе доказать свое собственное умѣнье, нежели одержать побѣду надъ соперникомъ. Здѣсь это личное честолюбіе, за которымъ на заднемъ планѣ стоитъ

чувство соперничества. То же можно сказать и о большой долѣ дѣятельности повдѣйшихъ дѣтъ.

Чувство соперничества становится отчетливѣе, и анти-соціаль-ный характеръ выказывается яснѣе въ тѣхъ положеніяхъ состязанія въ собственномъ смыслѣ, гдѣ имѣется въ виду прямое достиженіе господства. Въ физической борьбѣ или дракѣ, когда она ведется не въ шутку, а серьезно, чувство соперничества достигаетъ максимума напряженности, потому что поддерживается и воспламеняется страстью гнѣва. Въ болѣе дружественныхъ состязаніяхъ физической силы или ловкости это чувство чище, вслѣдствіе отсутствія гнѣва. Впрочемъ, анти-соціальный характеръ этого чувства ясно видѣнъ изъ того факта, что торжество надъ соперникомъ естественно ведетъ къ презрительному чванству, тогда какъ, съ другой стороны, подъ болію пораженія скрывается зародышъ ненависти. Въ болѣе продолжительныхъ состязаніяхъ, каковы школьныя состязанія, мы обыкновенно замѣчаемъ, что соперничество развиваетъ враждебныя чувства къ сопернику. Такимъ образомъ, всякое состязаніе, какъ показываетъ самое названіе, приближаетъ соперниковъ къ положенію враждебности.

Отношеніе къ чувству соперничества представляетъ особенныя трудности для воспитателя. Это чувство представляетъ такое сильное побужденіе, какъ къ душевной, такъ и къ тѣлесной дѣятельности, и школьныя условія такъ прямо способствуютъ его развитію, что наставникъ не можетъ обойти его. Да онъ и не долженъ стараться объ этомъ. Это одинъ изъ наиболѣе глубоко сидящихъ въ насъ и необходимыхъ импульсовъ. Онъ лежитъ въ основѣ самой человѣчной дѣятельности; поэтому, воспитатель въ правѣ обращаться къ нему въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Будучи чувствомъ анти-соціальнымъ, чувство соперничества требуетъ особеннаго вниманія со стороны воспитателя, вниманія, которое не дало бы ему развиваться въ чувство вражды и продолжительной антипатіи. Это относится въ особенности къ школѣ, гдѣ совмѣстное обученіе многихъ дѣтей представляетъ широкій просторъ для проявленія этого чувства. Способъ поощренія наградами имѣетъ ту крупную невыгоду, что развиваетъ чрезмерно импульсъ соперничества. Мальчикъ, привыкшій смотрѣть на товарища, какъ на возможно успѣшнаго соискателя награды, о которой онъ самъ мечталъ, едва-ли можетъ питать къ нему особенно добрыя чувства. Какъ напоминаетъ намъ миссъ Эджвортъ, лучшее знаніе покупается дорогою цѣной зложелательныхъ наклонностей.

Соперничество есть чувство, которое надо держать на заднемъ планѣ. Мы должны поощрять дѣтей, чтобы они отличались не столько ради побѣды надъ другими, сколько ради достиженія самаго знанія, другими словами, преобладающимъ побужденіемъ школьника должно быть достойное честолюбіе или желаніе достигнуть успѣха, а не явно анти-соціальныи импульсъ соперничества. Какъ указываетъ Руссо и другіе, наставникъ долженъ помогать этому результату, справедливо распредѣляя похвалы, основывая свою оцѣнку на сравненіи между настоящими и прошлыми знаніями воспитанника, а не между такимъ-то воспитанникомъ и другимъ. Въ дополненіе къ этому, воспитатель долженъ стараться противодействовать наклонности предаваться враждебнымъ чувствованіямъ въ какой бы то ни было формѣ состязанія, развивая въ дѣтяхъ соціальныя чувствованія, въ особенности сочувствіе чужому горю. Такимъ образомъ, горячность борьбы будетъ умѣряться, и къ наслажденію побѣды будетъ примѣшиваться сожалѣніе объ униженіи другаго; себялюбивое чувство соперничества превратится въ болѣе великодушное чувство соревнованія.

Любовь къ одобренію и самоуваженію. Теперь мы перейдемъ къ совершенно отличному типу чувствованія. Такъ называемая любовь къ одобренію представляетъ чувствованіе высокаго нравственнаго порядка, нуждающееся скорѣе въ возбужденіи, нежели въ подавленіи, въ противность чувствамъ страха, гнѣва и соперничества.

Любовь къ одобренію есть видовая форма болѣе общаго чувства любви къ добродѣтели окружающихъ и къ похвалѣ. Существенный ея ингредиентъ—это удовлетвореніе, которое доставляютъ нашей душѣ вниманіе, одобреніе и доброе мнѣніе окружающихъ. Это чувствованіе инстинктивно. Мы видимъ, что годовалый ребенокъ идетъ къ матери, чтобы показать ей то, что онъ сдѣлалъ, и получить отъ нея взглядъ или слово одобренія. Чувство любви къ одобренію коренится въ томъ же первичномъ инстинктѣ, изъ котораго возникаютъ и другія эгоистическія чувствованія, а именно, въ импульсѣ самосохраненія и самозащиты. Похвала есть признакъ признанія другими нашего значенія или заслуги, и пріятна намъ, потому что удовлетворяетъ нашему инстинктивному стремленію придавать важность своей особѣ. Такимъ образомъ, исканіе одобренія тѣсно связано съ чувствами самодовольства и самоуваженія. Инстинктивное желаніе заслужить доброе мнѣніе окружающихъ было, по всей вѣроятности, создано, или по крайней мѣрѣ, усилено наслѣдственностью. Опытъ многихъ по-

коленій, постоянно доказывавшій имъ матеріальныя выгоды, вытекающія изъ вниманія и добраго мнѣнія окружающихъ, долженъ былъ породить наслѣдственное исканіе и жажду вниманія и одобренія. Сверхъ того, опытъ каждаго ребенка усиливаетъ въ немъ инстинктивную любовь къ одобренію, показывая ему, какъ много его благосостояніе зависитъ отъ пріобрѣтенія и сохраненія имъ благопріятнаго мнѣнія окружающихъ.

Стремленіе искать чужаго одобренія естественно и свойственно дѣтству. Будучи зависимъ отъ окружающихъ физически, ребенокъ зависитъ отъ нихъ и въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ. Въ раннемъ возрастѣ дѣти не могутъ составлять независимыхъ сужденій о достоинствахъ своихъ поступковъ; поэтому, они сообразуются съ мнѣніями окружающихъ и полагаются на ихъ оцѣнку. Такимъ образомъ, этотъ инстинктъ особенно полезенъ въ раннемъ возрастѣ, обостряя честолюбіе въ такое время, когда побужденіе самоудовлетворенія сравнительно слабо. Какъ мы находимъ у Локка, добрая слава является въ дѣтствѣ настоящимъ руководителемъ, поощряющимъ дѣтей, пока они не сдѣлаются въ состояніи судить самостоятельно.

Исканіе добраго мнѣнія окружающихъ есть, какъ мы видѣли, явно эгоистическое чувство. Въ то же время оно имѣетъ и социальную сторону. Ибо, желая стать въ хорошія отношенія съ окружающими, ребенокъ платитъ имъ извѣстную дань уваженія. Сверхъ того, ему приходится принимать во вниманіе то, что имъ нравится, и то, что оскорбляетъ, и вслѣдствіе этого онъ легче достигаетъ болѣе высокаго побужденія, а именно желанія дѣлать другимъ пріятное.

Двойственность этого чувства (любви къ одобренію) отражается на неравномъ достоинствѣ различныхъ его формъ. Сильная жажда вниманія и похвалы окружающихъ, не сообразующаяся съ цѣнностью похвалы, представляетъ одну изъ самыхъ непріятныхъ и вредныхъ нравственныхъ чертъ. Она заставляетъ ребенка чваниться тѣмъ, что не можетъ быть достойнымъ предметомъ гордости, завидовать тѣмъ, кто заслужилъ больше одобренія, и относиться съ высокомеріемъ къ тѣмъ, кто былъ менѣе его счастливъ. Въ своей наименѣ тонкой и наиболѣе пошлой формѣ жажды популярности и славы любовь къ одобренію является несомнѣнно могучимъ стимуломъ къ дѣятельности, но ослабляетъ характеръ, прививая привычку оцѣнивать вещи единственно по тому, какъ о нихъ думаютъ другіе.

Наоборотъ, тонко различающая любовь къ доброму мнѣнію

окружающихъ, сильное сознаніе цѣнности одобренія извѣстныхъ лицъ—укрѣпляетъ и возвышаетъ. Тамъ, гдѣ исканіе уваженія окружающихъ направляется привязанностью и восхищеніемъ, вліяніе его представляетъ одну изъ величайшихъ воспитательныхъ силъ. Привычка постоянного ожиданія одобренія отъ матери или наставника имѣетъ огромное нравственное значеніе.

Обращаясь къ этому побужденію, воспитатель долженъ умѣрять и сдерживать его, не давая ему превратиться въ безсмысленную жажду простой популярности или славы. Онъ долженъ освѣщать ребенку это чувство, указывая ему, насколько одобреніе однихъ лицъ цѣннѣе одобреніе другихъ. Онъ долженъ быть также очень осторожнымъ въ распредѣленіи похвалъ, если желаетъ избѣжать поводовъ къ зависти. Непризнаніе усилія или заслуги тамъ, гдѣ можно предположить ихъ существованіе, доставляетъ ребенку величайшее страданіе. Если ребенокъ видитъ, что хвалятъ другаго ребенка, тогда какъ онъ считаетъ, что и самъ заслужилъ одобреніе, въ немъ рождаются горькія и враждебныя чувства.

Наконецъ, наставникъ долженъ помнить, что цѣль воспитанія есть выработка увѣренности въ себѣ и независимости. Если маленькому ребенку полезно сообразоваться съ тѣмъ, что говорятъ другіе, то юношѣ отнюдь не полезно мѣрить собственное достоинство на чужой аршинъ. Пріучаясь разбирать каждое доброе мнѣніе и различать наиболѣе цѣнныя мнѣнія, ребенокъ долженъ мало по малу выработывать мѣрило для независимаго самоуваженія. Съ приближеніемъ окончанія школьной жизни привычка, искать одобренія наставника должна уступать мѣсто привычкѣ самоиспытанія и самосужденія. Самоуваженіе и самоудовлетвореніе являются теперь достаточными побужденіями.

Дѣти значительно различаются между собою въ отношеніи двухъ родственныхъ чувствованій: любви къ похвалѣ и самоуваженія. Нѣкоторые изъ нихъ находятся въ гораздо большей зависимости отъ вѣшняго одобренія, нежели другіе. Каждая изъ этихъ крайностей вредна, и каждой изъ нихъ слѣдуетъ остерегаться. Чрезмѣрная наклонность полагаться на чужую оцѣнку приводитъ, какъ мы видѣли, къ слабости характера; она не оставляетъ мѣста настоящему самоуваженію или гордости въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Съ другой стороны нѣтъ ничего непристойнѣе, и ничто не представляетъ такого крупнаго препятствія къ интеллектуальному и нравственному развитію, какъ чрезмѣрное и упорное самодовольство въ виду чужаго мнѣнія. Заносчивый ребенокъ,

составившій преувеличенную оцѣнку собственного значенія подъ гибельнымъ вліяніемъ родительскаго выставленія на показъ, представляетъ въ высшей степени мало общающій матеріалъ для воспитателя. Одно изъ самыхъ цѣнныхъ преимуществъ школы съ ея широкою общественностью это то, что она исправляетъ такое вскормленное домашнимъ воспитаніемъ тщеславіе, вводя болѣе высокое и менѣе пристрастное мѣрило доброй славы, и въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ равными и высшими давая ребенку чувствовать предѣлы его достоинствъ.

Миссъ Эджвордъ въ своей превосходной главѣ о тщеславіи, гордости и честолюбіи употребляетъ терминъ «тщеславіе» въ смыслѣ чрезмѣрной зависимости отъ добраго мнѣнія окружающихъ, «гордость» — въ смыслѣ высшихъ формъ самодовольства. Но эти различія не вполне совмѣщаются; тщеславіе иногда далеко превышаетъ чужое мнѣніе и приближается къ одинокой и фантастической увѣренности въ собственномъ достоинствѣ. Гордость есть болѣе высокое и болѣе интеллигентное чувство, которое способно различать достойное отъ недостойнаго и вслѣдствіе этого можетъ, когда нужно, презирать пошлое и ничего не стоящее мнѣніе толпы.

В) Соціальныя чувства: любовь и уваженіе Теперь мы можемъ перейти къ группѣ эмоцій, называемыхъ соціальными чувствами. Подъ соціальными чувствами подразумѣваются такія чувства, которыя имѣютъ своимъ предметомъ другаго человѣка и стремятся соединять людей узами привязанности.

Чувство любви или привязанности къ человѣку есть сложная эмоція, содержащая какъ югенистическіе, такъ и болѣе безкорыстные элементы. Возьмемъ, на примѣръ, любовь ребенка къ матери. Вначалѣ она является чувствомъ, которое развѣ немногимъ выше отраженія физическаго удовлетворенія и благосостоянія, соединяемыхъ ребенкомъ съ личностью своей матери. Она его кормилица и покровитель; она осыпаетъ его ласками, изъ которыхъ многія пріятны ему сами по себѣ, а другія цѣнятся имъ, какъ знаки ея доброжелательности. Такимъ образомъ, любовь маленькаго ребенка въ значительной мѣрѣ является вполне развитою.

Такъ называемое вниманіе или уваженіе къ другому представляетъ болѣе высокую форму соціальнаго чувства; оно не имѣетъ никакого отношенія къ своему «я» и основано на уваженіи къ самому предмету и ради этого предмета. Истинное уваженіе является послѣдствіемъ пониманія и оцѣнки хорошихъ и цѣнныхъ качествъ,

каковы: умъ, благоразуміе, доброта. На дѣтей производятъ сильное впечатлѣніе знанія и искусство ихъ родителей и наставниковъ, превышающія ихъ собственные; но одно признаніе превосходства можетъ вызвать только холодное чувство благоговѣнія, а не горячую эмоцію уваженія. Только тогда, когда къ этимъ качествамъ (знаніямъ и искусству) присоединяются и другія, привлекательныя съ точки зрѣнія ребенка качества, какъ-то: ласковость, мягкое обращеніе и т. п.,—рождается въ немъ нѣжное чувство. Любовь ребенка къ родителямъ и наставнику состоитъ изъ смѣси благодарности за оказываемую ему доброту и болѣе безкорыстнаго элемента восхищенія высшимъ превосходствомъ.

Симпатія. Самымъ важнымъ ингредиентомъ социальныхъ чувствованій является симпатія. По этимологіи этого слова (*sympathos* —сочувствіе), оно означаетъ чувство къ ближнему, т.-е. участіе въ горестяхъ и радостяхъ другаго. Симпатія представляетъ благородѣйшій ингредиентъ истинной привязанности, ибо признакъ любви есть желаніе нравиться. Тамъ, гдѣ существуетъ симпатія, она превращаетъ эгоистическую нѣжность въ источникъ счастья, а простое удовольствіе имѣть подлѣ себя дорогихъ людей—въ любящую заботливость и самоотверженную преданность. Однако, симпатія не ограничивается предѣлами эмоціи нѣжности. Мы можемъ сочувствовать горестямъ людей, къ которымъ не питаемъ никакой любви, и даже людей совершенно незнакомыхъ. Въ этой болѣе широкой и свободной своей формѣ симпатія есть синонимъ чувства доброты и челоуѣколюбія.

Въ болѣе ранней и простѣйшей своей формѣ, въ какой она проявляется у ребенка, симпатія есть простое стремленіе отражать чувствованія, выраженіе которыхъ ребенокъ видитъ у окружающихъ. Это стремленіе явно связано съ импульсомъ подражанія. Ребенокъ проявляетъ эту грубую форму симпатіи, когда увлекается весельемъ дѣтскаго общества, или когда проявляетъ огорченіе при видѣ материнскаго горя. Эта форма не заключаетъ въ себѣ сознанія душевнаго состоянія другаго лица, но представляетъ родъ автоматическаго подражанія. Дѣти очень легко поддаются такой эмоціональной заразѣ. Распространеніе чувства веселья или негодованія въ большомъ собраніи школьниковъ можетъ служить примѣромъ проявленія этой силы.

Въ своей высшей формѣ и полномъ развитіи симпатія заключаетъ въ себѣ отчетливую идею чужаго горя или радости и отвѣтное чувство участія. Ребенокъ, вполне сочувствующій горю своей матери, страдаетъ вмѣстѣ съ нею. Это сознательное участіе

въ чужомъ страданіи имѣетъ своимъ активнымъ результатомъ желаніе удалить страданіе точно такъ, какъ если бы ребенокъ страдалъ самъ. Это-то практическое отождествленіе нашей личности съ чужою и составляетъ сущность того, что мы называемъ добротой, милосердіемъ и самопожертвованіемъ для другихъ.

Обыкновенно, симпатія обуславливается для симпатизирующаго извѣстнымъ количествомъ страданія. Когда мы сочувствуемъ чужому горю, мы беремъ на себя это горе. Даже когда мы дѣлимъ чужую радость, намъ часто бываетъ очень трудно подавить побужденіе зависти ¹⁾. Но если симпатія сопровождается струей нѣжной эмоціи, она становится до извѣстной степени пріятною. Есть извѣстное наслажденіе въ чувствѣ жалости; это явствуется изъ той роли, какую играетъ страданіе при чтеніи драмъ и другихъ произведеній фантазіи. Дѣти часто предпочитаютъ «жалкіе» рассказы всякимъ другимъ.

Но безспорное наслажденіе доставляетъ симпатія тѣмъ, на кого она направлена. Сочувствіе другаго смягчаетъ ихъ страданія и усиливаетъ ихъ радости. Поэтому-то, жажда симпатіи часто живетъ въ себялюбивой душѣ, совершенно неспособной отвѣтить сочувствіемъ на сочувствіе. У дѣтей жажда симпатіи часто обратно пропорціональна способности сочувствовать другимъ.

Повидимому, симпатія усиливаетъ и упрочиваетъ чувствованія въ душѣ предмета симпатія. Когда ребенокъ чѣмъ нибудь опечаленъ, чувство огорченія укрѣпляется въ немъ сочувственными словами окружающихъ. Симпатія дѣйствуетъ, какъ рефлекторъ, отражая и тѣмъ самымъ усиливая лучи эмоціи. Наши привычныя чувствованія, наши симпатіи, вкусы, антипатіи значительно подкрѣпляются сочувствіемъ сродныхъ душъ. Съ другой стороны, исканіе сочувствія дѣйствуетъ, какъ могущественная, уподобляющая сила. У людей, находящихся между собою въ тѣсной дружбѣ, симпатіи можетъ вызвать полную общность чувствованій и идей.

Условія симпатіи. Сочувствовать другому является отнюдь не врожденнымъ и не инстинктивнымъ процессомъ. Сочувствіе обуславливается труднымъ процессомъ, а именно, наблюденіемъ вѣшняго выраженія чужихъ чувствованій и пониманіемъ этихъ вѣшнихъ признаковъ. Для надлежащаго выполненія этого процесса необходимы извѣстныя условія: а) прежде всего должна сущест-

---

¹⁾ Какъ замѣчаетъ Жанъ Поль Рихтеръ: «Для того, чтобы сочувствовать чужому страданію, довольно быть человекомъ; но для того, чтобы сочувствовать чужой радости, нужно быть ангеломъ».

ное право. Если онъ, по свидѣтельству Ксенофонта, какъ-то высказалъ, что тотъ человѣкъ достоинъ высшей похвалы, который превосходить ¹⁾ своего врага въ злодѣяннѣ, а друга въ благодѣяннѣ, то его индивидуальная точка зрѣнія полезности, повидимому, мало отличается отъ обычной тогда народной морали. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что такіа отдѣльныя выраженія зависѣли отъ случаевъ, по поводу которыхъ они были сказаны, и потому никогда не могутъ быть возведены на степень изрѣченій съ общимъ и необходимымъ характеромъ²⁾. Гораздо большее значеніе, нежели эти отдѣльныя изреченія, имѣетъ для характера и тенденціи ученія Сократа указаніе на два источника нравственныхъ заповѣдей, — написанный законъ государства и неписанный законъ боговъ³⁾. Сократъ является въ этомъ случаѣ философскимъ толкователемъ того раздѣленія, какое произошло въ нравственномъ сознаніи его времени, раздѣленія на внутреннія моральныя заповѣди и внѣшній правовой строй. Въ повиновеніи обоимъ и состоитъ отличительный признакъ справедливаго человѣка. Но этотъ принципъ повиновенія уже возвышаетъ Сократа надъ его эгоистическою точкою зрѣнія пользы, которая выступаетъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его рѣчахъ; здѣсь, въ то же время мы видимъ тотъ пунктъ, гдѣ собственный примѣръ Сократа выходитъ за предѣлы его ученія, или, по крайней мѣрѣ, заставляетъ смотрѣть на послѣднее, какъ на несовершенное выраженіе его нравственного образа мыслей. Личное призваніе Сократъ находилъ въ обученіи своихъ согражданъ. То нравственное самосознаніе, благодаря которому онъ чувствовалъ потребность помогать другимъ по мѣрѣ силъ, онъ считалъ своею высшею нравственною обязанностью, отъ которой не могъ отказаться, не отнявъ у своей жизни ея содержаніе. Не меньше онъ былъ проникнутъ и тѣмъ убѣжденіемъ, которое, въ противоположность своимъ ученикамъ, онъ часто высказывалъ, — именно, что повиновеніе госу-

¹⁾ Xen. Mem. II, 3, 14.

²⁾ Приведенное здѣсь положеніе заключается въ разговорѣ Сократа съ повздорившими двумя братьями, которыхъ онъ старается примирить. Дѣйствительно ли вышло изъ устъ Сократа часто приписываемое ему Платономъ изрѣченіе (Kriton 10, 49 Rep. 1, 3), что не слѣдуетъ ни другу, ни врагу дѣлать зло и за несправедливость не слѣдуетъ платить несправедливостью, это остается для насъ неизвѣстнымъ. Очень можетъ быть, что слова въ Критонѣ не составляютъ собственнаго изрѣченія Сократа, а лишь выведены изъ того впечатлѣнія, какое произвело на слушателей его размышленіе въ смертный часъ.

³⁾ Xen. Mem. IV, 4, 12—25.

дарственнымъ законамъ составляетъ обязанность каждого. Коллизію между этою общею обязанностью гражданскаго повиновенія и индивидуальною обязанностью оставаться вѣрнымъ своему внутреннему призванію онъ не находилъ возможнымъ примирить иначе, какъ тѣмъ, что добровольно подчинился смертному приговору судей. не смотря на то, что ему весьма легко было спастись отъ смерти бѣгствомъ изъ тюрьмы или обѣщаніемъ отказаться отъ своего ученія. Справедливо замѣчаютъ, что Сократъ пошелъ на смерть потому, что безъ этого добровольно избраннаго имъ для себя призванія жизнь уже не казалась ему цѣнною, и, такимъ образомъ, эта смерть его была лишь подтвержденіемъ того эвдемонизма (мораль счастья), который онъ проповѣдывалъ въ своемъ ученіи. Въ самомъ дѣлѣ, у него не можетъ быть и рѣчи о томъ категорическомъ императивѣ долга (или обязанности), который, въ кантовскомъ смыслѣ, заключается въ исполненіи долга безъ малочности къ нему. Наоборотъ, у Сократа идетъ рѣчь именно о потребности счастья, которая совпадаетъ съ долгомъ; такъ какъ только выполненіе долга ведетъ за собой удовольствіе и достойно того, чтобы къ нему стремились. Кромѣ того, сократовская этика какъ бы пережила его самого, ибо ему могло казаться, что жизнь по обязанности и пріятная жизнь (*δαιμονος ζῆν* и *εὖ ζῆν*) различны. Но осуществленіе этого единства въ его собственной жизни является инымъ, чѣмъ въ его научномъ изложеніи. Хотя первое нерѣдко затмѣняется вторымъ, тѣмъ не менѣе, величіе Сократа, наоборотъ, и заключается въ томъ, что его ученіе есть лишь несовершенное приближеніе къ нравственному дѣлу его жизни. Если бы эту дѣятельность отбросить, что представляла бы собой тогда сократовская этика? Если бы онъ согласился, какъ того хотѣли его ученики, бѣжать изъ тюрьмы, то, можетъ быть, мы увидали бы въ его изреченіяхъ хорошо задуманный, но на практикѣ недостаточный опытъ позитивной реформы, направленной противъ разрушительныхъ усилій софистовъ; но никогда этотъ человѣкъ не имѣлъ бы для насъ значенія творца этики, какъ науки. Что онъ является таковымъ, въ этомъ случаѣ онъ обязанъ не своему ученію, а своей жизни и, прежде всего, тому вліянію, какое эта жизнь имѣла на величайшаго изъ философскихъ моралистовъ, Платона, который называетъ себя его ученикомъ.

Какимъ различнымъ толкованіямъ были доступны, въ самомъ дѣлѣ, отдѣльные выраженія Сократа, этому краснорѣчивымъ доказательствомъ являются сократическія школы, которыя,

не смотря на совершенную противоположность другъ другу, всеъ почитаютъ Сократа своимъ учителемъ; даже до того, что послѣдователямъ этихъ школъ нельзя отказать въ томъ, что они, по крайней мѣрѣ, по субъективнымъ убѣжденіямъ, были дѣйствительными наслѣдниками и продолжателями его ученія. Въ этическомъ отношеніи имѣютъ значеніе только двѣ изъ этихъ школъ: циническая, основанная Антисееномъ, и киренская, основанная Аристиппомъ. Въ то время, какъ циники все значеніе придавали сократовскому пренебреженію къ вѣшнимъ благамъ, киренаики также односторонне поняли эвдемоническую сторону (мораль счастья) ученія Сократа и развили его далѣе въ формѣ ученія о вѣшнихъ удовольствіяхъ. Противоположность, въ которой они вслѣдствіе этого оказались, имѣетъ еще большее значеніе потому, что она съ этихъ поръ получила свое начало въ этическихъ вопросахъ и затѣмъ уже постоянно повторялась вновь и вновь въ различныхъ видахъ: циники и киренаики оказываются въ этомъ смыслѣ ближайшими предшественниками стоиковъ и эпикурейцевъ.

Въ прямой противоположности съ этими односторонними сократиками, применившими къ отдѣльнымъ словамъ и дѣйствіямъ, стоитъ Платонъ, который, проникнувъ въ самый духъ ученія Сократа, освѣтилъ сознаніемъ невысказанныя слова учителя и описалъ въ своемъ трудѣ его жизнь.

2. Платонъ и Аристотель.

а. Платоновская этика.

Философія Платона всецѣло покоится на этической основѣ. Этическими представленіями и требованіями опредѣляется и его теоретическое мировоззрѣніе. Его ученіе объ идеяхъ, его теорія познанія, его натурфилософія—представляютъ собой отраженіе его этическихъ основныхъ мыслей. Какъ самое развитіе его ученія началось съ этическихъ проблемъ, такъ и впослѣдствіи онѣ оставались въ немъ всегда господствующими. Опираясь на положеніе Сократа, что добродѣтель есть знаніе, онъ видитъ свою задачу въ томъ, чтобы нравственное понятіе добра сдѣлать средоточнымъ пунктомъ всеобъемлющаго мировоззрѣнія. Но здѣсь, прежде всего, возникаетъ вопросъ, какъ опредѣлить самое понятіе добра,—вопросъ, на который Сократъ отвѣта не далъ, такъ какъ старался лишь показать его на отдѣльныхъ примѣрахъ. Этимъ вопросомъ заняты самые ранніе діалоги Платона. Отвѣтъ

на него вообще возвращается въ предѣлахъ національных представлений. Мужество, справедливость, благочиніе и, прежде всего, умѣренная осторожность, выставленные Платономъ, какъ высшія добродѣтели, и для всякаго грека вообще имѣли такое же значеніе. И въ понятіи мотива этихъ добродѣтелей онъ мало удаляется отъ своего прототипа, когда въ отдѣльных случаяхъ старается показать, что добродѣтельный поступокъ приноситъ удовольствіе и пользу ¹⁾. Только въ томъ проявляется уже съ самаго начала его универсально-философская точка зрѣнія, что онъ не признаетъ внутренняго различія отдѣльных добродѣтелей, но утверждаетъ единство ихъ, соответствующее также и единству знанія ²⁾. Ни одна изъ этихъ добродѣтелей не можетъ существовать помимо другихъ, такъ какъ всѣ онѣ подчинены мудрости, какъ ея отдѣльныя части; ни одна изъ нихъ не можетъ быть и рассматриваема отдѣльно отъ другихъ.

Въ предѣлахъ указаннаго до сихъ поръ круга мыслей возвращаются діалоги перваго, т.-е. Сократовскаго періода философіи Платона. Но въ послѣднихъ изъ нихъ, именно въ «Критонѣ» и «Горгіѣ», замѣтенъ уже тотъ поворотъ, съ котораго начинается развитіе ученія объ идеяхъ. И здѣсь ясно выступаютъ этические мотивы этого замѣчательнаго ученія, которые образуютъ средоточный пунктъ всей позднѣйшей системы философа. Когда Платонъ больше, можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ жизни Сократа, нежели его ученія, возвысился до того основнаго положенія, что терпѣть несправедливость лучше, нежели оказывать ее, то онъ уже не могъ больше скрывать того убѣжденія, что добро и удовольствіе не должны необходимо совпадать. Однако, невозможно было бы допустить, чтобы между удовольствіемъ и добромъ всегда должно быть противорѣчіе. Не остается никакого выхода, какъ только противопоставить скоропреходящему удовольствію продолжительное и, такъ какъ оно не достижимо въ чувственной жизни, искать его въ сверхчувственномъ существованіи ³⁾. Эти основныя этическія мысли связаны съ предположеніемъ Сократовскаго умозрѣнія, что добродѣтель и знаніе—одно. И добро, объектъ всѣхъ добродѣтелей, само по себѣ—одно; это господствующая надъ міромъ сила, которая одинаково проявляется и въ предметахъ природы, и въ мысляхъ, и поступкахъ человѣка. Такъ, по Платону, добро составляетъ и содержа-

¹⁾ Protag. 36, 354—359.

²⁾ Тамъ же 18, 329 ff.

³⁾ Rep. I, 3, 329, V, 20, 476 ff. и особ. IX и X.

ніе понятія о Божествѣ. Но стремленіе построить на основаніи этого предположенія картину міра встрѣчаетъ себѣ границы въ существованіи несовершенства и зла.

Отсюда чувственный міръ можетъ быть лишь несовершеннымъ отпечаткомъ идеальнаго, сверхъ-чувственного міра; различіе между понятіемъ и чувственнымъ представленіемъ наглядно подтверждаетъ это предположеніе. Въ своихъ понятіяхъ мы носимъ воспоминанія о сверхъ-чувственномъ, свободномъ отъ матеріи мірѣ; чувственные представленія суть лишь внѣшніе поводы къ пробужденію такихъ воспоминаній. Каждому объекту мысли соотвѣтствуетъ идея, добро же есть высочайшая идея, которой подчинены всѣ другія. Въ мірѣ идей господствуетъ полная гармонія; здѣсь каждая отдѣльная идея находится въ согласіи съ идеей добра. Напротивъ, въ чувственномъ мірѣ чистота идей нарушается ихъ связью съ матеріей; поэтому, здѣсь отдѣльныя идеи могутъ вступать въ противорѣчіе какъ другъ съ другомъ, такъ и съ идеей добра. Такъ возникаетъ зло и несовершенство, которое будетъ подавлено въ будущемъ сверхъ-чувственномъ бытіи и котораго не было въ существованіи, предшествовавшемъ связи съ матеріей.

Очевидно, этический мотивъ, изъ котораго выходитъ все міровоззрѣніе (Платона), тождественъ съ тѣмъ, въ основѣ котораго лежитъ религиозное представленіе о воздаяніи. Это средство (мотивовъ) видно и въ томъ, что Платонъ очень часто стремится облечь свои философскія мысли въ мифологическій образъ. Въ рамкахъ этой мифологической картины выступаютъ такія составныя части представленія о воздаяніи, которыя не могутъ имѣть мѣста въ чисто философскомъ ученіи объ идеяхъ, таковы, напр., мысли о наказаніи за грѣхи и о процессѣ очищенія грѣшниковъ (Schuldigen) ⁴⁾. Гораздо большее значеніе имѣетъ другая, также облеченная въ мифологическую форму, но въ своей основѣ чисто философская мысль, касающаяся вопроса о развитіи нравственныхъ идей въ эмпирическомъ (опытномъ) сознаніи. То положеніе, что послѣднее воспринимаетъ идеи въ формѣ чувственныхъ представленій, дѣлаетъ необходимымъ въ то же время внутреннее отношеніе этихъ представленій къ идеямъ, и прежде всего, къ высшей изъ нихъ, т.-е. къ идее добра. Но въ то же время требуется, чтобы идея добра не была дана сознанію въ непосредственномъ видѣ, а лишь въ чувственной формѣ, изъ которой уже діалектическая мысль выводитъ адекватное этой идее

⁴⁾ Phädrus, 248 ff. Phädon, 109—115. Rep. X, 614 ff.

понятіе. Эта чувственная форма добра, по Платону, есть прекрасное. Такимъ образомъ, древней эллинской мысли о внутреннемъ единствѣ *καλὸν καὶ ἀγαθόν* онъ даетъ болѣе глубокое философское содержаніе. Онъ связываетъ въ «Федръ» эту мысль съ мифологическимъ образомъ Эроса, т.-е. бога любви, который, въ видѣ божественнаго бреда (*Wahnsinn*), всецѣло овладѣваетъ влюбленнымъ, причѣмъ этотъ послѣдній, при взглядѣ на красоту, загорается любовью, которая есть ничто иное, какъ стремленіе души къ непреходящему прототипу прекраснаго. Среди всѣхъ другихъ идей идея красоты является самою лучезарною и поэтому-то она можетъ быть познана и въ земныхъ своихъ отпечаткахъ, посредствомъ самаго сіяющаго изъ нашихъ чувствъ, посредствомъ свѣтящихся глазъ. Такъ возбуждается при созерцаніи красоты воспоминаніе о мірѣ идей. Но это пробужденное прекраснымъ объектомъ воспоминаніе само проходитъ путь развитія, еродный съ тѣмъ, какой проходитъ познаніе, начиная отъ чувственного воспріятія и доходя до понятія. Самая низшая ступень этого развитія воспоминанія есть любовь къ отдѣльнымъ прекраснымъ тѣламъ; вторая—любовь къ прекрасному въ разнообразныхъ видахъ, которая хотя и связана съ чувственнымъ, но направляется уже къ тому, что въ немъ есть общаго. Третья ступень—это любовь къ красотѣ души, къ нравственно-прекрасному. И она тоже сперва направляется на отдѣльныхъ людей, на отдѣльныя нравственныя личности, затѣмъ на четвертой и высшей ступени возвышается до того всеобщаго духовнаго бытія, которое представляетъ собой содержаніе науки и, какъ таковое, служитъ совершеннѣйшимъ отпечаткомъ міра идей. Однако, уже чувственная любовь содержитъ въ себѣ эту послѣднюю форму въ зародышѣ. Ибо любовь другъ къ другу, возбуждаемая прежде всего тѣлесною красотой, возвышается постепенно до духовной любви; когда же эта послѣдняя сопровождается общимъ стремленіемъ къ знанію, то изъ нея возникаетъ, наконецъ, любовь къ самой идеѣ добра и красоты, которая, стало быть, и есть настоящій предметъ также и болѣе низкихъ формъ любви, хотя въ началѣ это смутно сознается ¹⁾).

Все это ученіе, которое мы, по возможности, освободили отъ мифическаго элемента, представляетъ собой первую и, можетъ быть, великую попытку найти внутреннюю связь этического съ эстетическимъ. Для этики Платона эта связь, какъ нужно предполагать, имѣла огромное значеніе. Благодаря ей этика вы-

¹⁾ Phädrus 237—257.

шла изъ той опасности, которою угрожала ей противоположность между совершенствомъ міра идей и несовершенствомъ связаннаго съ матеріей чувственнаго бытія. Опасность эта заключается въ той склонности къ аскетизму и удаленію отъ міра, которая, повидимому является почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобныхъ возрѣній. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, что и Платонъ не вполне избѣжалъ этого послѣдствія, служитъ «Федонъ», возникшій именно подъ сильнымъ вліяніемъ смерти Сократа. Изъ него слѣдуетъ, что душѣ, которая должна нѣкогда снова вернуться въ свою сверхъ-чувственную родину, уже на землѣ слѣдуетъ насколько возможно приблизиться къ своему отдѣленію отъ чувственнаго тѣла, отвращаясь отъ чувственныхъ удовольствій ¹⁾ и обращаясь къ себѣ самой.

Если такое настроеніе не могло надолго овладѣть философомъ, то это нужно приписать, главнымъ образомъ, его живому чувствованію этической силы прекраснаго и убѣжденію въ томъ, что прекрасная идея не можетъ обойтись для своего воздѣйствія безъ чувственной формы. Подъ отрезвляющимъ вліяніемъ этого убѣжденія стоитъ все нравственное міросозерцаніе его болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, которое преимущественно изложено было въ самомъ крупномъ изъ его этическихъ сочиненій, въ «Республикѣ».

И здѣсь основная мысль ученія объ идеяхъ остается господствующею, мысль о томъ, что чувственный міръ въ сверхъ-чувственномъ чистомъ духовномъ бытіи имѣетъ свою постоянную первооснову (Hintergrund), о которой душа носитъ въ себѣ смутное воспоминаніе и къ которой она стремится снова возвратиться, какъ къ своему отечеству. Но чувственный міръ есть въ то же время и изображеніе міра идей, и становится таковымъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ болѣе нравственной дѣятельности, руководимой мудростью, удастся осуществить въ дѣйствительности идею добра, господствующую надъ всѣми другими идеями. Когда человѣкъ осуществляетъ ее, то его дѣятельность уподобляется дѣятельности творца міра, который вмѣстѣ съ самою идеей добра создалъ природу въ ея различныхъ формахъ, допустивъ идеи къ участію въ нихъ, какъ это мифически изображаетъ Платонъ въ своемъ натуръ-философскомъ сочиненіи «Тимей». Но подобно тому, какъ господствующая идея добра достигаетъ своего осуществленія не въ отдѣльныхъ формахъ природы, а лишь въ совокупности цѣлаго міра, такъ и отдѣльный человѣкъ въ ограниченной сферѣ своей нравственной дѣятель-

---

¹⁾ Phaedon, 79—84, 107.

ности не имѣетъ возможности осуществить добро, онъ можетъ это сдѣлать лишь совмѣстно съ другими. въ государствѣ. Нравственная оцѣнка даннаго государства зависитъ отъ того, насколько это государство было въ состояніи достигнуть вышеупомянутой цѣли. Съ этой точки зрѣнія, Платонъ рисуетъ въ своей республикѣ идеальнаго государства, указывая то государственное устройство, которое, по его убѣжденію, больше всего соответствуетъ указанной цѣли. Здѣсь сотвореніе міра и въ частности созданіе человѣка является для него прототипомъ государственнаго устройства, создаваемого людьми. Какъ человѣческая душа раздѣляется на три части: на познающую, чувствующую и желающую, изъ которыхъ первая должна господствовать надъ двумя послѣдними, такъ и государство должно раздѣляться на три, соответствующихъ частямъ души, сословія: 1) сословіе управителей, на которыхъ, какъ носителейъ принципа разума, лежитъ забота о справедливости, надзоръ надъ государственными учрежденіями и воспитаніе юношества, 2) сословіе воиновъ, которые должны доставлять охрану государству извнѣ, и наконецъ, 3) на сословіе земледѣльцевъ и ремесленниковъ, которые занимаются низшими, хотя для насущной потребности жизни необходимыми, но чуждыми, по мнѣнію аристократическаго философа, нравственной цѣны, дѣятельностями.

Этимъ тремъ сословіямъ соответствуютъ три главныхъ добродѣтели и, въ то же время, проявленія каждой изъ трехъ частей души: мудрость, добродѣтель разума, храбрость, добродѣтель мужественной части духа (*θωρός*), умѣренность (*ἰσότης*), добродѣтель желающей части духа (*ἐπιθυμία*). Но эти добродѣтели нельзя считать совершенно отдѣльными другъ отъ друга, какъ нельзя считать раздѣльными соответствующихъ имъ частей души. Правда, нельзя требовать отъ низшихъ сословій высшихъ добродѣтелей, но отъ управляющихъ государствомъ слѣдуетъ требовать одновременно обладанія каждою изъ низшихъ добродѣтелей. Изъ соразмѣрнаго соединенія этихъ трехъ добродѣтелей возникаетъ четвертая кардинальная (главная) добродѣтель, справедливость. На ея дѣятельности всецѣло основывается сохраненіе государственнаго строя, такъ какъ она заботится о томъ, чтобы отдѣльныя части гармонически примыкали къ цѣлому, каждая въ своей особой области и сообразно своей особой добродѣтели).

---

*) Респ IV—VI.

Выдающеюся чертой этой этики является пренебреженіе и индивидуальными и нравственными цѣлями ради общихъ государственныхъ. Правда, Платонъ смотритъ на государство просто какъ на вспомогательное средство, которое именно путемъ воспитанія заставляеть отдѣльныхъ лицъ достигать добродѣтели; но надъ этою индивидуальною задачей стоитъ у него само государство, такъ какъ только оно, а не отдѣльныя лица, можетъ достигнуть полной гармоніи добродѣтелей. Такое построеніе его этики преимущественно съ политическимъ оттѣнкомъ, должно было вступить въ необходимое противорѣчіе съ его собственнымъ прежнимъ образомъ мысли, гдѣ господствовала точка зрѣнія индивидуальной морали въ сократовскомъ смыслѣ. Въ дѣйствительности здѣсь отвергается оттѣненное раньше единство добродѣтелей. Такъ какъ отдѣльный человѣкъ является лишь въ качествѣ служебнаго члена цѣлаго, то будетъ достаточно, если онъ развиваетъ въ себѣ только одну изъ добродѣтелей и именно ту, которая прямо соотвѣтствуетъ его положенію въ жизни. Поэтому здѣсь единство сохраняется лишь въ томъ, что всѣ отдѣльныя добродѣтели должны быть соединены между собою у заправителей государства, у философовъ. Такимъ образомъ, на мѣсто прежде проводимаго тождества, выступаетъ подчиненіе низшихъ добродѣтелей высшей, т.-е. мудрости, и являющееся вслѣдствіе этого соединеніе ихъ всѣхъ въ одну гармоническую добродѣтель, т.-е. справедливость.

Если въ этомъ раздѣленіи и обособленіи (*Verselbständigung*) отдѣльныхъ добродѣтелей выражается постоянное стремленіе удовлетворить разнообразнымъ формамъ явленій нравственной жизни, то въ послѣднемъ своемъ сочиненіи Платонъ идетъ еще дальше, подчиняясь этому стремленію и въ практическомъ отношеніи. Правда, благодаря этому обстоятельству, онъ удаляется отъ твердо установленной въ «Республикѣ» идеальной точки зрѣнія, но зато ближе становится къ требованіямъ жизни и къ дѣйствительности. Такъ, въ своихъ «законахъ», онъ противопоставилъ своимъ прежнимъ четыремъ божественнымъ добродѣтелямъ (мудрости, мужеству, благоразумію и справедливости) здоровье, красоту, тѣлесную силу и богатство. Соотвѣтственно большей цѣнности, какую онъ здѣсь придаетъ внѣшнимъ благамъ, философъ возвышаетъ и нѣкоторые отдѣльныя кардинальныя добродѣтели больше, чѣмъ это было въ «Республикѣ»; именно значеніе практическихъ добродѣтелей выступаетъ здѣсь на первый планъ. Если раньше мудрость являлась корнемъ всѣхъ нравственныхъ поступковъ,

то теперь выше всего цѣнится благоразуміе, сдерживающее въ предѣлахъ умѣренности. На политическія воззрѣнія эта перемена произвела глубокое вліяніе. Требованіе раздѣленія сословій, господства философовъ отступаетъ на задній планъ. Зато болѣе сильно отбѣняются другія чисто гуманныя требованія, напримѣръ, чистота брака, кроткое обращеніе съ рабами. Здѣсь воззрѣнія Платона въ нѣкоторыхъ пунктахъ приближаются уже къ воззрѣніямъ его великаго послѣдователя, Аристотеля, который, въ полной противоположности съ выставленною въ «Республикѣ» идеалистическою и трансцендентною (сверхъчувственною) системою, старается построить свою этику всецѣло на почвѣ дѣйствительной жизни.

в. Аристотелевская этика.

Противоположности между Платономъ и его величайшимъ ученикомъ обыкновенно ищутъ въ метафизической точкѣ зрѣнія обоихъ, и полемика, которую ведетъ Аристотель въ своей метафизикѣ противъ платоновскаго ученія объ идеяхъ, повидимому, подтверждаетъ это мнѣніе. Однако, при ближайшемъ изслѣдованіи едва ли можно отказаться отъ того убѣжденія, что дѣйствительная противоположность между обоими лежитъ на почвѣ этики, между тѣмъ, какъ въ метафизическихъ основныхъ воззрѣніяхъ, взятыхъ въ цѣломъ, гораздо больше замѣчается согласія, чѣмъ противорѣчій. Аристотель борется въ ученіи объ идеяхъ именно противъ той его стороны, которая имѣетъ значеніе для этики Платона, а именно, онъ оспариваетъ ту самостоятельность идей, которая составляетъ для Платона царство сверхъчувственнаго бытія, изъ котораго вытекаютъ все его этическія воззрѣнія. Не самыя идеи, не бытіе понятій (*begriffliche*) отрицаетъ Аристотель; онъ отрицаетъ лишь отдѣлимость этого бытія отъ матеріи, (намекая, такимъ образомъ, на мыслящій духъ и на Божество). Бытіе понятій (*begriffliche*) и духовное вообще существуетъ лишь въ чувственной формѣ. Поэтому и нравственные поступки могутъ относиться только къ чувственному бытію. Такимъ образомъ, этика Аристотеля получаетъ чисто реалистическій характеръ. Вопросъ, къ которому сводятся все этическія разсужденія философа, заключается не въ томъ, какое значеніе имѣетъ добро само по себѣ или въ сверхъчувственномъ мірѣ, но въ томъ, чѣмъ оно является для человека въ условіяхъ его опытнаго бытія.

Конечно, онъ согласенъ съ Платономъ въ томъ, что высшее благо можетъ быть достигнуто отдѣльнымъ лицомъ не самостоя-

тельно, а лишь въ государственномъ общеніи. Поэтому, политика у него является заключеніемъ этики, и человѣка онъ опредѣляетъ, какъ политическое существо (Wesen). Но государственная жизнь кажется ему совершеннѣе индивидуальной не потому только, что она достигаетъ цѣлей высшихъ, чѣмъ послѣдняя, а прежде всего потому, что цѣли отдѣльныхъ лицъ въ болѣе совершенной степени могутъ быть достигнуты лишь съ помощью государства ¹⁾. Какъ здѣсь, такъ и тамъ эти цѣли заключаются у него въ достиженіи блаженства (Glückseligkeit). Не можетъ быть никакого спора, по мнѣнію Аристотеля, относительно того, что блаженство составляетъ содержаніе добра; различные взгляды возможны только на то, — что такое блаженство и что благопріитствуетъ ему? Критика этихъ взглядовъ всецѣло вращается на почвѣ дѣйствительности, и каждому изъ нихъ Аристотель воздастъ справедливость по заслугамъ. Что чувственное удовольствіе, богатство, почести должны быть признаны въ извѣстной мѣрѣ благами, это философу кажется неоспоримымъ. Однако, они не могутъ претендовать на названіе ихъ высшими благами (въ этомъ онъ согласенъ съ Платономъ), такъ какъ послѣднія могутъ вытекать только изъ дѣятельности самой высшей способности души, разума. Правильная дѣятельность разума есть добродѣтель; слѣдовательно, и истинное счастье заключается въ дѣятельности разума. При такомъ опредѣленіи добродѣтели, какъ дѣятельности разумной части души, не слѣдуетъ забывать широкаго объема понятія грековъ, объ (ἀρετή) а р е т ѣ, добродѣтели: это, — по Аристотелю, есть способность, и въ этомъ смыслѣ онъ различаетъ и добродѣтель въ двухъ направленіяхъ, по которымъ проявляется дѣятельность разума: въ своей теоретической дѣятельности разумъ ограничивается самъ собой, не вступая въ связь съ прочими способностями души; въ своей практической дѣятельности онъ сдерживаетъ страсти и управляетъ ими. Теоретическій разумъ, такимъ образомъ, проявляется въ мышленіи, практический — въ волѣ. Каждое изъ этихъ направленій имѣетъ свои добродѣтели: добродѣтели теоретическаго пути суть діанозетическія, именно — мудрость, проницательность (Einsicht), благоразуміе (Klugheit); добродѣтели практическаго направленія суть этическія добродѣтели; сюда принадлежатъ — мужество, самообладаніе, щедрость и т. п. Только этическія добродѣтели относятся къ нравственнымъ поступкамъ

---

¹⁾ Nikom. Eth. I, 1. Polit. I, 1.

онѣ составляютъ добродѣтели въ собственномъ смыслѣ слова діанозетическія не столько добродѣтели, сколько способности онѣ могутъ,—и даже въ высшей степени,—требоваться для добродѣтелей въ собственномъ смыслѣ и въ особенности для высшей изъ нихъ, справедливости; но это бываетъ лишь тогда, когда онѣ приобрѣтають вліяніе на волю, когда, слѣдовательно, діанозетическія добродѣтели нѣкоторымъ образомъ превращаются въ этическихъ. Съ этой точки зрѣнія Аристотель сильно оспариваетъ то положеніе Сократа, что добродѣтель есть знаніе, а также, соединенное съ этимъ утвержденіе, что никто не можетъ сдѣлать зла завѣдомо (*Wissentlich*)¹⁾. Это раздѣленіе добродѣтелей слѣдуетъ называть однимъ изъ величайшихъ философскихъ открытій всѣхъ временъ. Благодаря ему, въ первый разъ была точно разграничена область этики. Сократъ указалъ на разумъ, какъ на органъ нравственной дѣятельности. Но это признаніе повело у него къ преувеличенію этического значенія знанія: мышленіе и желаніе у него сливались безъ всякихъ различій. И Платонъ не могъ преодолѣть этого смѣшенія. Только Аристотель въ общей области разума призналъ волю, какъ специально этическую функцію. Сообразно съ этимъ, нравственная добродѣтель заключается уже не въ правильномъ знаніи, а въ доброй волѣ, которая хотя и зависитъ отъ знанія, но не тождественна съ нимъ. Указавъ на эту, столь неизбѣжную для сущности этической добродѣтели, дѣятельность воли, Аристотель, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно отдѣляетъ и вліяніе упражненія на добродѣтель. Если въ каждомъ существуетъ расположеніе къ ней, то это расположеніе, подобно всякой другой тѣлесной или духовной силѣ, должно быть укрѣпляемо упражненіемъ. Побужденіе къ этому упражненію заключается въ томъ, что добродѣтель есть величайшее благо, т.-е., что она въ самой сильной степени способна доставить блаженство. Аристотель, какъ тонкій наблюдатель человеческой природы, не могъ ожидать, чтобы добродѣтель была возможна и безъ мотива удовольствія. Къ ней будутъ стремиться только въ силу того, что она доставляетъ самое совершенное удовольствіе. Но, разумѣется, чтобы познать это, требуется размышленіе и провѣщательность, и потому человѣкъ добродѣтеленъ не самъ по себѣ, но для этого онъ нуждается въ развитіи разума и его воздѣйствіи на волю²⁾.

¹⁾ Nikom. Eth. VI, 13. VII, 3.

²⁾ Nikom. Eth. II, 1—3, X, 5, 6.

Если, такимъ образомъ, добродѣтель познается какъ сообразное съ разумомъ управленіе волей, то все-таки этимъ еще не устанавливается вполне собственное содержаніе понятія добродѣтели. Ясно только, что для Аристотеля нѣтъ уже никакого побужденія утверждать, подобно Платону, единство добродѣтелей, или ограничивать ихъ небольшимъ числомъ кардинальныхъ добродѣтелей. Сколько родовъ сообразнаго съ разумомъ желанія, столько слѣдуетъ различать и родовъ добродѣтели. Такимъ образомъ, при общемъ установленіи понятія добродѣтели, дѣло идетъ не о матеріальномъ его опредѣленіи, а лишь о формальномъ критеріумѣ, съ которымъ согласовались бы различные добродѣтели. Такой критерій въ дѣйствительности заключается въ томъ, что добродѣтель поκειται на сдерживаніи страстей и управленіи ими при помощи разума. Здѣсь, прежде всего, представляется именно то соображеніе, что всѣ страсти, чувства и аффекты движутся между крайностями или противоположностями ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что и нравственные ошибки, вытекающія изъ несдержаннаго господства страстей, представляютъ собой такіа противоположности. Каждому пороку противопоставляется другой порокъ, совершенно противоположнаго свойства: такъ, скупости—расточительность, малодушію—безразсудная смѣлость, надменности—рабская покорность. Если добродѣтель поκειται на сдерживаніи страстей при помощи разума, то она можетъ заключаться только въ постоянномъ наблюденіи золотой середины между двумя противоположными ошибками. Дѣйствительно, между двумя пороками лежитъ нѣчто особенное, что мы считаемъ за добродѣтельное, и проявленіе чего мы понимаемъ, какъ условіе человѣческаго счастья. Такъ, храбрость есть золотая середина между малодушіемъ и безразсудною смѣlostью, самообладаніе — между разнузданнымъ сладострастіемъ и аскетическимъ презрѣніемъ къ счастью, щедрость—между скупостью и расточительностью, великодушіе—между мелочностью и хвастливымъ чванствомъ, смиреніе (*Seelengrösse*) — между низкопоклонствомъ и надменностью, благородная гордость—между честолюбіемъ и ложною стыдливостью, ровность характера—между слабохарактерностью и вспыльчивостью, и т. д.

Надъ всѣми этими отдѣльными добродѣтелями выдается, однако, какъ самая совершенная изъ нихъ, справедливость, въ которой Аристотель нѣсколько искусственно видитъ золотую

---

¹⁾ Напримѣръ, любовь и ненависть, и т. п.

середину въ томъ, что она лежитъ между причиненіемъ несправедливости и претерпѣваніемъ таковой, или (въ другомъ мѣстѣ), что она воздастъ каждому свое, никому ни больше и ни меньше. Но справедливость показываетъ, что совершенная добродѣтель достижима только въ государствѣ, такъ какъ она не можетъ существовать безъ той охраны, которая здѣсь доставляется ей въ справедливыхъ законахъ. Ближайшіе выводы изъ нея поэтому сами собой вводятъ въ политическую область ¹⁾.

Для реалистическій тенденціи Аристотелевой этики весьма характеристично то, что въ ней источникомъ всѣхъ добродѣтелей и даже самой справедливости становится та добродѣтель, которая у Платона была третьею и самою низшею частью души, именно сдерживающее въ предѣлахъ умерѣнности благоразуміе. Не менѣе замѣчательно въ этомъ отношеніи и то мѣсто, которое отводится удовольствію и внѣшнимъ благамъ. Если Аристотель и признаетъ за ними лишь второстепенное достоинство, все-таки они кажутся ему неизбежно необходимыми для полного блаженства уже потому, что они часто представляютъ первое средство для развитія и проявленія собственно добродѣтелей. Такъ, храбрость нуждается въ здоровьи тѣла, щедрость въ богатствѣ. Всѣ эти внѣшнія блага, именно въ силу того, что они являются такими этическими вспомогательными средствами, и составляютъ для добродѣтельныхъ людей дѣйствительные источники продолжительнаго удовольствія и удовлетворенія ²⁾.

Когда Аристотель поставилъ средоточнымъ пунктомъ понятія о добродѣтели благоразуміе, сдерживающее въ предѣлахъ умерѣнности, то отсюда необходимо явилась внутренняя связь между добродѣтью въ собственномъ смыслѣ или этическою, и такъ называемымъ діанозтическими добродѣтелями. Онъ различаетъ пять такихъ добродѣтелей, или (если въ этомъ случаѣ употребить наши современныя выраженія) пять способностей: знаніе, искусство, предусмотрительность (*Einsicht*), разсудокъ, мудрость. Изъ нихъ знаніе, разсудокъ и мудрость больше теоретическаго свойства, искусство и предусмотрительность больше практическаго рода, такъ какъ первые проявляются лишь внутренне, въ мышленіи, вторые же внѣшнимъ образомъ, въ поступкахъ. Такимъ образомъ, эти послѣднія способности стоятъ въ близкомъ отношеніи къ волѣ, и вслѣдствіе этого въ то же время—къ этическимъ добродѣтелямъ.

¹⁾ Nikom. Eth. X, 4. 5.

²⁾ Nikom. Eth. II, 4—9, III—VII, Pol. III, 4.

Совершенно особенное значеніе имѣетъ предусмотрительность (Einsicht), которую Аристотель опредѣляетъ какъ дѣятельность, которая умѣетъ найти въ отдѣльныхъ случаяхъ правильный путь на основаніи пріобрѣтеннаго опыта. Такимъ образомъ, хотя она и не представляетъ собой источника добродѣтелей, которыя выходятъ изъ воли, наблюдающей золотую середину между противоположными страстями, тѣмъ не менѣе, она указываетъ добродѣльнымъ поступкамъ опредѣленную цѣль, давая знать въ отдѣльныхъ случаяхъ волю, гдѣ золотая середина. Такимъ образомъ, предусмотрительность является нѣкотораго рода воспитательницей воли. Какъ въ каждомъ воспитаніи, и здѣсь имѣетъ значеніе пріученіе и обусловливаемое имъ инстинктивное упражненіе въ добрѣ. На созданномъ привычкой равновѣсіи между противоположными наклонностями покоится въ особенности умѣренность, которую, Аристотель, вслѣдствіе этого рассматриваетъ, какъ предварительное условіе всѣхъ этическихъ добродѣтелей, однако, не причисляя ее къ нимъ¹⁾.

Если предусмотрительность является у Аристотеля неизбѣжнымъ спутникомъ и этическихъ добродѣтелей, и тѣмъ сближаетъ его съ Сократо-Платоновскою этикой, то онъ еще больше приближается къ воззрѣнію этихъ философовъ въ своей оцѣнкѣ высочайшей изъ діаноэтическихъ добродѣтелей, мудрости. Она является у него соединеніемъ разсудка и науки, но объектами ея служатъ не отдѣльныя вещи, а высшія и самыя общія понятія. Въ своей политикѣ и этикѣ Аристотель, правда, старался быть вѣрнымъ требованіямъ гражданскаго общества и значенію для него дѣятельной добродѣтели (въ этикѣ это можно видѣть въ частности въ его разсужденіи о дружбѣ, составляющемъ нѣкотораго рода связующій членъ между этикой и политикой). Но все-таки личная наклонность философа проглядываетъ въ томъ, что онъ отдастъ преимущество созерцательной жизни передъ практической, а черезъ то и той добродѣтели, которая даетъ цѣнное содержаніе созерцательной жизни, именно мудрости. Какъ ни высоко цѣнилъ онъ политическую жизнь, все-таки, если дѣятельности политика и философа должны быть опредѣлены по ихъ внутреннему достоинству, то для него нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что послѣдняя стоитъ выше. Мудрость доставляетъ высшее удовлетвореніе не только потому, что она является добродѣтельною самой высшей способности души, разума, но и потому, что она

¹⁾ Nikom. Eth. VI, VII, 1—12.

независима отъ вѣшнихъ условій, что дѣятельность ея постоянна и не стоитъ въ зависимости отъ вѣшнихъ благъ. Щедрому нужно богатство, храброму здоровье; мудрецъ же опирается только на самого себя. Богамъ также, по мнѣнію Аристотеля, нельзя приписывать никакой обусловливаемой вѣшними обстоятельствами дѣятельности. Какъ ихъ блаженство (Glück) чисто созерцательное, такъ и для человека высшее счастье заключается въ наслажденіи мудростью¹⁾.

Здѣсь въ Аристотелевской этикѣ, звучитъ уже струна, которая предвѣщаетъ наступающее вслѣдъ затѣмъ время. Если созерцательная жизнь имѣетъ высшую цѣну, то отсюда близокъ переходъ къ тому, чтобы видѣть прелесть этой созерцательности въ удаленіи отъ міра, въ отчужденіи отъ всякой практической дѣятельности; и если далѣе теоретическому созерцанію приписывается сила, доставляющая счастье, которая приближаетъ человека къ блаженному состоянію боговъ, то отсюда близокъ дальнѣйшій шагъ къ тому, чтобы эта созерцательная дѣятельность приняла религіозное направленіе, чтобы въ ней увидѣли не только жизнь, подобную жизни боговъ, но и непосредственное погруженіе человѣческаго духа въ божественный духъ. Уже въ такъ называемой евдемовой этикѣ, написанной подъ литерами Аристотеля, но не самимъ Аристотелемъ, а, вѣроятно, его ученикомъ Евдемомъ, выступаетъ такой религіозный поворотъ, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку здѣсь познаніе и почитаніе божества ясно выставляются, какъ высшія блага¹⁾. Такъ вообще всѣ отклоненія, которыя были допущены приверженцами перипатетической школы, отъ ученія ея основателя, непремѣнно проходятъ въ тѣхъ направленіяхъ, которыя получили значеніе къ воззрѣніямъ философскихъ сектъ, достигшихъ позднѣе господства.

3. Стоики и эпикурейцы.

Философскія школы стоиковъ и эпикурейцевъ стоятъ подъ вліяніемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли какъ въ политической жизни, такъ и въ нравственномъ сознаніи. Политическая самостоятельность эллиновъ уже утратилась. И добродѣтель единомудрія (Gemeinsinn), которая составляла главное содержаніе нравственной жизни прошлаго, потеряла вслѣдствіе этого свою

¹⁾ Nikom. Eth. X, 7—10.

¹⁾ Eudem. Eth., VII, 14—17. См. также Zeller, Philosophie der Griechen, 3 Aufl. II, 2, S. 874 ff.

почву. Завоеванія Александра насильственно расширили кругозор національных воззрѣній. Сюда получили доступъ восточныя религіозныя представленія и нравы. Чѣмъ больше греки общили другимъ народамъ сокровища своего образованія, тѣмъ больше они сами становились носителями космополитическихъ воззрѣній на жизнь, которыя давали высшую цѣну общечеловѣческимъ обязанностямъ, и вслѣдствіе этого необходимо ставили нравственныя интересы индивидуума выше нравственныхъ интересовъ государственнаго сообщества. Эта перемѣна воззрѣній выразилась еще и въ томъ, что съ этихъ поръ главную роль въ философіи играютъ этическія проблемы. Такому направленію философіи благопріятствовали постепенно начинавшіяся выдѣленія (дифференцировки *Verselbständigung*) отдѣльныхъ теоретическихъ наукъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ достигли въ Александрійскій періодъ высшаго своего процвѣтанія.

а) Стоическая этика.

Этика стоическая считаетъ свои ближайшіе зародыши въ прошломъ у Сократа и у той сократической школы, которая, по мнѣнію стоиковъ, самымъ совершеннымъ образомъ выразила основную мысль всей жизни и ученія своего учителя, а именно у циниковъ. Этого обходъ (*Zurückgreifen*) развитія Платоновой и Аристотелевой философіи весьма замѣчателенъ не только въ томъ отношеніи, что этикъ отдается преобладающее значеніе, въ чемъ сказалось большее родство между Сократомъ и его непосредственными послѣдователями, но еще въ томъ личномъ направленіи, какое принимаютъ этическія умозрѣнія. Въ Сократѣ и въ отдѣльныхъ его послѣдователяхъ циникахъ, на примѣръ, въ Діогенѣ, приводило въ изумленіе не столько содержаніе ихъ ученія, сколько самая ихъ личность. Чѣмъ больше стремленія стоиковъ были направлены на то, чтобы освободить свою этику отъ особыхъ политическихъ и социальныхъ условій, и сдѣлать ее, такимъ образомъ, индивидуальною, а въ то же время всеобщечеловѣческою, — тѣмъ больше они надѣялись выполнить свою задачу наилучшимъ образомъ, лишь путемъ выведенія понятія добра и добродѣтели непосредственно изъ того образца совершеннаго чловѣка, какой они видѣли въ Сократѣ, и поздѣе въ выдающихся представителяхъ ихъ собственной секты. Вотъ почему у стоиковъ рѣшительно преобладаетъ стремленіе при опредѣленіи этихъ понятій больше держаться описательной, нежели нормативной точки

зрѣнія, не столько выставлѣть предписанія обязанностей, сколько опредѣлѣть фактическія свойства совершенной добродѣтельной жизни, стремленіе, которое, сверхъ того, подкрѣпляется еще пантеистическимъ детерминистическимъ направленіемъ ихъ теологіи и натурфилософіи. Оттого стоики возобновили не только сократовское единство знанія и добродѣтели, но въ особенности расширили и Сократо-Платоновское ученіе о единствѣ добродѣтелей. Конечно, это единство не есть внутреннее тождество самихъ добродѣтелей, какъ въ Платоновомъ Протогорѣ, но необходимая связь ихъ въ единствѣ нравственной личности. Въ этомъ смыслѣ одна какая-нибудь добродѣтель выставлѣтся, какъ корень всѣхъ остальныхъ: такъ, у Зенона выставлѣтся предусмотрительность, у Хризиппа мудрость, которой (отчасти на основаніи Платоно-Аристотелевскаго дѣленія) подчиняются четыре кардинальных добродѣтели—предусмотрительность, храбрость, благоразуміе и справедливость. Въ мотивированіи этихъ добродѣтелей, стоики, въ сущности, не возвышаются надъ сократовскою точкой зрѣнія: добро для нихъ есть то, что полезно и естественно (сообразно съ природой); такъ какъ все ихъ міровоззрѣніе имѣетъ телеологическій характеръ¹⁾, то этому соответствуетъ и ихъ взглядъ на то, что первоначальное влеченіе челоуѣка заключается въ стремленіи къ естественному, сообразному съ природой, и полезному, и удаленіи отъ противоестественнаго и вреднаго. Сообразно съ этимъ, и извѣстнымъ внѣшнимъ благамъ, каковы здоровье или богатство, они придаютъ, по крайней мѣрѣ относительное и условное значеніе. Для добродѣтельныхъ людей эти блага полезны, для злыхъ же они могутъ быть вредными, вслѣдствіе злоупотребленія ими. Такимъ образомъ, сами по себѣ они ни добры ни злы, а принадлежатъ къ безразличнымъ вещамъ, къ адіафорамъ, которыя лежатъ въ серединѣ между добромъ и зломъ. Между тѣмъ, какъ преимущественно оттѣняются нравственныя опасности, которыя сопряжены съ такими предметами, безразличными сами по себѣ, и такъ какъ самое высокое достоинство мудреца, нечувствующаго нужды въ этихъ внѣшнихъ благахъ, полагается въ освобожденіи отъ потребностей, то отрицательная сторона морали, избѣжаніе зла, получаетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ положительное содержаніе понятія о добродѣтели.

Источниками зла, по мнѣнію стоиковъ являются челоуѣческія страсти, которыхъ они считаютъ четыре: удовольствіе, жад-

---

¹⁾ Телеологія - ученіе о цѣляхъ (въ мірѣ или природѣ).

ность, печаль и страхъ. Это болѣзни души, которыя не только слѣдуетъ умѣрить, какъ этого хотѣли Аристотель и его ученики, но и совершенно искоренить. Отсюда для стоиковъ важнѣ всякой положительной добродѣтели отрицательная — апатія. Идеальный образъ добродѣтельнаго мудреца, который они начертали, прежде всего, носить въ себѣ эту черту равнодушія, по отношенію къ страданію и опасности, къ суетѣ и почестимъ міра, то-есть такое настроеніе, которому чуждо состраданіе, такъ какъ страданія, вызывающія въ насъ состраданіе, никѣмъ образомъ не могутъ быть дѣйствительнымъ зломъ. Поэтому, стоическій мудрецъ и къ другимъ строгъ такъ же, какъ и къ себѣ. Но чтобы отдѣльному человѣку легче удалось сохранить то спокойствіе духа, въ которомъ заключается истинное счастье, онъ долженъ удалиться въ уединеніе, гдѣ уже нѣтъ никакого повода, который бы снова вызвалъ страсти. Ученіе стоиковъ, цѣнить наслажденіе созерцательною жизнью совершенно не такъ, какъ Аристотель: по этому ученію, цари и государственные люди никогда не могутъ быть истинно добрыми и счастливыми. Только состояніе философа, бѣгущаго отъ міра, отказавшагося отъ всѣхъ вождѣлій и свободнаго отъ страстей, есть состояніе полнаго міра. Если при этомъ ему угрожаетъ даже какое-нибудь тѣлесное страданіе, онъ скорѣе разстанется съ жизнью, нежели отдастъ за это спокойствіе своей души. Такимъ образомъ, хотя самоубійство и не считается у стоиковъ прямо дѣломъ добродѣтельнымъ, но, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ мрачное воззрѣніе на жизнь сильнѣе овладѣваетъ имъ, самоубійство кажется имъ похвальнымъ средствомъ для избѣжанія зла и такимъ поступкомъ, которымъ мудрецъ показываетъ, что для него самая жизнь принадлежитъ къ безразличнымъ вещамъ. Тою же мыслью презрѣнія къ міру наполнена и практическая мораль стоиковъ. Правда, отъ этого еще далеко до того, чтобы мало уважать социальныя обязанности: противъ этого возстаютъ уже и самый пантеистическій характеръ философіи стоиковъ, который требуетъ и въ этическихъ отношеніяхъ некоторой взаимной связи отдѣльныхъ лицъ другъ съ другомъ, какъ и съ цѣлою природою. Но они энергически отбѣгаютъ необходимость безразлично относиться къ сословнымъ и національнымъ различіямъ. Всѣ люди родственны между собой, всѣ они въ сущности, граждане одного государства, и въ личности раба нужно уважать человѣка. Такъ, стоики были первыми проповѣдниками всемірнаго гражданства (или космополитизма — Weltbürgerthums). Что у нихъ являются подчиненными ему бо-

лѣе узкія обязанности гражданина государства—это само собою понятно; они признавали нравственное значеніе брака, но дру же-скій союзъ, обнимающій всѣхъ мудрецовъ и добродѣтельныхъ людей, даже не знающихъ другъ друга,—въ силу только общности душевнаго настроенія,—они ставили выше. Эти выводы согласуются вполнѣ съ тѣмъ самоудовлетвореніемъ мудреца, которое такъ цѣнятся стоиками. Но чѣмъ труднѣе выжуются эти выводы въ ихъ идеальнѣйшей формѣ съ общими жизненными потребностями, тѣмъ больше приходится рѣшаться въ практической морали на уступку обычнымъ жизненнымъ взглядамъ. Однако, даже въ томъ, какъ самый свободный изъ социальныхъ союзовъ—союзъ дружбы, выдвигается впереди всѣхъ, причемъ онъ сдѣланъ до известной степени даже независимымъ отъ непосредственныхъ духовныхъ сношеній, пробивается аскетическая, (weltflüchtige) черта этой этики, т. е. ея стремленіе уйти отъ міра.

в. Эпикурейская этика.

Въ сферѣ только-что упомянутыхъ практическихъ выводовъ, мораль эпикурейцевъ развиваетъ направленіе, совершенно родственное со стоицизмомъ, а поэтому, не смотря на нѣкоторыя противоположности, представляетъ известное сходство съ нимъ и въ основныхъ воззрѣніяхъ. Это родство особенно выступаетъ въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, въ томъ, что и здѣсь выдвигается впередъ л и ч н ы й элементъ, который и тутъ выражается въ образѣ мудреца, наслаждающагося истиннымъ блаженствомъ и отказавшагося отъ всѣхъ тревоженій общественнаго призванія; во-вторыхъ, оно выступаетъ въ указаніи (Betonung) отрицательной стороны счастья, т. е. удаленія отъ всѣхъ тѣхъ волненій, доставляющихъ неудовольствіе, которыя могутъ его нарушить. Но если у стоиковъ космополитическія и общечеловѣческія стремленія уравновѣшиваютъ индивидуалистическую тенденцію, то у эпикурейцевъ эта послѣдняя приводитъ къ эгоистическому квітизму (покою, равнодушію), мотивировка котораго заключается въ самыхъ тривиальныхъ соображеніяхъ пользы. При этомъ указанные философы грѣшатъ непоследовательностью въ томъ, что, съ одной стороны, смотрятъ на государство, какъ на учрежденіе основанное для охраны и пользы людей, а съ другой стороны, ставятъ правиломъ своей жизни не заботиться о государствѣ. Такой именно смыслъ въ особенности имѣетъ ихъ изреченіе: «*λὰ δὲ βίωσας*» (живи въ неизвѣстности). Эта непоследовательность объясняется лишь тѣмъ близорукимъ эгоизмомъ, который, избравъ себѣ бла-

тую часть, равнодушенъ и къ счастью, и къ горю остальныхъ людей. И у эпикурейцевъ также отсутствуетъ интересъ къ задачамъ положительной политики. Брачный союзъ кажется для нихъ тяжкими оковами. Изъ всѣхъ союзовъ они предпочитаютъ дружбу, и это, конечно, потому, что она, какъ самый свободный союзъ, соединяется съ величайшими выгодами и ничтожнѣйшими пожертвованіями. Въ похвалѣ, которую они воздаютъ дружбѣ, проглядываетъ то высокое достоинство, которое эллинскій міръ приписывалъ этому союзу людей. Далѣе эпикурейцы точно также, какъ и стоики, выдвигаютъ спокойствіе души, какъ существенное условіе счастья, зато, въ противоположность стоикамъ, они считаютъ зломъ, котораго болѣе всякихъ другихъ слѣдуетъ избѣгать, не страсти, а страданія. Поэтому не апатію, но атараксію, т.-е. жизнь безъ страданій и горестей восхваляютъ они какъ блаженное состояніе. Сообразно съ этимъ, у стоиковъ добродѣтель, состоящая въ подавленіи страстей, имѣетъ значеніе добра, къ которому стремятся ради его самого, и въ обладаніи которымъ и заключается истинное блаженство; между тѣмъ, у эпикурейцевъ это отношеніе становится обратнымъ: цѣль всякаго стремленія есть блаженство, и добродѣтель есть лишь средство къ достиженію этой цѣли. Вотъ почему предусмотрительность (*εὐνοία*) считается у нихъ главною добродѣтью, которая въ то же время является источникомъ всѣхъ остальныхъ, между которыми умѣренность имѣетъ для нихъ высшую цѣну, какъ неизбѣжная для сохраненія тѣла и души въ безпечальномъ состояніи. Какъ ни родственны кажутся, такимъ образомъ, атараксія и апатія, но они все-таки далеко стоятъ другъ отъ друга: апатія, въ силу того, что въ ней молчатъ всѣ страсти, лишена какого бы то ни было положительнаго стремленія, тогда какъ при атараксіи, радость, какъ противоположность скорби, сама собою получаетъ положительное значеніе. Между тѣмъ какъ безпечальность дѣлаетъ насъ способнымъ къ наслажденію радостями (или удовольствіями), удовольствие, въ свою очередь, заставляетъ насъ забывать страданія. Такимъ образомъ, атараксія выступаетъ здѣсь всецѣло на служеніе эвдемоніи. (т.-е. жизни для наслажденія).

Благодаря этому выступленію безпечальности на первый планъ, эвдемонизмъ¹⁾ эпикурейцевъ является болѣе облагоустроеннымъ въ сравненіи съ грубой точкою зрѣнія предшествовавшихъ имъ киренаиковъ. Только то удовольствіе считается у нихъ дѣй-

¹⁾ Ученіе, ставящее цѣлю жизни и морали наслажденіе или счастье.

ствительно благоприятнымъ для счастья средствомъ, которое не сопровождается страданіемъ или не слѣдуетъ за нимъ. Вслѣдствіе этого чувственное удовольствіе, которое всегда носить въ себѣ эту опасность, стоитъ у нихъ далеко ниже духовнаго, какъ свободнаго отъ страданія. Но ихъ матеріалистическое міровоззрѣніе, опирающееся на Демокрита, смотритъ на различіе между чувственнымъ и духовнымъ удовольствіемъ часто лишь какъ на различіе по степени, такъ какъ послѣднее, по ихъ мнѣнію, заключается преимущественно въ воспоминаніяхъ, остающихся отъ прошедшихъ чувственныхъ наслажденій. Впрочемъ, здѣсь оставалась возможность для широкаго поля воззрѣній, среди котораго дѣйствительно и вращались въ позднѣйшее время приверженцы эпикурейскаго ученія. Въ то время, какъ одни видѣли источникъ счастья преимущественно въ чувственномъ удовольствіи, другіе все достоинство мудреца (какъ это дѣлалъ и самъ Эпикуръ), находили въ заботѣ о дружбѣ и духовномъ наслажденіи, какое ведетъ за собой сношеніе съ единомышленниками, наконецъ, третьи такъ сильно отбѣняли чисто-отрицательный моментъ безпечальности, что картина эпикурейскаго мудреца, какую они рисовали, мало отличалась отъ стоическаго идеала.

4. Переходъ къ христіанской этикѣ.

Въ этихъ промежуточныхъ направленіяхъ подготовлялся тотъ эклектизмъ, который, выйдя изъ школъ академиковъ и перипатетиковъ, отчасти достигъ уже господства въ Греціи, а потомъ въ особенности въ Римѣ. Въ морали, которая большею частью была центромъ тяжести, эти эклектики примыкали то къ Эпикуру то къ стоицизму. Но между тѣмъ, какъ эти остатки Эллинской философіи тщетно старались вознаградить постепенную потерю религіозныхъ убѣжденій, философское умозрѣніе получило новый и могучій толчекъ отъ вліянія, которое сталъ оказывать востокъ на западъ. Вытекая большею частью изъ нравственно-религіозныхъ мотивовъ, это вліяніе сказывалось и на этическихъ воззрѣніяхъ. Посредствующимъ звеномъ для этого перехода философской этики въ теософскую послужили новоплатоническія направленія, которыя въ теченіи многихъ столѣтій были своей средоточной пунктъ въ Александріи.

И эти отголоски античной философіи, служившіе предзнаменованіемъ наступающей эпохи, развивали въ извѣстномъ смыслѣ эклектическую тенденцію. Именно, они связывали платоновскую и стоическую философію съ древними восточными религіозными

воззрѣніями. Эта примѣсь религіозныхъ представленій къ философскому умозрѣнію сообщаетъ настоящему періоду своеобразный отпечатокъ. Вслѣдствіе этого и этическая теорія распадается на двѣ составныхъ части: на низшую, презираемую, свѣтскую, относящуюся къ добродѣтелямъ земной жизни, и на религіозную, которая относилась къ высшей жизни, приближающую къ божеству. Указанныя направленія прежде всего примыкаютъ къ своимъ философскимъ предшественникамъ: вмѣстѣ съ Платономъ, они ставятъ нравственное въ непосредственную связь съ ученіемъ о предварительномъ существованіи и безсмертіи души; вмѣстѣ съ Аристотелемъ, они отдаютъ созерцательной жизни преимущество надъ практической, допуская, впрочемъ, права и за политической жизнью признаніемъ политическихъ добродѣтелей; наконецъ, вмѣстѣ со стоиками они отвергаютъ чувственное удовольствіе и требуютъ подавленія страстей. Однако, это подавленіе не составляетъ для нихъ цѣли само по себѣ, а только лишь какъ подготовленіе къ воспоминанію о высшемъ блаженствѣ. Это блаженство состоитъ въ томъ непосредственномъ соприкосновеніи съ божествомъ, которое достигается только въ состояніи экстаза, гдѣ прекращается сознательная мысль, и духъ погружается въ Верховное Существо, изъ котораго вышелъ.

Такимъ образомъ, указанныя заимствованія изъ античной философіи для этой мистики являются вѣншимъ придаткомъ. Центръ ея тяжести заключается не въ нравственномъ сознаніи, а въ религіозномъ чувствѣ. Вслѣдствіе этого новоплатоническая этика снова поворачиваетъ на ту ступень, которая предшествовала образованію философской этики: нравственные постулаты ея, какъ и наивнаго сознанія, превращаются непосредственно въ религіозныя воззрѣнія. Но при этомъ, конечно, содержаніе указанныхъ постулатовъ становится совершенно инымъ. Жизнерадостная (*Lebensfrische*), но ограниченная національностью, этика грековъ уступаетъ мѣсто удаляющемуся отъ міра аскетическому настроенію, которое уже признаетъ нравственныя задачи общечеловѣческими. Такимъ образомъ, новоплатонизмъ принимаетъ на себя преимущественно массу—поставить плоды греческаго умозрѣнія на служеніе тѣмъ системамъ морали, которыя должны съ этихъ поръ развиваться уже на почвѣ христіанскихъ религіозныхъ воззрѣній. Ибо начало христіанской этики возникло отчасти въ согласіи, отчасти въ противорѣчій со взглядами новоплатониковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Христіанская этика.

1. Общія основанія христіанской этики.

Центръ тяжести вліянія, которое было оказано христіанствомъ на позднѣйшую эпоху, находится въ томъ нравственномъ міросозерцаніи, которое служитъ основой христіанства. Это нравственное міросозерцаніе отличается отъ возрѣній древности, главнымъ образомъ, въ трехъ пунктахъ: во взглядѣ на отношенія человека къ Богу, во взглядѣ на взаимныя отношенія людей другъ къ другу и, наконецъ, во взглядѣ на отношенія чувственныхъ качествъ къ нравственнымъ, и въ зависящихъ отъ этого представленій о происхожденіи и назначеніи человека.

Что касается отношенія человека къ божеству, въ древности (классической), какъ и во всякомъ первобытномъ религіозномъ міросозерцаніи, господствующимъ мотивомъ былъ страхъ; этому мотиву, руководившему существеннымъ образомъ и іудейскими представленіями о божествѣ, ученіе Христа противопоставило мотивъ любви, сравнивая отношенія между Богомъ и человекомъ съ отношеніями между отцомъ и дѣтьми. Съ своей стороны, эта мысль о Богѣ, какъ общемъ отцѣ, измѣнила бывшія въ то время ходячими представленія о человѣчности. Въ отношеніяхъ человека къ человеку исчезли границы національностей и сословныя перегородки, и, наоборотъ, исключительно сталъ господствовать мотивъ общности вѣры, считавшійся тою формой, въ которой должна была проявляться общность отношеній къ Богу, какъ отцу (*die gemeinsame Gotteskindschaft*).

Идея объ отношеніяхъ къ Богу, какъ отцу, и объ общеніи вѣрующихъ, внѣшнимъ выраженіемъ которой была церковь, наполнила собою, наконецъ, представленія, развившіяся въ предѣлахъ христіанскаго міросозерцанія,—частью, правда, въ связи съ древнево-сточными религіозными идеями,—представленія относительно происхожденія и будущихъ судебъ человека. Если сыновнія отношенія къ Богу и общность вѣры могли быть понимаемы лишь въ духовномъ смыслѣ, то теперь тѣмъ болѣе выступила наружу противоположность между чувственною и духовною природою человека, приравненная къ нравственной противоположности между зломъ и добромъ—возрѣніе, для котораго основаніе было положено еще языческою философіей во многихъ ея направленіяхъ. Зависимость духовной природы отъ чувственной теперь, въ связи

съ идеями Платона, представилась какъ иго, являющееся виною всего зла, приключающагося въ мѣрѣ. Но евангельская идея о сыновнихъ отношеніяхъ людей къ Богу не допускала, чтобы это иго существовало «исконно», не допускала также и того, чтобы оно оставалось навсегда на будущія времена. Съ одной стороны древневосточное вѣрованіе въ рай и грѣхопаденіе было весьма пригодно для объясненія первобытнаго отпаденія отъ Божества (грѣхопаденія); съ другой стороны—общія представленія о Гадесѣ и Элизіумѣ доставили годный матеріалъ, послужившій для оживленія представленій объ обѣщанномъ и уповаемомъ спасеніи.

Посредствующимъ звеномъ между этимъ началомъ и концомъ явилась, конечно, основанная Христомъ религіозная община, церковь, которая все болѣе и болѣе выступала въ формѣ божественнаго, дарующаго благодать, учрежденія (Gnadenanstalt), по мѣрѣ того, какъ она становилась величайшею и прочѣйшею силой, когда-либо господствовавшею надъ душами людей. Человѣческое содержаніе христіанскаго ученія въ нѣкоторыхъ сектахъ испытало отъ этого нѣкоторое обратное измѣненіе: такъ, вѣрующій христіанинъ нѣкоторыхъ сектъ могъ смотрѣть съ большимъ презрѣніемъ, чѣмъ грекъ смотритъ на варвара, на невѣрующаго язычника, лишеннаго не только въ здѣшней жизни божественнаго просвѣтленія, но и долженствующаго въ будущей жизни испытать вѣчное проклятiе. Но такъ какъ изъ всѣхъ мотивовъ на человѣческое сердце вліяютъ могущественнѣе всего тѣ, которые возбуждаютъ въ немъ страхъ и надежду, то церковь постепенно стала центральнымъ пунктомъ христіанскихъ религіозныхъ представленій. Чѣмъ болѣе вѣра первыхъ христіанъ отступала отъ идеи о близкомъ второмъ пришествіи Христа, вслѣдствіе чего и отрѣшившійся отъ міра сего вѣрующій былъ вынужденъ устроить себѣ прочную дѣятельность къ земной жизни, тѣмъ большее вліяніе пріобрѣтало видимое религіозное государство; и это происходило не въ малой мѣрѣ такимъ образомъ, что въ томъ понятіи о благодати, въ которомъ въ началѣ, представленія о сыновнихъ отношеніяхъ къ Богу и любовь соединялись съ чувствомъ страха, послѣдній мотивъ получилъ перевѣсъ, по мѣрѣ того, какъ церковь фактически становилась свѣтскою властью, которая не только дѣлала человѣка причастнымъ божественно благодати, но также исправляла обязанность божественной кары на землѣ.

Развитіе этихъ представленій имѣло весьма опредѣленное вліяніе на выработку христіанской этики. Но свою философскую

форму она приобрѣла лишь подѣ вліяніемъ направленій, болѣе всего родственныхъ христіанскому міросозерцанію во всей классической философіи — именно платонизма и частью стоицизма. Конечно, ассимиляція этихъ ученій религіей требовала многочисленныхъ преобразованій въ нихъ, которые не остались безъ вліянія и на этику. Представленіямъ неоплатониковъ объ эманации, которые еще въ теченіи долгаго времени существовали въ христіанской сектѣ гностиковъ, церковь противопоставила, (подѣ совокупнымъ вліяніемъ іудейскаго единобожія и ученія Христа о сыновнихъ отношеніяхъ къ Богу) идею личнаго вѣнъ - міроваго Бога. Если платонизмъ разсматривалъ матерію какъ причину несовершенствъ и зла, то это понятіе, какъ слишкомъ далекое отъ чувственнаго представленія, не было согласимо съ религіознымъ воззрѣніемъ. Поэтому логосъ (божественный разумъ, слово) въ христіанской философіи не является болѣе, какъ въ іудейской теософіи и въ неоплатонизмѣ, чисто духовнымъ принципомъ, но превращается здѣсь, связываясь одновременно съ іудейскимъ мессіанизмомъ и съ евангельскимъ ученіемъ о сыновнихъ отношеніяхъ къ Богу, въ идею о вочеловѣчившемся сынѣ Божіемъ. Но точно также простое духовное продолженіе существованія души послѣ смерти является болѣе недостаточнымъ для потребностей религіи: на мѣсто платоновской идеи о безсмертіи выступаетъ догматъ о воскресеніи плоти, причемъ въ то же время устраняется ученіе о предсуществованіи (т.-е. другой жизни, предшествовавшей тѣлесному рожденію), какъ элементъ, вполне безразличный для религіозныхъ надеждъ.

Но такъ какъ въ догматахъ о вочеловѣченіи, и воскресеніи чувственная матерія оказывается необходимою для существованія добра, какъ въ здѣшней, такъ и въ той жизни, то платоновскій выводъ зла изъ матеріи не могъ болѣе оставаться въ полной силѣ, даже помимо того, что онъ даетъ черезчуръ абстрактное для религіозной потребности рѣшеніе задачи. А между тѣмъ, именно эта-то задача и занимаетъ чувство христіанина, удаленное отъ міра сего и обращенное всѣми своими надеждами къ загробной жизни и ко второму пришествію Христа. Тутъ снова представляется рѣшеніе, взятое изъ религіозныхъ воззрѣній востока. Здѣсь уже неоднократно, и въ особенности въ ученіи парсовъ, противоположность добраго и злаго началъ находила свое религіозное воплощеніе. Въ средѣ самого христіанства возникаетъ секта мавихеевъ, которая, смѣшивая гностически-христіанскія

представленія съ представленіями религіи Зороастра, противопоставляетъ Богу первичное злое начало и подобнымъ же образомъ допускаетъ въ человѣкѣ двѣ души—одну свѣтлую и добрую, чисто духовную, другую злую, связанную съ тѣломъ. Но это ученіе противорѣчитъ чистому монотеизму (единобожію), на которомъ построено христіанство. Православіе поэтому отвергаетъ первичность зла, но принимаетъ идею воплощенія злаго начала. Грѣхопаденіе Адама переносится съ земной области на небесную, и сатана превращается въ падшаго ангела. Онъ является полною противоположностью Христу, а н т и х р и с т о м ъ, который по ученію Иринія, даже воплотится въ человѣческій образъ и будетъ царствовать на землѣ, пока не прійдетъ Христосъ, который ввергнетъ антихриста и его приверженцевъ въ вѣчную муку и воздвигнетъ тысячелѣтнее царство, за которымъ послѣдуетъ царство Отца, вѣчное блаженство. Отъ этихъ представленій осталась по меньшей мѣрѣ, идея воплощенія зла въ сатанѣ, какъ падшемъ ангелѣ—идея, важная для этики въ томъ отношеніи, что здѣсь зло является не какъ нѣчто первобытное, но какъ пришедшее въ міръ лишь съ первымъ грѣхопаденіемъ. Не смотря на это особое воплощеніе злаго начала, платоновская идея объ оскверненіи духа матеріей сохранила свою силу. Въ чувственной природѣ человѣка, въ его чувственныхъ влеченіяхъ, въ его стремленіи къ чувственнымъ благамъ постоянно дѣйствуетъ злое начало—такое христіанское представленіе о злѣ. Умерщвленіе плоти считается поэтому важнымъ вспомогательнымъ средствомъ для достиженія небеснаго блаженства, хотя въ силу этого аскетическаго воззрѣнія мірская собственность, бракъ, общественная дѣятельность все же не считаются грѣховными, но съ другой стороны, воздержаніе, состоящее въ отреченіи отъ всѣхъ этихъ благъ, вмѣняется въ особую заслугу. Именно эти представленія, непримѣнимыя ко всей совокупности христіанскаго общества, содержатъ зародыши той, сомнительной для практической этики, двойственной морали, которая идетъ рука объ руку съ болѣе строгимъ отдѣленіемъ духовнаго сословія отъ мірянъ и завершается развитіемъ монашеской жизни.

По этимъ обстоятельствамъ, христіанская этика въ двойномъ отношеніи приобретаетъ характеръ с в я з а н н о с т и (Gebundenheit). Она не является ни непосредственнымъ осуществленіемъ нравственно-религіознаго сознанія, ни ученіемъ, основаннымъ на свободномъ философскомъ изслѣдованіи, но религіозное сознаніе въ ней связано съ философскими мнѣніями, принятыми церковью, и обратно,—филосо-

софскія ученія въ ней связаны съ содержаніемъ религіознаго преданія. Возникшій, такимъ образомъ, соединенный продуктъ религіознаго вѣрованія и философскаго убѣжденія и есть церковная догма (совокупность догматовъ), которая опредѣляетъ собою задачи и основныя воззрѣнія этики.

Разумѣется проведенныя здѣсь границы мѣнѣ опредѣленны въ началѣ христіанской философіи, когда самое содержаніе догматовъ едва возникаетъ. Здѣсь поэтому громадное вліяніе на архитектуру церковнаго ученія оказываютъ индивидуальныя воззрѣнія на жизнь отдѣльныхъ философовъ церкви. Изъ всѣхъ ихъ особенно выдается по своему значенію и продолжительному вліянію св. Августинъ.

2. Система Августина.

Во всей литературѣ отцовъ церкви (такъ назыв. патристической), Августинъ не имѣетъ равнаго себѣ по философскимъ способностямъ. Живи онъ 800 годами раньше или 1,200 годами позже, онъ былъ бы, по всей вѣроятности, однимъ изъ величайшихъ философовъ всѣхъ временъ. Въ ученіи о познавательной способности онъ предъугадалъ основную идею «размышлений» Декарта; его этическія поясненія содержатъ анализъ воли, который, по исключеніи изъ него догматическихъ примѣсей, превосходитъ своею глубиной почти все, сдѣланное до тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи.

Но именно на этотъ смѣлый и могучій умъ тѣмъ чувствительнѣе оказала свое воздѣйствіе сила религіознаго преданія и воззрѣнія на жизнь. Не будучи въ состояніи соединить противоположные элементы своего вѣрованія разсудочнымъ путемъ (*begreiflich*), онъ тѣмъ энергичнѣе бросается въ мистическую сторону. Вопреки ученію манихеевъ, къ которому онъ самъ былъ склоненъ первоначально, и которое пытается рѣшить вопросъ о злѣ признаніемъ дуализма, т.-е. добраго и злаго первобытнаго существа, Августинъ поддерживаетъ ученіе объ исключительной первобытности добраго начала. Зло является въ міръ лишь вслѣдствіе грѣхопаденія, по причинѣ высокомерія ангеловъ и людей, отпавшихъ отъ Бога; оно само по себѣ не есть субстанція (въ этомъ утвержденіи слышится откликъ платоновскаго ученія, что понятно въ мыслителѣ, прошедшемъ школу классической науки); зло есть лишь свойство, недостатокъ, присущій добру, который, будучи уничтоженъ покаяніемъ, именно этимъ путемъ дѣлаетъ очевидной божественную справедливость. Богъ допустилъ зло

съ цѣлью, чтобы добро еще болѣе выигрывало отъ этого. Выставленный здѣсь принципъ: *contrariis oppositio saeculi pulchritudo componitur* (буквально: прелесть вѣка складывается изъ столкновенія противоположностей), составляетъ идею, оказывающую влияние даже до нашего времени. Подобнымъ же образомъ Августина защищаетъ противъ Пелагія и его сторонниковъ ученіе о предопредѣленіи воли. Пелагіане ошибались (по мнѣнію Августина), утверждая что добро достигается свободною волей человека; лишь въ силу божественнаго милосердія, направляющаго также и волю, мы можемъ достигать добраго, послѣ того, какъ вслѣдствіе грѣхопаденія зло пришло на землю. Это ученіе Августина о предопредѣленіи находится не только подъ влияніемъ мрачнаго міросозерцанія, свойственнаго той эпохѣ, и не только въ зависимости отъ пессимистическаго взгляда на испорченность человѣческой природы, но оно отличается также и исполнѣмъ религіознымъ характеромъ. Оно внушаетъ убѣжденіе, что судьба человека находится въ рукахъ Божіей. Индетерминизмъ, наоборотъ, противорѣчитъ глубокому религіозному чувству. Тѣмъ не менѣе, именно эта сторона ученія Августина находится въ нѣкоторой связи съ позже возникшимъ стремленіемъ придать христіанской этикѣ свѣтскій характеръ. Если воля человека не властна заслужить себѣ небесное блаженство, то вслѣдствіе этого и истинная нравственность рискуетъ потерять свою цѣнность. Что такое единичное доброе или злое дѣло, какъ не одна капля, прибавленная или отнятая отъ цѣлаго грѣховнаго моря, въ которомъ погружено человечество, вслѣдствіе отпаденія отъ Бога и по причинѣ постоянно дѣйствующаго первороднаго грѣха? Инертная покорность судьбѣ, къ которой побуждаетъ это міросозерцаніе, слишкомъ противна нравственной природѣ человека, приспособленной къ дѣятельности, для того, чтобы она могла существовать въ теченіи долгаго времени. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе дѣятельная нравственность теряетъ свою сравнительную цѣнность, тѣмъ болѣе переносится центръ тяжести неискоренимаго стремленія, достигнуть блаженства все же посредствомъ своихъ собственныхъ поступковъ,—въ другую сферу, а именно во внѣшнюю обрядовую дѣятельность

3. Схоластическая этика.

Подобное придаваніе мірскаго характера (*die Verweltlichung*) религіозной жизни неминуемо должно было оказать сильное влияние и на научное построеніе этики. Дѣйствительно, еще въ пер-

вое цвѣтущее время схоластики, одерживаетъ верхъ одно направление, которое разсматриваетъ вину и наказаніе, любовь и благодать, въ сущности, какъ внѣшніе факты, при которыхъ нравственное настроеніе играетъ лишь малую роль. Догматъ о Спасеніи міра, это ядро христіанскаго ученія о возмездіи, мало по малу приводится (какъ видно болѣе всего изъ умозрѣній величайшаго діалектика той эпохи, Ансельма Кентерберійскаго) къ роду *jus talionis* (принципъ: око за око, зубъ за зубъ), къ простому завѣшиванію вины и искупленія. Человѣкъ согрѣшилъ, и вина его должна быть искуплена. Но самъ человѣкъ, съ его ограниченными способностями, не въ состояніи искупить безконечно великую вину; поэтому, Богъ послалъ своего единороднаго Сына, дабы тотъ взялъ на себя вину міра. Теперь впервые безконечно великая вина уравнивается дѣяніемъ, имѣющимъ безконечно великую цѣнность.

Но съ самаго начала возникло противодѣйствіе этому не этическому направленію церковной этики ¹⁾. Въ общемъ подобныя стремленія примыкаютъ къ разнороднымъ ученіямъ патристической эпохи. Особенно соприкасаются они съ попыткой Пелагія и его приверженцевъ дать свободной волѣ и заключающемуся въ ней нравственному самоопредѣленію этическую цѣнность. Въ этомъ смыслѣ еще въ XII вѣкѣ Абеляръ выставляетъ на видъ, оспаривая Бернарда Клервоскаго и другихъ своихъ современниковъ, нравственное значеніе помысла и совѣсти. Видя различіе между добромъ и зломъ не во внѣшней обстановкѣ дѣянія, но преимущественно во внутреннихъ мотивахъ, лежащихъ въ его основѣ, Абеляръ ставитъ и въ религіозномъ отношеніи мистическую идею о спасеніи міра позади нравственнаго идеала Христа.

Но чтобы дать возможность побѣды этимъ попыткамъ перенесенія этического начала извнѣ во внутрь (*Verinnerlichung der Ethik*), въ борьбѣ съ церковною властью, отстаивающею принципъ повинновенія,—для этого требовался умственный переворотъ, который могъ совершиться лишь подъ вліяніемъ могущественныхъ историческихъ условий. Подобная перемѣна возрѣвнѣй постепенно подготовлялась, главнымъ образомъ, какъ слѣдствіе крестовыхъ походовъ, этихъ колоссальныхъ передвиженій народовъ, совершившихся въ средніе вѣка. Къ этимъ предпріятіямъ,

¹⁾ Православіе осуждаетъ это направленіе, опираясь на извѣстныя слова ап. Іакова: «вѣра безъ дѣлъ мертва есть».

возникшимъ первоначально изъ религіозныхъ мотивовъ, постепенне примѣшивались все въ большей мѣрѣ свѣтскіе интересы; поэтому они вообще образовали собою поворотный пунктъ въ исторіи западной культуры. Хотя это были самыя сильныя проявленія религіознаго сознанія, въ которомъ господство церкви надъ душами людей торжествовало свою величайшую побѣду, но все же именно крестовые походы прямо и косвенно привели къ постепенному перевороту воззрѣній, который долженъ былъ потрясти самодержаніе западной церкви. На рыцарственныхъ борцовъ за обладаніе гробомъ Господнимъ идеальная цѣль, которую они преслѣдовали, бросила лучъ свѣта, открывшій имъ глаза. Такимъ образомъ, изъ этихъ битвъ возникъ тотъ цвѣтъ рыцарства, который вмѣстѣ съ увеличеніемъ блеска придворной жизни создалъ одновременно и начала свѣтской науки и искусства. Придворная поэзія той эпохи скорѣ вступила въ тѣмъ болѣе плодотворное соперничество съ научною образованностью духовенства, что эта поэзія впервые со времени паденія античной культуры стала снова черпать изъ источниковъ національной жизни и народнаго языка. Сверхъ того, кругозоръ расширился ознакомленіемъ съ отдаленными странами и народами. Магометанское уметственное развитіе, во многихъ отношеніяхъ превосходившее тогдашнюю образованность Запада, не смотря на различіе въ религіи, стало обнаруживать свое вліяніе. Сокровища александрійской науки перешли еще съ VIII вѣка къ арабамъ. Математика и астрономія, медицина и философія достигли здѣсь разцвѣта, и въ области философіи особенно культивировалась система Аристотеля. Эти останки античнаго просвѣщенія стали извѣстными и на Западѣ съ начала XIII столѣтія, и здѣсь, въ видѣ противоположности односторонне-теологическому направленію предъидущихъ столѣтій, возникла болѣе разносторонняя научная работа, снова обратившаяся къ свѣтскимъ интересамъ. Такимъ образомъ, эта эпоха во многихъ отношеніяхъ является предшественницей эпохи возрожденія, слѣдующей двумя вѣками позже. Въ обоихъ случаяхъ ознакомленіе съ древностью даетъ наукѣ новыя воззрѣнія.

Этотъ свѣтскій характеръ духовныхъ интересовъ, нашедшій свое выраженіе въ господствѣ системы Аристотеля, особенно сильно проявился также въ этикѣ. Вѣдь, именно здѣсь-то Аристотель сдѣлалъ смѣлый шагъ, выдѣливъ всѣ этические мотивы изъ ихъ религіозныхъ комбинацій, съ цѣлью ограничить ихъ условіями дѣйствительной жизни. Для христіанской теологіи, главный ин-

тересъ которой былъ направленъ къ этикѣ, усвоить непосредственно эту точку зрѣнія было совершенно невозможно.

Здѣсь, стало бытъ, языческаго философа (совсѣмъ иначе, чѣмъ въ философіи природы, гдѣ можно было не колеблясь довѣряться его руководству) требовалось примирить съ церковными воззрѣніями. Слѣдствіемъ была, разумѣется, *э к л е к т и ч е с к а я*, полу-религіозная, полу-реалистическая этика, въ которой, по причинѣ этого смѣшаннаго происхожденія, не могло обойтись безъ противорѣчій, но которая, тѣмъ не менѣе, имѣетъ значеніе ибо оказывала вліяніе какъ на свою, такъ и на грядущія эпохи, и этимъ значеніемъ нельзя пренебречь. Главнымъ представителемъ этой *э к л е к т и ч е с к о й* этики былъ величайшій изъ богослововъ XIII вѣка, *Теома Аквинатъ*. Въ подраздѣленіи добродѣтелей на *э т и ч е с к і я* и *д і а н о э т и ч е с к і я*, въ восхваленіи созерцательной жизни онъ вполнѣ слѣдуетъ Аристотелю. Всѣ *э т и ч е с к і я* добродѣтели онъ считаетъ естественными и сводитъ ихъ къ четыремъ *п л а т о н о в с к и м ъ* основнымъ добродѣтелямъ: мудрости, храбрости, *б л а г о р а з у м і ю* и справедливости. Но выше ихъ ставитъ онъ три *с в е р х ъ - е с т е с т в е н н ы м ъ* или *б о г о с л о в с к і я* добродѣтели: вѣру, любовь и надежду. Первые онъ считаетъ *п р і о б р ѣ т е н н ы м ъ*, вторыя непосредственно сообщенными Богомъ душѣ. Сообразно съ этимъ различіемъ происхожденія, первыя ведутъ къ естественному, вторыя къ *с в е р х ъ - е с т е с т в е н н о м у* блаженству. *Теома Аквинатъ* пытается установить родъ связи между тѣми и другими, признавая, что вслѣдствіе грѣхопаденія мы, для достиженія естественныхъ добродѣтелей, нуждаемся въ содѣйствіи Бога. Такимъ образомъ, Богъ является непосредственно источникомъ теологическихъ добродѣтелей, посредственно—также и земныхъ.

Этому двойственному пониманію идеи добродѣтели соответствуетъ теорія воли *Теома Аквината*. Воля свободна, такъ какъ она не подчиняется никакой необходимости въ смыслѣ внѣшняго принужденія; но она опредѣляется нашимъ разумнымъ усмотрѣніемъ, которое выбираетъ между различными благами то, которое ей кажется наилучшимъ, и для того, чтобы при этомъ выборѣ напасть на истинно-благое, мы нуждаемся въ помощи Божіей. И такъ, *Теома* умѣренный *д е т е р м и н и с т ъ*, и въ его *д е т е р м и н и з м ѣ* остается даже слѣдъ ученія *Августина* о *п р е д о п р е д ѣ л е н і и*. Но въ то время, какъ божественное милосердіе, которое у *Августина* составляетъ все, и противъ котораго человѣческое хотѣніе есть ничто, у *Теома* оно становится простымъ содѣйствіемъ воли. Эта перемѣна соотвѣтствуетъ могущественной перемѣнѣ воззрѣ-

ній. Человѣческой воли возвращается ея могущество и наряду съ вѣчнымъ блаженствомъ придается своя цѣнность и земному счастью.

4. Переходъ къ новой философской этикѣ.

Чтобы вполне порвать связь, соединяющую у Оомы и его послѣдователей человѣческую и божественную волю, очевидно, уже не требовалось особенно крупнаго шага. Шагъ былъ сдѣланъ номиналистами—противниками этого великаго учителя церкви. Если уже Оома предоставилъ индивидуальной волѣ великое этическое значеніе, то у номиналистовъ она является единственнымъ опредѣляющимъ началомъ, которое со своей стороны ничѣмъ не опредѣлено. Воля абсолютно свободна: разумное усмотрѣніе не опредѣляетъ ее, такъ какъ человѣкъ можетъ дѣйствовать вполне неразумно; также и божественная воля не опредѣляетъ человѣческой, такъ какъ человѣкъ можетъ направлять свою волю, какъ къ добру, такъ и къ злу. Такимъ образомъ, получилась система, діаметрально противоположная воззрѣніямъ Августина. Не милосердіе, а собственная заслуга производитъ блаженство. И заслуга состоитъ не въ религіозномъ погруженіи души, но во внѣшнемъ послушаніи религіозно-нравственной заповѣди. Такъ какъ въ этихъ ученіяхъ христіанская этика, по отношенію къ пониманію нравственной жизни, достигаетъ крайняго предѣла свѣтскости (*der Verweltlichung*), то она тѣмъ болѣе пытается возвратитъ себѣ утраченную связь съ религіей, во внѣшней сторонѣ религіознаго послушанія. Особенный успѣхъ имѣли эти воззрѣнія когда уже Дунсъ-Скотъ, а затѣмъ еще рѣшительнѣе его преемникъ, Вильямъ Оккэмъ, перенесли индетерминизмъ съ человѣческой воли на волю Божества. Богъ требуетъ послушанія нравственной заповѣди не потому, что она хороша, но потому, что это Его заповѣдь, и самая заповѣдь хороша не по своей сущности, а потому, что она есть выраженіе Божественной воли. Богъ могъ бы пожелать и противоположное, но и тогда его хотѣніе было бы справедливымъ и благимъ.

Такимъ образомъ, христіанская этика переходитъ въ скептическую, которая, тѣмъ не менѣе, держится за вѣру въ откровенія, и даже пытается дать ей новую опору тѣмъ, что признаетъ содержаніе этой вѣры непостижимымъ. Но причисленіе также и нравственныхъ нормъ къ религіи откровенія производитъ то, что самая этическая цѣнность религіозныхъ убѣжденій испытываетъ колебанія. Если нравственный законъ покоится на про-

извольной и по существу случайной Божественной прихоти, то это дѣлаетъ вполне сомнительнымъ постоянство содержанія Божественной воли. Индетерминизмъ, примѣненный къ Божественной волѣ, превращается въ индифферентизмъ, такъ какъ, хотя человеческая воля и соразмѣряется съ Божественною нравственною заповѣдью, но Божественная воля не соразмѣряется ни съ чѣмъ, какъ только сама съ собою. И такъ, какъ только опора, оставшаяся для нравственныхъ нормъ въ религіозномъ сознаніи была поколеблена, — а для этого дѣятельнѣйшимъ мотивомъ была внѣшняя форма, въ которую вылилась религіозная жизнь, — указанный нами индифферентизмъ слишкомъ легко могъ быть перенесенъ съ Божественной воли на человеческую, и, такимъ образомъ, эгоизмъ былъ возведенъ на степень нравственной нормы.

Въ то время, какъ реформаторы возстали противъ церковныхъ злоупотребленій, противъ заблужденій традиціи, искажавшей ученія вѣры, и противъ разсудочнаго направленія схоластической философіи, они пытались также снова скрѣпить тѣснѣе связь между нравственностью и религіей. Въ противоположность ставшей свѣтскою этикѣ школы Томы Аквинскаго, и вопреки индетерминизму и индифферентизму номиналистовъ, они возобновили воззрѣнія Августина. Но съ этимъ уже соединяется болѣе высокая оцѣнка дѣятельной нравственности и практической свободы воли. Своею борьбой съ религіознымъ принужденіемъ (католической) церкви, реформація привела, наконецъ, къ свободѣ научнаго изслѣдованія, которая путемъ возрожденія древности и развитія естественныхъ наукъ вскорѣ привела къ полному перевороту научныхъ воззрѣній. Реформація не дала своей самородной и самостоятельной этики; не болѣе сдѣлала въ этомъ смыслѣ и гуманизмъ¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ тенденція сводится къ возстановленію древнихъ воззрѣній, тамъ въ области вѣры, здѣсь — на поприщѣ науки и искусства. Но являясь главною силой, которой философское мышленіе обязано своимъ освобожденіемъ отъ церковнаго авторитета, реформація косвеннымъ образомъ принимаетъ главное участіе въ основаніи новѣйшей философской этики. Гуманизмъ играетъ для этой послѣдней ту роль, что онъ помогъ болѣе глубокому познанію этическихъ системъ грековъ. Въ развитіи новѣйшей этики является, наконецъ, важ-

¹⁾ Здѣсь авторъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, школу, образовавшуюся въ концѣ среднихъ вѣковъ, видѣвшую высочайшую цѣль образованія въ изученіи древнихъ классиковъ.

нымъ факторомъ одновременное развитіе естествознанія. Оно побуждаетъ къ тому, что и въ области нравственныхъ фактовъ примѣняется точка зрѣнія эмпирическаго изслѣдованія, и эта послѣдняя выводится изъ естественныхъ условій человеческой жизни. Ближайшее къ этой эпохѣ развитіе этики носитъ повтому явный характеръ реакціи противъ односторонней религіозной этики церкви. Этому эмпирическому направленію, культивированному преимущественно въ Англіи, вскорѣ противопоставляется метафизическое, которое частью стремится снова возстановить точку зрѣнія религіозной этики и примирить ее съ свѣтскою этикой, частью же, хотя инымъ образомъ, нежели эмпиризмъ, стремится къ приданію свѣтскаго характера задачамъ морали, подстановливая философскія понятія на мѣсто религіозныхъ представленій.

Глава третья.

Новѣйшая этика.

1. Развитие эмпирической моральной философіи.

а. Баконъ и Гоббсъ.

Подготовленіе къ этой свѣтскости этики, которая обнаружилась прежде всего въ отысканіи эмпирическихъ условій нравственной жизни, совершилось уже частью въ схоластикѣ, частью въ извѣстныхъ направленіяхъ протестантизма. Въ первомъ случаѣ мѣсто для свѣтскаго элемента, которое легко могло быть и увеличено, было предоставлено подраздѣленіемъ добродѣтелей на естественныя и теологическія въ ученіи Тома Аквинскаго. Съ другой стороны, въ распряхъ протестанскихъ сектъ возобновилась борьба первыхъ временъ христіанства изъ за цѣнности или ничтожества дѣятельности человеческой воли ¹⁾. Въ борьбѣ съ мистическимъ ученіемъ объ искупленіи, заимствованнымъ Лютеромъ и Кальвиномъ у Августина, пытались арминіане и латитудинаріи—совершенно въ духѣ прежнихъ пелагіанцевъ—придать высшую цѣнность свободѣ воли и собственной нравственной заслугѣ человека. Но съ этимъ болѣе свободнымъ взглядомъ соединилась и большая терпимость по отношенію къ иновѣрцамъ. За религіознымъ элементомъ признана его цѣнность, но его начали разсматривать болѣе какъ окончаніе и дополненіе къ естественной

¹⁾ См. Pünjer, Geschichte der christlichen Religionsphilosophie seit der Reformation. I, 142—208.

нравственности, чѣмъ какъ ея необходимое условіе, и съ этимъ само собою соединился взглядъ, что человѣкъ, если онъ только слѣдуетъ нравственнымъ заповѣдямъ, можетъ достигъ блаженства, какой бы онъ ни былъ вѣры. Этимъ дана почва, на которой могло развиваться эмпирическое направленіе моральной философіи, водворившееся прежде всего въ Англіи.

Руководящую роль играла здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, философія Бэкона. Бэконъ всюду осторожно избѣгаетъ столкновенія съ теологіей, уступая религіи область нездѣшной жизни, но зато предоставляя философіи область земной жизни; поэтому, онъ также выдѣляетъ вопросъ о высшемъ благѣ, (какъ такой, который всецѣло предоставляется религіи) изъ философскаго ученія о нравственности, и это послѣднее имѣетъ дѣло исключительно съ практическою нравственностью на землѣ и съ ограниченными относительными благами, которыя могутъ быть достигнуты съ ея помощью. По Бэкону, эта практическая нравственность вполне независима отъ религіозныхъ убѣжденій: даже атеистъ можетъ обладать ею. Конечно, совершенство человѣка достигается лишь тогда, когда религіозное настроеніе присоединяется къ нравственному и воздѣйствуетъ на послѣднее благопророчивающимъ образомъ. Но и суевѣрные религіозныя заблужденія не въ меньшей мѣрѣ губительны для нравственности. Такимъ образомъ, Бэконъ совершаетъ тотъ же шагъ, который былъ сдѣланъ въ древней философіи Аристотелемъ, философомъ, который наиболѣе ненавистенъ Бэкону. Но Бэконъ занимается не столько (подобно своему великому предшественнику) опредѣленіемъ понятія о благѣ и основанной на немъ классификаціи добродѣтелей, сколько отысканіемъ источниковъ и мотивовъ нравственности и, прежде всего, изслѣдованіемъ ея примѣненій. По его мнѣнію, главнымъ недостаткомъ предшествующей философіи было и здѣсь то, что она пренебрегла пройти путь отысканія полезныхъ примѣненій. Источникомъ нравственности Бэконъ считаетъ присущій каждому человѣку «естественный свѣтъ» (*Lux naturalis*), естественный нравственный законъ, о происхожденіи котораго Бэконъ не даетъ, впрочемъ, никакихъ дальнѣйшихъ указаній, такъ что остается неяснымъ, подразумѣваетъ-ли онъ подъ этимъ прирожденную способность, или же усмотрѣніе, возникшее лишь путемъ опыта. Въ этомъ отношеніи у Бэкона оба противоположныя направленія, которыя впоследствии должны были развиваться въ англійской этикѣ, остаются еще нераздѣленными. Зато у него сужденіе о различныхъ формахъ нравственно-

хорошаго является вполне дѣломъ опыта, такъ что онъ пытается отыскать признаки, служащіе критеріемъ, изъ реальныхъ отношеній человѣческой жизни. Но здѣсь у него оказывается, что доброе при всѣхъ обстоятельствахъ совпадаетъ съ полезнымъ. Полезное, въ свою очередь, имѣетъ двоякую цѣль. Благо личности и общее благо. Благо личности состоитъ въ удовлетвореніи индивидуальных естественныхъ стремленій самосохраненія, самоусовершенствованія и размноженія. Общее благо покоится на удовлетвореніи тѣхъ потребностей, которыя опредѣляются отношеніями въ средѣ человѣчества, и посредствомъ которыхъ на каждую личность возлагаются извѣстныя обязанности, по отношенію къ человѣчеству вообще, и къ отдѣльнымъ общественнымъ сферамъ, въ которыхъ онъ вращается. Что касается вопроса, слѣдуетъ ли предпочитать единичное благо или общее благо, Бэконъ полагаетъ, что отвѣтъ на это стоитъ внѣ сомнѣнія, такъ какъ природа сама указываетъ истинный путь, стремясь всюду, частью на счетъ отдѣльныхъ особей, достичь сохраненія рода и цѣлаго. Истинная добродѣтель состоитъ, поэтому, по его мнѣнію, въ общепользной дѣятельности, и онъ дѣлаетъ, очевидно, не вполне справедливый упрекъ древности, которая, по его мнѣнію, имѣла въ виду лишь индивидуальное благо. Это превратное мнѣніе, говоритъ Бэконъ, могло быть достигнуто лишь предпочтеніемъ созерцательной жизни—всякой иной, тогда какъ, наоборотъ, единственно цѣнною слѣдуетъ считать дѣятельную жизнь. Наилучшимъ практическимъ вспомогательнымъ средствомъ для дѣятельнаго и общепользнаго существованія, какова въ особенности жизнь государственнаго мужа, онъ считаетъ воспитаніе характера и тщательное изученіе аффектовъ ¹⁾. Въ этихъ соображеніяхъ Бэкона, выраженныхъ у него скорѣе намеками, чѣмъ въ видѣ подробнаго изложенія, особенно выступаютъ три пункта: во-первыхъ, полное отдѣленіе морали отъ религіи или секуляризація (приданіе свѣтскаго характера) этики; во-вторыхъ, столь же полное отдѣленіе ея отъ всѣхъ метафизическихъ предположеній и явившееся взамѣнъ этого стремленіе найти психологическіе мотивы нравственности, причемъ, однако, относительно природы этихъ мотивовъ господствуетъ еще нѣкоторая неопредѣленность, и въ особенности остается неизвѣстнымъ, природены ли они, или приобрѣтены. Къ этому, наконецъ, въ

---

¹⁾ De dignitate et augmentis scientiarum VII. Sermones fideles, особенно 16, 17, 56—59.

третьих, присоединяется перенесеніе конечныхъ цѣлей нравственности въ область общей пользы, стало быть, приравненіе нравственнаго къ общепользному.

Въ трехъ, здѣсь обозначенныхъ направленіяхъ, дѣло Бэкона было продолжаемо Гоббсомъ. Въ абсолютистическихъ воззрѣніяхъ этого философа весьма даютъ себя знать духъ времени и политическая партійность; но по отношенію къ общимъ основамъ своего мышленія онъ стоитъ на одной почвѣ съ позднѣйшими свободомыслящими представителями Бэконовскаго направленія. Но онъ превосходитъ ихъ всѣхъ прожидательной остротою ума. Въ высшей степени логическая тенденція является вмѣстѣ съ тѣмъ, главнѣйшею причиною односторонности его воззрѣній. Жизни чувства для него не существуетъ. Онъ желалъ бы свести все къ ясности логически-математическихъ выводовъ. Это стремленіе дѣлаетъ его самымъ рѣшительнымъ представителемъ Бэконоваго ученія о полезности, но зато съ нимъ не совмѣстимо то раздѣленіе областей религіи и нравственности, котораго придерживался Бэконъ. Естественный законъ нравственности состоитъ для Гоббса въ правильномъ обсужденіи полезныхъ или вредныхъ послѣдствій поступка. Нарушеніе этого закона есть, поэтому, просто ошибка разсудка, она можетъ произойти лишь отъ ложнаго умозаключенія, такъ какъ никто намѣренно не станетъ дѣйствовать противъ собственной пользы. Не возможно, чтобы божественный законъ, изложенный въ нравственныхъ ученіяхъ священнаго писанія, имѣлъ иное содержаніе, нежели естественный нравственный законъ. Поэтому, какъ въ послѣднемъ находится подтвержденіе истинъ христіанства, такъ, обратно, первый получаетъ санкцію отъ послѣдняго. Далѣе, гражданскій законъ такъ же мало можетъ противорѣчить естественному нравственному закону, какъ и законъ религіи, потому что онъ лишь утверждаетъ то, что для каждаго въ отдѣльности полезно при сожительствѣ съ другими. Эти три закона, — естественный, получаемый каждымъ отъ своего собственнаго разума, религіозный, содержащійся въ божественныхъ заповѣдяхъ, и гражданскій, данный властью, преслѣдуютъ, такимъ образомъ, одну и ту же цѣль, выгоды и пользу человѣка. Для Гоббса нѣтъ никакого сомнѣнія въ возможности примирить кажушіяся противорѣчія

¹⁾ Абсолютизмъ — неограниченная государственная власть.

между этими тремя законами: противорѣчія могутъ зависѣть лишь отъ заблужденія. Здѣсь невозможно предоставить рѣшеніе вопроса индивидуальному сужденію, такъ какъ этимъ былъ бы нарушенъ общественный порядокъ, это необходимое условіе каждаго полезнаго стремленія; также и религіозная заповѣдь не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ и она, въ свою очередь, подлежитъ индивидуальному пониманію и истолкованію. Лишь гражданскій законъ можетъ, поэтому, быть рѣшающею дѣло инстанціей. Онъ долженъ не только сглаживать столкновение индивидуальныхъ интересовъ, но и самъ по себѣ онъ можетъ окончательно устанавливать истинное содержаніе религіозныхъ заповѣдей, какъ оно должно быть понимаемо всѣми. Поэтому, Гоббесъ признаетъ суевѣріемъ всякую религію, не получившую санкціи отъ государства. Навѣрное была бы оказана несправедливость проницательности философа, если бы мы предположили, что онъ не замѣтилъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ гражданскій законодатель можетъ быть не правъ, а противорѣчащія ему индивидуальные совѣсти—правы. Этотъ случай, естественно, для Гоббесса такъ же логически возможенъ, какъ и для насъ. Но онъ считаетъ недопустимымъ, чтобы это осуществилось когда-либо практически, и, очевидно, его побуждаютъ къ этому двѣ причины: во-первыхъ, гражданскій законъ имѣетъ въ виду благо всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, тогда какъ личность имѣетъ ближайшимъ образомъ въ виду лишь свое собственное благо; поэтому личности болѣе свойственно заблуждаться. Во-вторыхъ, отдѣльная личность совсѣмъ не въ состояніи защитить свой собственный интересъ, пока у нея нѣтъ необходимой для этого общественной безопасности. Если господство гражданского закона является условіемъ для полезной дѣятельности также и отдѣльной личности, то отсюда слѣдуетъ, что въ немъ заключается формальная справедливость даже и въ томъ случаѣ, когда оно должно причинять матеріальную несправедливость.

Основная идея здѣсь та же, что у Бэкона: польза опредѣляетъ всюду дѣйствія людей. Но въ то время, какъ Бэконъ все еще подраздѣлялъ благо личности и общее благо и сводилъ стремленія къ обоимъ на различныя побужденія—у Гоббеса себялюбіе (эгоизмъ) является мотивомъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ. Личность лишь настолько стремится къ достиженію общаго блага, насколько она служитъ этимъ своему собственному благу. Это эгоистическое воззрѣніе на человѣческую природу приводитъ къ взгляду на «естественное» состояніе, какъ на борьбу всѣхъ

противъ всѣхъ (человѣкъ—человѣку—волкъ). Для подтвержденія этого взгляда Гоббесъ указываетъ, что и въ культурномъ обществѣ всѣ человѣческіе поступки находятся подъ вліяніемъ чувства недовѣрія, и что каждый примыкаетъ къ тѣмъ и любитъ тѣхъ, отъ кого ожидаетъ защиты и поддержки своихъ интересовъ. Это эгоистическое стремленіе есть, поэтому, единственное основаніе государственнаго порядка. Онъ покоится на взглядѣ, что благо каждаго достигается наилучшимъ образомъ, когда воля многихъ подчиняется одной волѣ. По этой причинѣ самодержавіе есть наиболѣе цѣлесообразная государственная форма ¹⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь дальнѣйшее развитіе идей Бэкона съ трехъ уже имъ намѣченныхъ точекъ зрѣнія. Отдѣленіе морали отъ религіи завершается такимъ образомъ, что является раздѣленіе трехъ областей закона съ моральнымъ содержаніемъ: естественнаго закона нравственности, основаннаго на индивидуальномъ усмотрѣніи, гражданскаго закона, покоящагося на признаніи и волѣ власти, и религіознаго закона, имѣющаго источникомъ откровеніе. Но эти три закона, въ свою очередь, разсматриваются всѣ вѣдѣтъ, какъ различныя проявленія одного и того же нравственнаго закона, и въ сомнительныхъ случаяхъ гражданскій законъ ставится выше двухъ остальныхъ. Далѣе здѣсь ближе опредѣляются мотивы нравственности: они сводятся къ логическомъ размышленію о полезномъ и вредномъ, Нравственное и логически правильное дѣяніе считаются тождественными. Здѣсь—вполнѣ въ духѣ Бэкона—выводъ естественнаго нравственнаго закона имѣетъ исключительно психологическій и логическій характеръ; но, сверхъ того, для объясненія совпаденія религіознаго закона съ гражданскимъ, къ нему присоединяются своеобразныя метафизическія предположенія; для религіознаго закона принимается допущеніе, что онъ содержитъ въ видѣ откровенія то же самое, къ чему само собой приводится разумное умозаключеніе; для гражданскаго закона допускается, что естественный эгоизмъ вызвалъ первобытное состояніе борьбы, которое путемъ разумаго мышленія было устранено посредствомъ признанія верховной воли. Конечною цѣлью нравственности, въ концѣ концовъ признается индивидуальная польза, общее же благо лишь настолько, насколько оно включаетъ въ себя благо всѣхъ отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ, понятіе

---

¹⁾ De corpore politico 1. De cive 1, cap. 2—4. III cap. 15. Leviathan 1 Human nature, chapt. 7—13.

объ общемъ благѣ, остававшееся у Бэкона неопредѣленнымъ, опредѣляется точнѣе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняется его противорѣчіе съ благомъ личности. Но это произошло лишь на счетъ перваго изъ этихъ понятій, совершенно утратившаго свою самостоятельность, такъ какъ у Гоббса общее благо есть лишь сумма индивидуальныхъ благъ. Всѣ эти воззрѣнія, наконецъ, основаны на предположеніи, что человѣкъ есть единственно логически считающееся существо, и что его преимущество и недостатки, поэтому, являются преимуществами и недостатками единственно его разсудка. Даже эгоизмъ, этотъ первобытный мотивъ всѣхъ нравственныхъ поступковъ у Гоббса является менѣе въ формѣ аффекта, чѣмъ въ формѣ размышленія, или же, по крайней мѣрѣ, мотивъ аффекта въ немъ скорѣе безмолвно подразумѣвается, чѣмъ заявляется открыто.

б. Джонъ Локъ и интеллектуализмъ.

Легко понять, что взглядъ, устранившій такимъ радикальнымъ способомъ всѣ воззрѣнія, до тѣхъ поръ культивированныя религіозной этикой, взглядъ, не побоявшійся открыто поставить эгоизмъ конечною и вполне оправдываемою пружиной всѣхъ нравственныхъ поступковъ, — такой взглядъ долженъ былъ вызвать опроверженія. Но весьма характеристично для господствующаго стремленія духа времени, что полемика, возникшая противъ Гоббса со стороны теологической, стоитъ отчасти, на тѣхъ же самыхъ предположеніяхъ, какъ и философія самаго Гоббса, особенно въ предположеніи, что нравственность всегда опирается на предоусмотрительности *gesta ratio*. Это предположеніе господствуетъ въ этикѣ кембриджскаго теолога Кудворта и въ главномъ сочиненіи его названо «Интеллектуализмомъ».

Кудвортъ, такъ же, какъ и Гоббсъ, разсматриваетъ человѣка, какъ существо чисто разумное: чувство и аффекты для него несуществуютъ. Тѣмъ рѣзче отличается онъ отъ Гоббса въ своихъ воззрѣніяхъ на происхожденіе разумной интуиціи. Соглашаясь въ этомъ вопросѣ съ другимъ своимъ, Генрихомъ Моромъ который превзошелъ его своимъ философскимъ умомъ, онъ протягиваетъ руку господствующему на континентѣ картезіанизму, пытаясь передѣлать его въ теософскую систему¹⁾. Человѣческій разумъ вытекаетъ изъ божественнаго разума; нравственнымъ по-

¹⁾ Теософія вмѣстѣ съ теологіей раздвѣляетъ вѣрованіе въ сверхъестественное, а вмѣстѣ съ философій — вѣру въ природу. Такимъ образомъ она является промежуточною стадіей между теологіей и чистою философій.
Ред.

нѣтія суть врожденныя истины. Такимъ образомъ, снова устанавливается безусловное первенство религіозной нравственной заповѣди надъ законами гражданскими и законами личной морали. Но между тѣмъ, какъ этотъ интеллектуализмъ провозглашаетъ нравственныя понятія врожденными и стремится доказать всѣ формы религіозныхъ представленій, у него отсутствуетъ не только какая бы то ни было попытка къ психологическому объясненію ихъ, но нѣтъ даже удовлетворительнаго изложенія ихъ содержанія. Выставляется на видъ неизмѣняемость нравственныхъ понятій; какъ очевидная, они сравниваются съ геометрическими аксіомами, которыя также содержатся въ умѣ апріорно. Поэтому, достаточно констатировать ихъ: какъ и математическія аксіомы, онѣ не доступны доказательствамъ и не нуждаются въ нихъ.

Очевидно, что этою ссылкой на непосредственное внутреннее созерцаніе не было достаточно опровергнуто выводъ этого усмотрѣнія изъ эгоизма, сдѣланный Гоббсомъ. Въ этомъ отношеніи интеллектуалистовъ дополняетъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей старой англійской этики—Кумберлендъ. Онъ опредѣляетъ цѣлью нравственности непременно споспѣшествованіе общему благу. Но онъ не отождествляетъ общаго блага съ суммой единичныхъ благъ,—хотя бы даже путемъ разсужденія и можно было придти къ признанію того, что наше личное счастье можетъ наилучше существовать совмѣстно съ общимъ благомъ. Въ дѣйствительности этимъ мотивомъ пользуется законодатель, карая нравственные проступки противъ общества личною расплатой провинившагося. Такимъ образомъ, если предметъ нравственнаго закона, вопреки воззрѣнію Гоббса, относится непосредственно только къ общему благу и лишь посредственно,—именно поскольку мы сознаемъ, что отъ общаго благосостоянія зависитъ и наше личное счастье,—къ благу личности, то ученіе Гоббса о первоначальной борьбѣ, принимающее эгоизмъ за единственный двигатель, оказывается несостоятельнымъ. Борьба повсюду есть только послѣдующее явленіе, а, слѣдовательно, миръ есть естественное первичное состояніе, и преобладающіе мотивы, побуждающіе человѣка сохранять миръ и избѣгать борьбы, состоятъ въ томъ, что миръ связанъ съ пріятнымъ чувствомъ доброжелательства (*Wohllollen*), а борьба съ непріятными чувствами зависти и ненависти. Только при такомъ предположеніи можно разсматривать затѣмъ естественный нравственный законъ, въ то же время и какъ результатъ божественной воли. Ибо, когда Творецъ хотѣлъ дать намъ познать, что мы должны дѣйствовать

для общаго блага, онъ могъ одарить человѣка отъ рожденія не враждой, а человѣколюбіемъ и довѣріемъ къ ближнимъ. Такимъ образомъ, здѣсь выдвигается противъ ученія Гоббса и интеллектуалистовъ большее значеніе аффекта (чувства), хотя еще не въ сознательномъ противоположеніи его разуму (рефлексіи); за разумомъ же остается выборъ отдѣльныхъ средствъ и выполненіе отдѣльныхъ дѣйствій. По взгляду на участіе разума въ дѣлѣ нравственности Кумберлендъ занимаетъ нѣкоторымъ образомъ середину между Гоббсомъ и крайними интеллектуалистами, какъ Моръ и Кудвортъ: душа для него не представляетъ собою ни *tabula rasa*²⁾, которая только чрезъ ощущенія и размысленіе достигаетъ обладанія извѣстными идеями, но она и не носитъ ихъ въ себѣ готовыми оттисками, а вмѣстѣ съ разумомъ обладаетъ въ скрытомъ состояніи нравственнымъ закономъ, который черезъ сношеніе человѣка съ вѣншимъ міромъ и черезъ наблюденіе отношеній отдѣльныхъ индивидовъ къ ихъ ближнимъ достигаетъ отчетливой сознательности.

Такъ какъ эти выводы занимаютъ средину между противоположными воззрѣніями предшественниковъ, то они, въ свою очередь, заключаютъ въ себѣ зародыши разнообразнѣйшихъ направленій которые потомъ должны были получить дальнѣйшее свое развитіе въ англійской этикѣ. Разсматривая естественный нравственный законъ, какъ божественный голосъ, доходящій до сознанія, путемъ естественнаго развитія разума, поучающій человѣка тому, что для него вредно или полезно, Кумберлендъ является предвозвѣстникомъ позднѣйшей теологической утилитарной нравственности. Сводя далѣе психологическіе мотивы нравственности къ соображеніямъ о пользѣ, онъ остается вѣренъ общему направленію этой эмпирической этики; но противопоставляя при этомъ врожденному эгоизму Гоббса благожеланіе (*Wohllwollen*), онъ прокладываетъ путь той соціальной этикѣ, въ которой Локкъ является его ближайшимъ продолжателемъ. Въ предѣлахъ этого направленія онъ снова связываетъ точку зрѣнія рефлексіи (обсужденія), взятую отъ Локка, съ моралью чувства (*Gefühlsmoral*) его пріемниковъ, поскольку онъ, съ одной стороны, видитъ въ разумѣ факторъ, необходимый для человѣческаго существованія, и съ другой стороны, въ благо-

---

2) «Чистая доска» — теорія, по которой въ душѣ нѣтъ ничего прирожденнаго и все пріобрѣтается ею путемъ опыта, какъ доской, на которой еще ничего не написано.

желаніи—условіе, необходимое для естественнаго сплоченія людей. Такъ какъ онъ, въ противоположность Гоббсу, принимаетъ, что мирныя отношенія были первичными между людьми, то у него и является въ первый разъ въ новѣйшей этикѣ мысль, столь часто повторявшаяся позднѣе, мысль объ идеальномъ естественномъ состояніи человѣка. Наконецъ, полагая цѣль нравственности въ стремленіи къ общему благу, Кумберлендъ возвращается къ началамъ Бэкона и остается представителемъ направления, продолжающаго съ тѣхъ поръ господствовать въ англійской философіи нравственности. Отдѣляя, однако, общее благо отъ благополучія отдѣльныхъ лицъ, онъ признаетъ въ то же время тѣсное взаимодействіе ихъ, и не давая удовлетворительнаго объясненія сущности перваго, онъ оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли дѣйствительно общее благо въ смыслѣ Бэкона самостоятельное значеніе или же оно, въ концѣ концовъ, заключается, какъ утверждаетъ Гоббсъ, только въ благѣ каждаго индивида отдѣльно.

На рѣшеніе этого вопроса наибольшее вліяніе имѣлъ Джонъ Локкъ, работы котораго по этикѣ отличаются не столько новизною мыслей, сколько трезвостью сужденія и осторожнымъ уклоненіемъ отъ крайнихъ взглядовъ, являющихся парадоксами для здраваго человѣческаго разсудка. Эти крайности были въ особенности недостаткомъ Гоббса, этого болѣе оригинальнаго и болѣе смѣлаго мыслителя, и этой-то односторонности старается избѣгнуть Локкъ, хотя въ основныхъ воззрѣніяхъ онъ слѣдуетъ Гоббсу, причѣмъ въ то же время борется и съ интеллектуализмомъ. Особенно упорно отрицаетъ онъ утверждаемую интеллектуалистами врожденность основныхъ нравственныхъ началъ, разсматривая ихъ съ Гоббсомъ, какъ пріобрѣтенныя разумомъ¹⁾. Но между тѣмъ, какъ послѣдній болѣе утверждалъ, чѣмъ дѣйствительно обосновывалъ подобное происхожденіе ихъ, а принятіемъ всеобщей обязательности нравственныхъ нормъ и приведеніемъ ихъ къ логической очевидности допускалъ такое предположеніе, которое было родственно съ интеллектуализмомъ, Локкъ старался опровергнуть врожденность нравственныхъ понятій именно тѣмъ, что указалъ на ихъ различія у разныхъ индивидумовъ и на сомнѣніе, которому они еще продолжаютъ подлежать. Съ Гоббсомъ соглашается онъ еще и въ томъ, что конечнымъ двигателемъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ, а слѣдова-

---

¹⁾ Essay concerning human undersanding B. I, chap. 3.

тельно и нравственныхъ, онъ считаетъ эгоизмъ, разсматривая подробно его происхождение и дѣйствія¹⁾.

Полагая, что эгоизмъ есть результатъ способности чувствовать удовольствіе и страданіе, Локкъ, какъ и до него Кумберлендъ, пытается доказать происхожденіе нравственныхъ побужденій изъ наблюденій надъ общественными отношеніями и связанными съ ними полезными и вредными послѣдствіями нашихъ поступковъ. При этомъ Локкъ считаетъ предположеніе врожденнаго человѣколюбія лишнимъ. Всѣ дѣйствія приписываемыя человѣколюбію, можно объяснить субъективною способностью ощущать удовольствіе и страданіе, и связанною съ нею способностью размышлять (рефлексіей). Съ другой стороны онъ уклоняется однако отъ признанія вмѣстѣ съ Гоббсомъ первичнаго состоянія борьбы; онъ ограничивается установленіемъ того, что съ самаго начала индивидуальное стремленіе къ счастью и отвращеніе къ страданію должны были съ помощью размышленія (рефлексіи), превратиться въ стремленія къ общему благу. Въ этомъ знаніи полезнаго и вреднаго, знаніи—достигнутомъ путемъ опыта, онъ усматриваетъ тотъ *lux naturalis* (природный свѣтъ), тотъ естественный нравственный законъ, на который еще Бэконъ и Гоббсъ смотрѣли, какъ на самый всеобщій указатель нравственнаго поведения. Но онъ не отдѣляетъ, какъ Бэконъ, этотъ естественный законъ отъ религіознаго, и не подчиняетъ ихъ другъ другу, какъ Гоббсъ, но полагаетъ, что, подобно тому, какъ мы познаемъ Бога изъ его твореній, точно такъ же и его божественный законъ мы должны познать путемъ нравственнаго опыта, и въ этомъ, конечно, совершенно измѣненномъ смыслѣ, онъ утверждаетъ вмѣстѣ съ интеллектуалистами, что божественная заповѣдь проникаетъ къ намъ черезъ природный свѣтъ (*lux naturalis*, см. выше). Кромѣ того, мы быстрѣе и точнѣе могли бы прійти къ обладанію божественною и нравственною заповѣдью и черезъ откровеніе, которое поѣтому отличается отъ эмпирически возникшаго естественнаго нравственнаго закона не содержаніемъ своимъ, а только способомъ своего сообщенія людямъ²⁾. Въ этомъ мнѣніи о соотношеніи между откровеніемъ и естественнымъ развитіемъ въ первый разъ высказывается основное положеніе [раціоналистической теологіи періода просвѣщенія, которое Лессингъ развилъ

---

¹⁾ Тамъ же, В. II, chap. 20, 21.

²⁾ Тамъ же, кн. IV, гл. 10, 18, 19. Reasonableness of the christianity, Works, 1751. vol. II, p. 509.

болѣе въ своихъ «Мысляхъ о воспитаніи человѣчества» (Ideen über die Erziehung des Menschengeschlechtes).

Отъ естественнаго нравственнаго закона, по отношенію къ которому религіозный заповѣди, являются, такимъ образомъ, лишь особою его формой, Гоббсъ и Локкъ отличаютъ законъ гражданскій, къ которому Локкъ присоединяетъ въ качествѣ ограничительнаго фактора требованія общественнаго мнѣнія, которое является поправкой (Coriectiv) для закона гражданского, то предупреждая злоупотребленія, то способствуя дальнѣйшему ихъ развитію¹⁾. Этимъ устраняется абсолютная авторитетность, которую Гоббсъ вносилъ въ понятіе о государствѣ. Въ этомъ триумvirатѣ законовъ нравственности первенство признается не за политическимъ закономъ, какъ у Гоббса, не за религіознымъ, какъ у интеллектуалистовъ, но за закономъ естественнымъ, эмпирически создавшимся на почвѣ всеобщихъ ощущеній удовольствія и страданія, на способности къ размышленію (рефлексіи). Этотъ законъ выше, — по мнѣнію Локка, — религіознаго закона, полученнаго черезъ откровеніе, потому-что при томъ же содержаніи онъ гораздо болѣе всеобщъ и доступенъ каждому человѣку. Онъ стоитъ выше закона гражданского и общественнаго мнѣнія, такъ какъ и эти опираются на тотъ же *lux naturalis*, следовательно, они являются лишь выраженіемъ и примѣненіемъ естественнаго нравственнаго закона. Но они именно суть тѣ примѣненія, которыя на практикѣ прежде всего могутъ опредѣлять, что нравственно и что безнравственно, и въ этомъ отношеніи Локкъ вѣренъ формальной точкѣ зрѣнія Гоббса²⁾.

Въ пониманіи мотивовъ и цѣлей нравственности, Локкъ въ существенномъ снова возвращается къ воззрѣнію Гоббса. Мотивомъ нравственности остается для него эгоизмъ, цѣлью — общее благо, которое, и по его мнѣнію, составляется изъ счастья отдѣльныхъ лицъ. Но онъ не признаетъ метафизическую гипотезу первичнаго состоянія, предшествовавшаго общественному строю, и принимаетъ или скорѣе подразумѣваетъ, что человѣкъ находился всегда подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же психологическихъ мотивовъ, которые сопровождались всегда одними и тѣми же послѣдствіями. Изъ этихъ мотивовъ, болѣе чѣмъ у Гоббса и интеллектуалистовъ, выступаютъ аффективные (происходящія изъ чув-

¹⁾ Тамъ же, кн. II, гл. 28, стр. 7.

²⁾ Тамъ же, кн. II, гл. 20. § 2, и 28, § 5.

ствованій) и получающія свое значеніе отъ удовольствія и страданія, какъ истинныхъ источниковъ нашихъ поступковъ. Но интеллектуальное начало играетъ все таки господствующую роль. Локкъ только потому оспариваетъ предположеніе врожденнаго чловѣколюбія, что все, что это послѣднее могло бы произвести, выполнять, по его мнѣнію, размышленіе (рефлексія). Такимъ образомъ, удовольствіе и страданіе не являются собственно цѣлью нравственнаго поступка, какъ въ древнемъ гедонизмѣ¹⁾, а только его основными условіями, между тѣмъ, какъ рѣшеніе относительно самого содержанія поступка всегда исходитъ изъ разума. Въ этомъ отношеніи Локкъ, опять подобно Гоббсу, сравниваетъ даже примѣненіе нравственнаго закона къ отдѣльнымъ случаямъ съ приложеніемъ математическихъ аксіомъ. Но такъ какъ при этомъ онъ имѣетъ въ виду также прежде всего практическую этику, то эти выводы стоятъ, очевидно, въ тѣснѣйшей связи съ мнѣніемъ, общимъ ему съ Гоббсомъ и интеллектуалистами, что всѣ нравственные сужденія суть результаты разумной предусмотрительности и разсудочнаго обсужденія. Въ этомъ отношеніи къ Локку удачно примыкаетъ школа, которую удобно опредѣлять, какъ школу младшихъ интеллектуалистовъ. Отъ старшихъ интеллектуалистовъ она отличается точкой зрѣнія, болѣе близкою къ эмпиризму. Отъ Локка ее отличаетъ его субъективный взглядъ на нравственность и связанное съ этимъ взглядомъ чисто-формальное установленіе ея общеобязательности: младшіе интеллектуалисты стремятся противопоставить этому субъективному взгляду объективную дѣйствительность нравственнаго закона, которая сама по себѣ даетъ ему общеобязательную силу. Главные представители этого объективнаго интеллектуализма суть Вилльямъ Волластонъ и Самуилъ Клэркъ²⁾. По ихъ ученію, нравственные нормы обладаютъ объективною дѣйствительностью, которая, какъ утверждаетъ Клэркъ, имѣетъ одинаковое происхожденія съ законами математики и физики, такъ что нарушеніе права въ области нравственности есть тоже, что измѣненіе въ естественной области свойствъ тѣла, вопреки законамъ природы.

---

¹⁾ Гедонизмъ—этическая теорія, которая ставитъ цѣлью чловѣческой дѣятельности счастье (см. выше).

²⁾ Wollaston, The religion of nature delineated, 6 edition. London, 1738. Главныя положенія отсюда у Эрмана, Geschichte der neueren Philosophie, Bd II, Abth. Beil. S. XZIII ff. Clarke, A discourse of the being and attributes of Good etc.

Какъ истинное находится въ полномъ согласіи нашихъ представлений съ природой вещей, такъ и добродѣтель заключается въ согласіи нашихъ поступковъ съ предметами. Эти философы нравственности представляютъ себѣ нравственность настолько независимою отъ произвола и субъективныхъ положеній, что считаютъ невозможнымъ, чтобы даже самъ Богъ послѣ того, какъ Онъ создалъ существующій порядокъ вещей, могъ когда-либо внести въ него еще разъ произвольное измѣненіе. Каждой вещи указано имъ неизмѣнное ея назначеніе; относиться къ ней соотвѣтственно этому назначенію, по мнѣнію Волластона, и нравственно, и согласно съ волей Божьей. Подобно тому, какъ Богъ далъ природѣ ея незыблемые законы, которыхъ онъ никогда не нарушаетъ, такъ точно установилъ онъ, по мнѣнію Клерка, между всѣми предметами опредѣленную соразмѣрность, въ которой выражается ихъ нравственная природа.

Въ этихъ системахъ интеллектуализмъ настолько выдвигается на первый планъ, что специфическій элементъ нравственности совершенно исчезаетъ. Волластонъ уподобляетъ нравственный проступокъ умственной погрѣшности; для Клерка же, который въ данномъ случаѣ находится подъ вліяніемъ натурфилософа Ньютона, нравственный проступокъ является уклоненіемъ отъ неизмѣннаго закона природы. Все же, не смотря на всѣ эти слабости стороны, попытка обезпечить за нравственностью объективную общеобязательность въ противоположность субъективизму Локка, была законна и потому-то въ такихъ стремленіяхъ не было недостатка среди англійской моральной философіи и въ поздѣйшее время.

с. Шефсбюри и англійская разсудочная мораль.

Кромѣ субъективнаго и формальнаго обоснованія общеобязательности нравственнаго закона, противъ чего возставали позднѣйшіе интеллектуалисты, тезисы Локка требовали возраженій еще и въ другомъ отношеніи, въ которомъ они сходились съ интеллектуализмомъ: именно, въ исключительномъ сведеніи нравственныхъ представленій къ функціямъ разума и размышленія (reflexion). Хотя индивидуальными мотивами Локкъ и призналъ удовольствіе и неудовольствіе, однако, онъ устранился отъ примѣненія этихъ аффективныхъ элементовъ къ нравственному поведенію. И тутъ-то противъ односторонне интеллектуальнаго развитія всей прежней этики выступилъ Шефсбюри впервые пытаясь дать ей эмоціональное обоснованіе.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.